

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЦЫКОВ Иван Валерьевич

**ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ ТВЕРСКОЙ (КАЛИНИНСКОЙ) ЕПАРХИЕЙ
И ДИНАМИКА ВНУТРИЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ
В 1917 – СЕРЕДИНЕ 1930 ГОДОВ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д.и.н. проф. Т.Г. Леонтьева

Тверь – 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ ТВЕРСКОЙ ЕПАРХИЕЙ	
В 1917 – НАЧАЛЕ 1922 ГОДА	37
§1. Тверская епархия в 1917 г.: кризис власти.....	37
§2. Деятельность Тверского епархиального совета в 1918 – 1920 гг.....	47
§3. Институт викарных епископов в 1918 – начале 1922 г.....	72
§4. Епархиальная власть в 1921 – начале 1922 г.....	80
ГЛАВА II. БОРЬБА ЕПАРХИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ	
ПРОТИВ ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО РАСКОЛА В 1922 – 1928 ГОДАХ	
§1. Возникновение обновленческого раскола: позиция гражданской власти и реакция канонического священноначалия.....	91
§2. Разгром органов епархиального управления гражданской властью в конце 1922 – начале 1923 г.....	106
§3. Епархиальная власть и обновленческое Тверское епархиальное управление (ТЕУ) в 1924 – 1928 гг.....	118
ГЛАВА III. ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И ЕЕ ПРОТИВНИКИ	
В КОНЦЕ 1920 – СЕРЕДИНЕ 1930 ГОДОВ	
§1. Преемственность и новые принципы в организации работы епархиальной власти в конце 1920 – начале 1930 гг.....	136
§2. Роль калининских обновленцев в антицерковных мероприятиях гражданской власти	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	169
ПРИЛОЖЕНИЯ	183

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Основным структурным подразделением Русской православной церкви является епархия, которая представляет собой совокупность приходов и обслуживающих их причтов, подчиненных епископу. В обязанности епископа и существующих при нем учреждений входит рассмотрение и решение вопросов по управлению епархией, в том числе, по выстраиванию отношений с местными органами гражданской власти. Важность органов церковной власти епархиального уровня давно осознана православным сообществом. Серьезные реформы в этой сфере были проведены Поместным Собором 1917 – 1918 гг. Не случайно в настоящее время патриарх Кирилл инициировал серию преобразований епархиального управления. Оказалось, что ряд проблем, с которыми церковь сталкивается сейчас, по своей природе схожи с теми, которые она вынуждена была решать в более трудных условиях 1917 – 1930 гг.: поддерживать церковную дисциплину, сохранять единство церкви, удерживать и преумножать контингент верующих и повышать их религиозную просвещенность. Успешная работа церковного руководства в этой сфере невозможна без повышения эффективности епархиальных управленческих институтов, поэтому изучение и использование исторического опыта, накопленного церковью в 1917 – 1930 гг., становится актуальным, так как это может способствовать гармонизации отношений церковно-административных структур с православными верующими, гражданской властью и обществом в целом.

Объект данного диссертационного исследования – органы управления Тверской (Калининской) епархией, в том числе не имевшие юридического статуса, но осуществлявшие полномочия в масштабе епархии; **предмет** – структура и деятельность органов управления Тверской (Калининской) епархией в их взаимодействии с верующими, гражданской властью и расколами в 1917 – середине 1930 гг.

Степень изученности темы. Процесс изучения проблем истории Русской православной церкви 1917 – 1930 гг. можно разделить на два крупных периода, граница которых проходит на рубеже 1980 – 1990 гг. Фундаментальной особенностью первого, советского, периода является ограниченный доступ исследователей к источникам и наличие официальной позиции советского государства по ключевым вопросам истории государственно-церковных отношений. Историографический процесс при этом распадался на два основных потока – подконтрольный и неподконтрольный советской власти. К последнему относятся труды зарубежных историков, а также исследователей, работавших на территории СССР независимо от государственных научных учреждений и публиковавшихся за границей. Второй большой период, постсоветский, начавшийся на рубеже 1980 – 1990 гг., характеризуется расширением доступа историков к архивным документам, исчезновением диктата коммунистической партии и повышенным интересом исследователей и общества к церковной проблематике.

Из обширного массива работ, посвященных общим вопросам истории Русской православной церкви и государственно-церковных отношений в первые десятилетия после установления советской власти, для настоящего исследования первостепенный интерес представляют монографии и статьи, раскрывающие социально-политический контекст формирования и функционирования церковно-административных структур. Они стали появляться уже в 1920 гг., причем авторами ранних работ нередко были очевидцы или участники событий. Несмотря на изобилие трудов, их проблематика в рамках официальной отечественной историографии отличалась однообразием практически на всем протяжении советского периода. В подобных исследованиях, часто представляющих собой образцы исторической публицистики, Русская православная церковь рассматривалась как реакционная и контрреволюционная сила, вынужденно вставшая на путь примирения с советской властью¹.

---

¹ Красиков П.А. На церковном фронте (1918 – 1923). М., 1923; Рожницын П. Тихоновцы, обновленцы и контрреволюция. М.–Л., 1926; Зарин П. Политическая маскировка религиозных организаций. М., 1934; Кандидов Б. Церковь и шпионаж. М., 1938; Воронцов Г.В.,

При этом не учитывались многочисленные факты активной деятельности советского государства, направленной в ущерб Русской православной церкви, и потому в результате введения в научный оборот новых источников и освобождения исторической науки от государственно-партийного диктата на рубеже 1980 – 1990 гг. эта концепция была подвергнута жесткой критике.

Более взвешенные оценки по ряду вопросов государственно-церковных отношений можно найти в неподконтрольной советской власти историографии², хотя авторы в силу личных воззрений или неосведомленности порой создавали исключительно негативный образ советского государства и Русской православной церкви на территории СССР³.

В трудах, созданных в 1990 – 2000 гг., произошла своего рода «реабилитация» церкви и «осуждение» государства за многолетний конфликт. Как отмечает исследовательница Т.Г. Леонтьева, сформировавшееся у ряда историков представление о церкви как о «жертве», «пассивном участнике политических экспериментов большевистской власти» стало основанием исследовательского подхода, оказало существенное влияние на выбор объектов изучения и предопределило многие выводы⁴.

В 1990 гг. выходу исследований на новый уровень способствовало введение в научный оборот материалов, отражающих ведущую роль Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) в формировании церковной политики. В этой связи следует отметить статью С.Н. Савельева «Бог и комиссары», созданную на ос-

---

Макаров Н.Ф. Отношение коммунистической партии и советского государства к религии и церкви. Л., 1957; Куроедов В.А. Религия и церковь в советском государстве. М., 1981; Плаксин Р.Ю. Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны. М., 1987; Гордиенко Н.С. Православие в советском обществе. Основные этапы эволюции // Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С. 616–690; Одинцов М.И. Государство и церковь: История взаимоотношений. 1917 – 1938 гг. М., 1991.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1994; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

³ Русак В. История Российской церкви. Со времени основания до наших дней. США, 1993.

⁴ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002. С. 210, 218; Она же. О «советском» периоде истории Русской православной церкви: версии постсоветской российской историографии // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 30. Nos. 2. (2003). С. 203.

нове материалов так называемой Антирелигиозной комиссии (АРК) при Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б), секретного органа власти, осуществлявшего в 1920 гг. контроль над деятельностью религиозных организаций⁵. С.Н. Савельев отмечает, что высшее партийное руководство «придавало деятельности АРК чрезвычайно большое значение», поскольку «историкам неизвестно о существовании какой-либо другой постоянно работающей комиссии в непосредственном подчинении Политбюро»⁶. Антирелигиозная комиссия представляла собой «центральный планирующий и координирующий антирелигиозную деятельность орган»⁷. «Приводным ремнем» АРК было 6-е отделение Секретного отдела ГПУ – ОГПУ, начальник которого, Е.А. Тучков, был по совместительству секретарем комиссии. ОГПУ также являлось основным поставщиком информации для АРК. Таким образом, сам процесс выработки и претворения в жизнь политических решений в отношении религиозных организаций был институционально оформлен в соответствии с общей линией на их уничтожение⁸.

Некоторые исследователи утверждают, что советское государство начало проводить целенаправленную политику по разрушению церкви и подавлению ее организационных структур («гонения») с первых же месяцев после прихода большевиков к власти⁹. Эта концепция вызывает критику со стороны историков, полагающих, что «богоборчество большевиков периода Гражданской войны было лишь частью общего хаоса, нежели продуманной ре-

---

⁵ Савельев С.Н. Бог и комиссары (к истории комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК ВКП(б) – антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия: На пути к свободе совести. Вып. II. М., 1993. С. 164–216.

⁶ Там же. С. 166–167.

⁷ Там же. С. 173.

⁸ Там же. С. 203.

⁹ Цыпин В., протоиерей. Русская церковь (1917 – 1925) . М., 1996. С. 71–73; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. С. 60; Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922 – 1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 12; Сипейкин А.В. Политика советской власти в отношении Русской православной церкви в 1917–1921 годах (на материалах Тверской губернии). Тверь, 2007. С. 60 – 92.

прессивной антирелигиозной кампанией»¹⁰. В развитие данной идеи исследователь М.В. Каиль установил, что в Смоленской губернии организованная антирелигиозная пропаганда начала проводиться с 1921 г. в ходе исполнения соответствующих решений руководства РКП(б), а репрессивные акции в отношении духовных лиц в 1918 – 1921 гг. носили спорадический характер¹¹. А.Н. Кашеваров, рассматривая кампанию по вскрытию мощей (первую крупномасштабную антицерковную акцию большевиков, начатую осенью 1918 г.) отмечал, что она затронула далеко не всю подконтрольную советскому государству территорию и фактически проводилась по усмотрению местного начальства. Централизованная система органов власти, ответственных за проведение антицерковной политики, оформилась позднее – в ходе подготовки и проведения кампании по изъятию церковных ценностей и других акций 1922 – 1923 гг.¹²

Важной вехой в исследовании государственно-церковных отношений стало введение в научный оборот документов тематических «церковных» дел Политбюро 1922 – 1925 гг. Параллельно с их подготовкой к публикации группой новосибирских ученых вышла в свет уже упомянутая монография Н.А. Кривовой. Источниковую базу исследования составили документы Политбюро 1922 – 1925 гг., освещающие процесс выработки политического курса в отношении религиозных организаций. Изучив эти материалы, автор возложила на государство всю полноту ответственности за конфронтацию с церковью в 1922 – 1923 гг. Анализируя поведение духовенства и православ-

¹⁰ Михайлова (Леонтьева) Т.Г. К вопросу о природе и масштабах большевистских гонений против Русской Православной Церкви в годы Гражданской войны: Историкографические заметки // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., 2002. С. 492; Леонтьева Т.Г. Тверская епархия в 1917 – 1918 гг.: испытание революцией // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. Вып. 4. С. 23, 29.

¹¹ Каиль М.В. Антирелигиозная агитация и пропаганда 1920-х годов: провинциальная практика, формы, динамика (на примере Смоленской губернии) // Известия Смоленского государственного университета. 2010. №1(9). С. 207; Каиль М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны: государственно-церковные отношения и внутриконтрессиональные процессы. М., 2010. С. 99–100.

¹² Кашеваров А.Н. Православная российская церковь и советское государство (1917 – 1922). М., 2005. С. 169–248.

ного населения в период проведения кампании по изъятию церковных ценностей, Н.А. Кривова приходит к выводу, что сопротивление изъятию носило массовый и нередко организованный характер, хотя патриарх Тихон лично не призывал верующих к неповиновению гражданским властям¹³.

Исследователи отмечают, что крупномасштабная антицерковная кампания 1922 – 1923 гг. не достигла главной цели – дискредитации церкви в глазах верующих. В результате с апреля 1923 г. государственная власть стала проводить более гибкую политику, добиваясь от Патриаршей церкви («тихоновцев») беспрекословной лояльности в обмен на ее официальное признание¹⁴. Церковное руководство пыталось достичь взаимовыгодного компромисса с властью, но под давлением органов ОГПУ вынуждено было согласиться с предложенными условиями¹⁵. В 1927 г. митрополит Сергей (Страгородский), возглавлявший в то время Патриаршую церковь, получил право сформировать и зарегистрировать Синод и издал Декларацию о лояльности советской власти. Принято считать, что «платой» за официальное признание со стороны государства стало негласное обязательство митрополита Сергея согласовывать свою деятельность (в первую очередь, кадровую политику) с ОГПУ¹⁶. Многолетняя борьба гражданской власти за установление контроля над руководством Патриаршей церкви практически не отражалась на поло-

---

¹³ Кривова Н.А. Указ. соч. С. 75–101.

¹⁴ Совокупность православного духовенства и верующих, которые после возникновения в 1922 г. обновленческого раскола сохранили верность каноническому священноначалию во главе с патриархом Тихоном и его преемниками, в научной литературе принято называть Патриаршей церковью; в документах, созданных органами гражданской власти в 1920 – 1930 гг., они именуются «тихоновцами».

¹⁵ Лобанов В.В. Патриарх Тихон и советская власть (1917 – 1925 гг.). М., 2008. С. 210–223; Покровский Н.Н. Предисловие // Архивы Кремля. В 2 кн. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922 – 1925 гг. М. – Новосибирск, 1997. С. 102; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. С. 114–117.

¹⁶ Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г., Макаров Ю.Н. Внутриконтфессиональные конфликты и проблемы межконтфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). СПб., 2005. С. 181.

жении приходских общин, которые получили передышку после кампании по изъятию церковных ценностей¹⁷.

Заверения о лояльности со стороны руководства Патриаршей церкви и получение официального разрешения на формирование Синода не привело к изменению основ проводимой большевиками церковной политики. В конце 1920 – начале 1930 гг. церковь пережила очередное «столкновение с государством», выразившееся в ликвидации монастырей, закрытии половины от общего числа приходских храмов, арестах духовенства и верующих¹⁸. Также в 1929 г. была резко сужена разрешенная законом сфера деятельности религиозных организаций¹⁹. Как отмечает исследователь А.Л. Беглов, легализация, которой настойчиво добивалось руководство Патриаршей церкви, оказалось «подготовленной ловушкой», а тенденция на вытеснение религиозных структур из общественной жизни продолжилась в 1930 гг. и едва не привела к официальному запрету всех церковных исполнительных органов, включая приходские советы²⁰.

Епархиальные органы власти в 1917 – 1930 гг. пока не представлены в историографии как самостоятельный объект изучения, однако нарастание интереса исследователей к локальной церковной истории в 1990 – начале 2000 гг. обернулось разработкой отдельных проблем, связанных с их формированием и деятельностью. Так, в монографии П.Г. Рогозного, посвященной кризисным явлениям в Русской православной церкви в 1917 г. (образно именуемым им «церковной революцией» или «церковной смутой») анализиру-

¹⁷ Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922 – 1953 гг.). М.: Кучково поле, 2011. С. 226–232.

¹⁸ Одинцов М.И. Декларация митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. и борьба вокруг нее // Отечественная история. 1992. №6. С. 123–139; Шкаровский М.В. Русское монашество в советское время // Церковь и время. 2002. №1 (18). С. 197–200; Леонтьева Т.Г. Попы, церковники и сектанты в «большевистской перестройке» в Калининской области 1937 – 1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 219–222.

¹⁹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 250–251.

²⁰ Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 34–36

ются события, происходившие в Тверской, Орловской и Енисейской епархиях, в которых, по мнению автора, революционная ситуация проявилась наиболее отчетливо²¹. Он приходит к выводу, что в провинции главной силой, выступавшей против синодального строя, стали радикально настроенные низшие клирики, в то время как «в столичных епархиях основной костяк реформаторского движения в 1917 году составляла интеллектуальная элита церковного общества: профессура духовных академий, наиболее видные протоиереи и священники»²². Ярко выраженное стремление значительной части духовенства и верующих к демократизации церковной жизни повсеместно приводило к конфликтам епархиальных собраний и советов со священноначалием.

Историк А.В. Сипейкин на примере Тверской епархии рассматривает основные антицерковные акции советской власти 1918 – 1920 гг. (отчуждение церковной собственности, гонения на духовенство, свертывание церковного просвещения, антирелигиозную агитацию и кампанию по изъятию мощей), затрагивая при этом практики взаимодействия епархиального и губернского руководства²³. Анализируя особенности реализации советской церковной политики в Тверской епархии, автор отмечает, что ввиду ее близости к центру страны и удаленности от основных фронтов Гражданской войны на данной территории «террор в рассматриваемый период не был столь же масштабным, как в регионах, близких к линии фронта», а решения высших органов государственной власти исполнялись «более последовательно»²⁴.

М.В. Каиль на материалах Смоленской епархии изучает процесс трансформации церковных институтов в условиях Гражданской войны, политики военного коммунизма и раннего нэпа. Анализируя деятельность Смоленского епархиального совета – ключевого органа управления епархией в

---

²¹ Rogoznyy P.G. Церковная революция 1917 года: Высшее духовенство Российской церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции. СПб., 2008. С. 31–33.

²² Там же. С. 110.

²³ Сипейкин А.В. Указ. соч. С. 60–79.

²⁴ Там же. С. 91, 174.

1918 – 1920 гг., автор пришел к выводу, что отсутствие достаточных материальных средств (ввиду национализации церковного имущества) и конструктивного диалога с новой властью привело к его неэффективности. Объективные факторы осложнялись «архиерейской чехардой» – частой сменой правящих епископов, которую автор связывает с «пагубным влиянием революционных событий на внутрицерковную жизнь»²⁵. Вместе с тем, М.В. Каиль обнаружил, что отдельным приходским общинам удавалось находить «продуктивный компромисс с местной властью»²⁶. Таким образом, наблюдения автора за церковной жизнью Смоленщины 1917 – начала 1920 гг. показывают нарастающую атомизацию церковного сообщества, распад его на отдельные приходские общины, снижение авторитета священноначалия и церковно-административных структур, падение церковной дисциплины, что в дальнейшем обеспечило почву для церковных расколов.

А.Г. Поляков построил исследование взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви в 1917 – середине 1920 гг. на материалах Вятской губернии. Он уделяет особое внимание участию духовенства и верующих в общественной жизни, деятельности епархиальных органов власти и борьбе обновленцев и «тихоновцев». Специфику Вятской епархии, по мнению автора, определяет удаленность от основных центров страны, смешанный этнический состав населения (в старых границах), процесс христианизации которого остался незавершенным, и близость к Восточному фронту Гражданской войны в 1918 – 1919 гг.²⁷ Последнее обстоятельство вызвало более жесткое, чем в тыловых регионах, отношение советской власти к церкви на этой территории.

Изучив ход развития конфликта местных сторонников демократических преобразований в церкви с правящим епископом и Синодом после Фев-

---

²⁵ Каиль М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны. С. 119–120.

²⁶ Там же. С. 127.

²⁷ Поляков А.Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 – середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии). Киров, 2007. С. 53.

ральской революции, А.Г. Поляков показал, что даже относительно мощное церковно-общественное движение не могло реализовать свои программные установки без разрыва с «остальной» церковью²⁸. В дальнейшем, по мере ослабления связей епархии с Высшим церковным управлением в ходе Гражданской войны и усиления местной советской власти Вятский епархиальный совет «встал на путь сотрудничества в деле практической реализации некоторых основополагающих мероприятий конфессиональной политики советского государства»²⁹. Результатом взвешенной позиции епархиального совета по отношению к советской власти стало формирование традиции мирных взаимоотношений между губернскими властями и епархиальным руководством, которое полагало, что слепое исполнение распоряжений патриарха и Высшего церковного управления может привести к трагическим последствиям³⁰.

Ценные сведения о формировании и деятельности органов управления Владимирской епархии приводятся в работе священника А. Гоглова. К сожалению, публицистический характер его труда не позволяет всерьез воспринимать многие авторские выводы, однако приведенные в нем факты заслуживают внимания, тем более что Владимирская епархия, как и Тверская, принадлежала к числу «тыловых», ее территория находилась под контролем большевиков на всем протяжении Гражданской войны³¹.

Очевидно, что интерес исследователей, изучающих историю церкви и государственно-церковных отношений на материалах отдельных епархий, преимущественно сосредоточен на периоде 1917 – начала 1920 гг. (во многом это связано с состоянием источниковой базы). Большое внимание авторы уделяют анализу государственно-церковных отношений и внутрицерковных конфликтов, при этом за рамками рассмотрения, как правило, остаются во-

---

²⁸ Поляков А.Г. Указ. соч. С. 32–35.

²⁹ Там же. С. 71.

³⁰ Там же. С. 85.

³¹ Гоглов А., священник. Владимирское лихолетье. Православная церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты. М., 2008.

просы организационной структуры и порядка работы епархиальной власти. В последние годы существенный вклад в изучение церковно-правовых основ деятельности епархиальных органов власти после крушения синодального строя внес игумен Савва (Тутунов). Подводя итог своему исследованию, автор, в частности отметил, что вопрос о практической реализации реформы епархиального управления, проведенной Собором 1917 – 1918 гг., «остается неизученным»³².

В рамках темы данного диссертационного исследования центральным сюжетом церковной истории 1920 – 1930 гг. является борьба канонического священноначалия с церковными расколами, в первую очередь, с обновленчеством, поскольку сформированные обновленцами органы управления полностью дублировали структуру Патриаршей церкви и составляли ей конкуренцию.

Обновленчество преимущественно изучается с позиций, сформировавшихся еще в 1920 гг. Согласно одной из точек зрения, оно рассматривается как церковно-реформистское движение, возникшее в начале XX в. и в ходе развития породившее обновленческие организации советского времени, согласно другой – как инструмент, созданный большевиками для разрушения Русской православной церкви.

Организация обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ) в 1922 г. вызвало к жизни серию работ, где обосновывалась его легитимность и право контролировать Русскую православную церковь³³. Обновленческие деятели считали себя последователями «группы 32-х» священников г. Санкт-Петербурга, которые в 1905 – 1907 гг. выступали за «восстановление канонической свободы православной церкви»³⁴. Некоторые участники этой группы

---

³² Савва (Тутунов), игумен. Епархиальные реформы. М., 2011. С. 379–380.

³³ Введенский А.И. Революция и церковь. Пг., 1922; Он же. Церковь и государство: очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918 – 1922 гг. М., 1923; Титлинов Б.В. Новая церковь. Пг. – М., 1923.

³⁴ Титлинов Б.В. Церковь во время революции // Дело великого строительства церковного. Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов. М., 2009. С. 299.

впоследствии вошли в состав обновленческих организаций советского времени³⁵. Авторы из числа обновленцев выражали негативное отношение к институту патриаршества, якобы подавлявшего церковную соборность, и критиковали политическую позицию священноначалия, поддерживая мнение советского руководства о церкви как о контрреволюционной организации.

В ответ на работы обновленцев в конце 1920 – начале 1930 гг. за границей были изданы труды специалистов по каноническому праву профессоров С.В. Троицкого и И.А. Стратонова³⁶. Опубликованный ими исторический материал, в основном, был почерпнут из официальных советских и обновленческих изданий. Роль государства в создании организации «Живая церковь» и обновленческого ВЦУ не осталась незамеченной авторами, хотя многих деталей они не могли знать³⁷. И.А. Стратонов поддержал вывод С.В. Троицкого о том, что за революционными призывами обновленцев в 1922 г. скрывалось стремление части белого духовенства улучшить свое положение за счет эксплуатации верующих³⁸. Следует отметить, что эта характеристика основана на анализе программных документов, поскольку А.И. Стратонов был осведомлен, что, «овладев церковным аппаратом в центре и в большинстве случаев на местах», обновленцы ничего не могли поделать с церковными советами, сохранявшими верность патриарху Тихону и, соответственно, не могли их «эксплуатировать»³⁹.

В Московской духовной академии в послевоенное время были защищены две диссертации на тему церковных расколов 1920 – 1930 гг. – «Обновленческий раскол» епископа Сергия (Ларина) (авторство текста было оспорено А.И. Кузнецовым) и «Церковные расколы 20 – 30-х годов XX столетия»

³⁵ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. С. 68.

³⁶ Троицкий С.В. Что такое «Живая церковь» // «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002. С. 65–127; Стратонов И.А. Русская церковная смута (1921 – 1931) // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. Сборник. М., 1995. С. 29–172.

³⁷ Троицкий С.В. Указ. соч. С. 62; Стратонов И.А. Указ. соч. 101.

³⁸ Стратонов И.А. Указ. соч. С. 65; Троицкий С.В. Указ. соч. С. 109.

³⁹ Стратонов И.А. Указ. соч. С. 68–69.

епископа Иоанна (Снычева)⁴⁰. Обе работы содержат значительное количество сведений по истории обновленчества, но избегают «острых углов», связанных с ролью государства в расколе церкви. В этом же ряду находится интересное исследование митрополита Феодосия (Процюка) о церковных расколах на Украине⁴¹. Все три исследования были опубликованы только в 1990 – 2000 гг.

Единственное в советской историографии монографическое исследование обновленческого раскола было создано А.А. Шишкиным. Выводы автора о ведущей роли обновленчества в приспособлении Русской православной церкви к советской действительности получили широкое признание в 1970 – 1980 гг. Он полагал, что обновленцы заявили о лояльности к государству и провели модернизацию вероучения в духе христианского социализма, чтобы сделать православную веру и церковь приемлемыми для советских граждан⁴². Относительные успехи обновленцев в 1922 – 1923 гг. А.А. Шишкин объяснил стремлением православных верующих быть лояльными гражданами, а кризис обновленчества связал с тем, что «тихоновцам» удалось перехватить инициативу⁴³. Этот вывод был основан на допущении, согласно которому основная масса православных верующих в начале 1920 гг. поддерживала советскую власть и ожидала того же от церкви. На этом фоне большой интерес представляет утверждение автора о том, что православное сообщество «не простило» обновленцам активной реформаторской деятельности, усмотрев в ней попытку «испортить веру»⁴⁴. Таким образом, согласно А.А. Шишкину, эффективная модернизация православия с целью приспособления его к но-

⁴⁰ Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-30-х годов XX столетия. Сортавала, 1993; Он же. Стояние в вере. Очерки церковной смуты. СПб., 1995; Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002. С. 129–606.

⁴¹ Феодосий (Процюк), митрополит. Обособленческие движения в православной церкви на Украине (1917 – 1943). М., 2004.

⁴² Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви. Казань, 1970. С. 356.

⁴³ Там же. С. 364.

⁴⁴ Там же. С. 365.

вым социально-политическим условиям оказалась возможна только под лозунгом сохранения в неприкосновенности «старой веры», в чем и преуспели «тихоновцы».

Значимое место в историографии обновленчества занимают «Очерки по истории русской церковной смуты» А.Э. Левитина-Краснова и В.М. Шаврова, впервые опубликованные за границей в 1978 г. В центре внимания авторов находятся обновленческие организации, сформированные ими органы церковной власти и узкий круг руководителей (со многими из них А.Э. Левитин-Краснов был знаком в юности). В «Очерках...» показано, что создание церковного раскола и его ликвидация – дело рук государственной власти, однако обновленчество как церковно-реформаторское движение имело глубокие исторические корни и искренних, ревностных последователей⁴⁵. Этот вывод важно учитывать на настоящем этапе развития историографии, когда большое распространение получило мнение, что обновленчество было лишено морального обоснования собственного существования и состояло исключительно из «присяжного советского духовенства»⁴⁶.

В начале 1990 гг. дискуссию о природе обновленчества продолжила исследовательница О.Ю. Васильева в статье «Русская православная церковь и Советская власть в 1917 – 1927 гг.». По ее мнению, обновленческие организации сыграли роль «тroyанского коня», с помощью которого советское руководство сделало попытку подчинить церковь⁴⁷. Т.Г. Леонтьева, признавая «программный» характер статьи О.Ю. Васильевой для последующих «светских историков церкви», отмечает, однако, что проблема обновленчества за-

⁴⁵ Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 17–19, 66, 647–650.

⁴⁶ Лобанов В.В. Указ. соч. С. 87–210; Соловьев И., свящ. От издательства // Лавринов Валерий, прот. Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922 – 1945). М., 2007. С. 3–5.

⁴⁷ Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917 – 1927 гг. // Вопросы истории. 1993. №8. С. 40–54.

служивает более глубокого изучения в связи с отношением населения к религии и церкви⁴⁸.

В 1990 гг. вновь стала активно обсуждаться проблема генезиса обновленчества, важная для понимания роли канонических разногласий между обновленцами и «тихоновцами» в борьбе за церковную власть. В частности, канадский исследователь Д.В. Пospelовский, большинство трудов которого опубликовано в России, посвятил обновленчеству одну из глав монографии «Русская православная церковь в XX веке». Анализируя причины, породившие раскол в православной церкви, автор обращается к «травматическим последствиям» церковных реформ XVIII столетия, которые привели к огосударствлению церкви и к засилью в ней так называемого «ученого монашества». Эти факторы вызвали рост реформаторских настроений в церкви на рубеже XIX – XX вв., которые нашли выход в движении за церковные реформы⁴⁹. Позднее исследователь уточнил свою позицию, отметив, что дореволюционное движение за церковные реформы и обновленчество советского времени не имеют органической связи⁵⁰. Непосредственной причиной, породившей обновленческий раскол, Д.В. Пospelовский считает целенаправленные мероприятия советской власти, направленные на разрушение церкви⁵¹. Исследователь формулирует ключевой для понимания сути явления вопрос: «Было ли обновленчество серьезной попыткой богоискательства?»⁵² По его мнению, история обновленчества представляет собой процесс перехода от «добросовестных христианско-социалистических исканий» к «беспринципному сотрудничеству с ГПУ»⁵³. Следует отметить, что этот вывод слабо согласуется с фактическим материалом, изложенным в работе, поскольку «бес-

⁴⁸ Леонтьева Т.Г. О «советском» периоде истории русской православной церкви. С. 187.

⁴⁹ Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. С. 62–63.

⁵⁰ Пospelовский Д.В. Размышления над книгой: [Рец. на:] Цыпин В., прот. История Русской Церкви 1917 – 1997. М., 1997 // Церковно-исторический вестник. 2000. № 6–7. С. 234. Аналогичной точки зрения придерживается историк С.Л. Фирсов, см: Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 318.

⁵¹ Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. С. 67.

⁵² Там же. С. 89.

⁵³ Там же. С. 102.

принципное сотрудничество» имело место и в 1922 г., а «добросовестные искания» не вполне угасли даже в 1930 гг.⁵⁴

В публикациях М.В. Шкаровского, напротив, обозначена связь между дореволюционными кружками церковных либералов и обновленчеством советского времени. Автор считает преемственными организациями созданный в Санкт-Петербурге в годы Первой русской революции «кружок 32-х священников», «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян», действовавший в 1917 г., и обновленческое ВЦУ, образованное в 1922 г.⁵⁵ М.В. Шкаровский предложил периодизацию истории обновленчества, которую без изменений восприняли другие исследователи⁵⁶. Автор выделяет следующие этапы: «восходящая стадия» (середина 1922 г. – середина 1923 г.), «кризис» (середина 1923 г. – конец 1925 г.), «угасание» (вторая половина 1920 гг. – 1930 гг.), «ликвидация» (конец 1943 г. – начало 1944 г.). Эта периодизация базируется на количественных показателях: до середины 1923 г. число обновленческих приходов возрастало, затем стало уменьшаться, Собор 1925 г. задал дополнительный импульс этому процессу, а в 1943 – 1944 гг. советская власть уничтожила остатки Синодальной церкви⁵⁷. М.В. Шкаровский предложил также двухчастную периодизацию, разделив историю обновленчества на «романтический» и «бюрократический» периоды, гранью между которыми стал Собор 1925 г.⁵⁸ В ее основу положены качественные показатели: в середине 1920 гг. окончательно оформляются управленческие структуры обновленцев и происходит отказ от радикальных

⁵⁴ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. С. 95.

⁵⁵ Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. С. 8–14.

⁵⁶ Крапивин М.Ю., Далгатова А.Г., Макаров Ю.Н. Указ. соч. С. 231; Лобанов В.В. Указ. соч. С. 199–210.

⁵⁷ Совокупность духовенства и верующих, признавших в качестве высшего органа церковной власти обновленческий Священный Синод, в научной литературе принято называть Синодальной церковью.

⁵⁸ Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. С. 34.

реформ, провозглашенных в 1922 – 1923 гг. В данном исследовании апробируется первый вариант периодизации.

Исследователь И.В. Соловьев отмечает, что в трудах, подготовленных в 1990 гг., получила поддержку точка зрения, согласно которой история обновленчества отсчитывается с 1905 г. Автор критикует позицию ряда историков (В. Цыпина, Г. Ореханова), смешивающих дореволюционных сторонников церковных реформ и обновленцев 1920 – 1940 гг. в единый конгломерат, оказавший пагубное влияние на судьбу Русской православной церкви в XX веке⁵⁹. По мнению И.В. Соловьева, совпадение некоторых программных установок дореволюционных теоретиков церковных реформ и обновленцев советского периода не дает оснований для того, чтобы считать их участниками одного общего движения. Он указывает, что идейная составляющая для руководителей «Живой церкви» и ВЦУ была необходима для размежевания с «тихоновцами», в дальнейшем обновленческие лидеры отказались от проведения церковных реформ и перешли на консервативные позиции по большинству вопросов⁶⁰.

Анализируя причины успехов обновленцев в 1922 – 1923 гг. историк М.Ю. Крапивин отмечает (ссылаясь на работу Л. Регельсона), что немалую роль в этом сыграла «укоренившаяся со времен синодальной системы общая привычка епископата существовать в условиях бюрократической централизации»⁶¹. Эта точка зрения подкрепляется анализом событий в Петрограде, где активная деятельность епископов «тихоновской» ориентации затормозила распространение обновленчества. Вместе с тем известно, что осенью 1922 г. ГПУ получило разрешение на применение репрессий в отношении любого архиерея, не подчиняющегося обновленческому ВЦУ, и активно пользова-

⁵⁹ Соловьев И.В. Краткая история т.н. «обновленческого раскола» в Православной Российской Церкви в свете новых опубликованных исторических документов // «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002. С. 17–24.

⁶⁰ Соловьев И.В. Краткая история т.н. «обновленческого» раскола. С. 40–41.

⁶¹ Крапивин М.Ю., Далгатова А.Г., Макаров Ю.Н. Указ. соч. С. 120; Регельсон Л.Л. Трагедия русской церкви. М., 1996. С. 81.

лись этим правом⁶². Таким образом, иерархический принцип организации Русской православной церкви в сочетании с активной поддержкой, оказанной обновленцам со стороны гражданской власти, дал им возможность на время узурпировать церковное управление.

Характеризуя идейную составляющую обновленчества, М.Ю. Крапивин использует формулировку, предложенную Д.В. Поспеловским, «сдвигая» ее во времени. По его мнению, «добросовестные христианско-социалистические искания» имели место до организации ВЦУ, после чего они быстро выродились в «систему беспринципного сотрудничества части православного духовенства и иерархов со спецслужбами богоборческого государства»⁶³. Признавая наличие преемственности в идеях дореволюционных сторонников церковных реформ и советских обновленцев, М.Ю. Крапивин считает это обстоятельство наименее важным для понимания сути обновленчества. Фактически он разделяет точку зрения большинства современных исследователей, согласно которой обновленческие организации рассматриваются, в первую очередь, как инструмент церковной политики советского государства.

Следует отметить «двойные стандарты», которые использует М.Ю. Крапивин, оценивая политическую позицию руководства Синодальной церкви и митрополита Сергия (Страгородского). Исследователь дает негативную оценку тайному согласию обновленцев на подчинение церкви государству, определяя его как реанимацию синодально-бюрократического строя⁶⁴. Аналогичные действия митрополита Сергия «с высоты сегодняшнего дня» признаются им правильными, поскольку единственной альтернативой этому был уход церковной организации в подполье, что, по мнению М.Ю. Крапивина, неизбежно привело бы к гибели церкви⁶⁵.

---

⁶² Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г., Макаров Ю.Н. Указ. соч. С. 117–118.

⁶³ Там же. С. 109–110.

⁶⁴ Там же. С. 110.

⁶⁵ Там же. С. 181.

Несмотря на то, что в современной историографии преобладают негативные оценки обновленчества, в последние годы проявились, по словам И.В. Соловьева, «рецидивы обновленческого мышления»⁶⁶. Например, в представлении историка Д.А. Головушкина обновленчество советского периода представляет собой органическое продолжение широкого общественного движения за церковные реформы, существовавшего в дореволюционные годы. Главную причину перехода обновленцев в оппозицию канонической церковной власти исследователь видит в том, что Поместный Собор 1917 – 1918 гг. не поддержал их программу, в результате чего «среди лидеров и сторонников движения укрепляется мысль, что только через «революцию сверху» обновленчество сможет добиться успеха и осуществить переворот в религиозном сознании масс»⁶⁷. Следует отметить, что этот тезис не подкреплён новыми данными, он базируется на информации, опубликованной в «Очерках...» А. Левитина-Краснова и В. Шаврова, и восходящей к одному из лидеров обновленчества – митрополиту Александру (Введенскому)⁶⁸.

С выводами Д.А. Головушкина не согласна исследовательница И.В. Воронцова. По ее мнению, сформулированные в начале XX в. идеи христианского модернизма были близки некоторым обновленческим лидерам, но их использование для выработки программных документов было продиктовано «сверху». Гражданская власть намеревалась расколоть Русскую православную церковь путем введения новшеств, неприемлемых для значительной части верующих. И.В. Воронцова отмечает, что «сами по себе реформаторские устремления группы людей, поддерживавших А. Введенского, не смогли бы внести раскол в церковные ряды»⁶⁹. По ее мнению, после Собора 1923 г. обновленцы начинают позиционировать себя «не как обновленную, а как «со-

---

⁶⁶ Соловьев И.В. Краткая история т.н. «обновленческого» раскола. С. 24.

⁶⁷ Головушкин Д.А. Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века. СПб., 2009. С. 140.

⁶⁸ Левитин-Краснов А., Шавров В. Указ. соч. С. 51.

⁶⁹ Воронцова И.В. Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. М., 2008. С. 386–387.

ветскую» церковь»⁷⁰, а безболезненный отказ от проведения широких реформ свидетельствует о том, что для основной массы обновленцев модернизация вероучения не являлась первостепенной задачей⁷¹.

В последние годы значительный вклад в изучение истории обновленчества в отдельных епархиях и группах епархий внесли М.В. Шкаровский, А.Г. Поляков, М.Ю. Хрусталева, М.В. Каиль, В. Лавринов и ряд других авторов. Их исследования показывают, что на всем пространстве страны обновленческие организации в 1920 – 1940 гг. находились под контролем государственной власти. Изменения политики партии большевиков в отношении религии отражались на состоянии Патриаршей и Синодальной церкви и определяли рамки, в пределах которых они могли легально существовать и бороться за влияние на православное население⁷².

Благодаря тому, что изучение истории Русской православной церкви 1917 – 1930 гг. является одним из наиболее динамично развивающихся направлений современной отечественной историографии, в сферу внимания исследователей попали различные ее аспекты. Интерес историков преимущественно сосредоточен на анализе взаимоотношений государства и церкви и изучении внутрицерковных конфликтов, при этом особое внимание исследователи уделяют высшим руководящим органам церкви и государства. Попытки изучить поведение епархиальных элит, предпринятые, в частности, М.В. Каилем и А.Г. Поляковым, пока остаются исключением в этом ряду.

⁷⁰ Воронцова И.В. Указ. соч. С. 381.

⁷¹ Там же. С. 386–387.

⁷² Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917 – 1945. СПб., 1995; Хрусталева М.Ю. Русская православная церковь в центре и на периферии в 1918 – 1930-х годах (на материалах Новгородской епархии). Череповец, 2008. С. 43; Каиль М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны. С. 134–150; Лавринов Валерий, протоиерей. Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922 – 1945). М., 2007. С. 173; Цыремпилова И.С. Обновленческий раскол в Иркутской епархии в 1920-е гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы X междунар. науч. конф., Иваново, 16–17 февраля 2011 г.: в 2 ч. Иваново, 2010. Ч. 1. С. 400; Короткая Н.Г. Обновленческий раскол на Смоленщине в 20-е годы XX века // Церковно-исторический вестник. 2005–2006. № 12–13. С. 219–220; Шиле-нок Дмитрий, священник. Из истории православной церкви в Белоруссии (1922 – 1939): «Обновленческий» раскол в Белоруссии. М., 2006.

Недостаточная изученность этой проблематики определила цель и задачи данного исследования.

Цель диссертационной работы – комплексный анализ деятельности органов управления Тверской (Калининской) епархией в контексте событий 1917 – середины 1930 гг.; **задачи**:

- изучить процесс формирования и развития органов управления Тверской (Калининской) епархией в новых политических условиях;
- выявить влияние гражданской власти на епархиальное управление;
- изучить влияние епархиальной власти на внутрицерковную жизнь;
- исследовать организационные структуры обновленцев в Тверской (Калининской) епархии и их взаимоотношения с органами епархиального управления;
- провести анализ взаимодействия органов епархиального управления и православного сообщества.

Источниковая база. Для решения поставленных задач привлекается комплекс опубликованных источников и архивных документов различных видов: нормативно-правовые документы, материалы делопроизводства, информационные и статистические сводки, периодика, а также информация, содержащаяся в энциклопедических и справочных изданиях, электронной базе данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.». Использованные нормативно-правовые и делопроизводственные документы по своему происхождению подразделяются на гражданские и церковные.

Теоретическую основу для осмысления темы диссертационного исследования создает декрет СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятый 20 января (2 февраля) 1918 г.⁷³, поскольку в этом документе были сформулированы основы религиозной политики совет-

---

⁷³ Декреты Советской власти. В 2 т. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 371–374.

ского государства, реализация которых оказала серьезное влияние на ход внутрицерковных процессов.

Среди опубликованных источников наибольшее значение для раскрытия темы диссертации имеют церковные нормативно-правовые акты и другие официальные документы церковных органов власти, которые содержатся в «Собрании определений и постановлений Священного Собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг.» и других документальных сборниках⁷⁴. Анализ этих документов дает информацию, необходимую для изучения процесса формирования органов епархиального управления в новых политических условиях, так как высшие органы церковной власти направляли и регламентировали его.

Важным источником информации о деятельности органов управления Тверской епархией и внутрицерковной жизни являются информационные сводки, подготовленные советскими органами государственной безопасности⁷⁵. Эти материалы содержат большое количество сведений о конфликтах между представителями Патриаршей церкви и обновленцами. Ценность данного источника значительно повышает тот факт, что информационные материалы ВЧК – ГПУ – ОГПУ использовались Политбюро ЦК ВКП(б) при выработке решений в сфере церковной политики⁷⁶.

Информация о событиях в Тверской епархии весной 1922 г. и об отношении епархиального руководства к распоряжениям высшей церковной власти в этот период извлекалась из материалов уголовно-следственного дела по обвинению патриарха Тихона в противодействии изъятию церковных ценно-

---

⁷⁴ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. М., 1994; Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и Всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти: 1917 – 1943. М., 1994.

⁷⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934). В 8 т. М., 2001 – 2008.

⁷⁶ Архивы Кремля. В 2-х кн. М. – Новосибирск, 1997 – 1998. Источниковедческий анализ этих документов см.: Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории русской церкви (1921 – 1925). М., 2004.

стей⁷⁷. Из документов, приобщенных к делу, почерпнуты сведения о переговорах патриарха Тихона с обновленческим лидером протоиереем Владимиром Красницким в 1924 г., а также ряд статистических данных о состоянии Тверской епархии накануне революционных событий 1917 г.

Для изучения обстоятельств проведения в Тверской епархии кампании по изъятию церковных ценностей использованы опубликованные материалы общественной правозащитной организации, известной под названием «Политический красный крест», где содержатся сведения о деятельности тверского архиепископа Серафима (Александрова), дате и обстоятельствах его ареста весной 1922 г.⁷⁸

Ряд сведений по истории Тверской епархии извлекался из материалов церковной периодики, которая представлена в исследовании одним (последним из сохранившихся) выпуском газеты «Тверские епархиальные ведомости» за февраль 1918 г.⁷⁹ и двумя обновленческими изданиями – несколькими выпусками «Вестника Священного Синода Православной Российской Церкви» за 1926 г.⁸⁰ и одним выпуском «Бюллетеня Священного Синода Российской Православной Церкви» за апрель 1929 г.⁸¹. «Тверские епархиальные ведомости» – официальный печатный орган Тверской епархии, выходивший с 1877 по 1918 г. «Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви» – главный печатный орган Синодальной церкви в 1925 – 1931 гг., где публиковались официальные документы и статьи по истории и текущему состоянию обновленчества, церковному праву, обсуждались проекты реформ. «Бюллетень Священного Синода Российской Православной Церкви» – периодический орган, в котором публиковался отчет о деятельности обновленческого Синода за определенный период. По всей видимости, «Бюлле-

⁷⁷ Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000.

⁷⁸ Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 4–198.

⁷⁹ Тверские епархиальные ведомости. 1918. №5–8.

⁸⁰ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. №7, №8–9 (3–4).

⁸¹ Бюллетень Священного Синода Российской Православной Церкви. № 3. Апрель 1929. (Рукописная копия из домашнего архива И.В. Романовой).

ть» не издавался типографским способом и тиражировался посредством копирования. В научной литературе по истории обновленчества сведения об этом периодическом органе отсутствуют. Рукописный экземпляр выпуска «Бюллетеня» за апрель 1929 г. обнаружен в домашнем архиве жительницы г. Твери И.В. Романовой.

Большой объем сведений о лицах, оставивших след в истории Тверской епархии 1917 – 1930 гг., встречается на страницах житийной литературы и исторических трудов. Для данного исследования представляют интерес жизнеописания архиепископа Фаддея (Успенского), протоиерея Алексея Бенеманского и ряда других священнослужителей, входивших в состав органов епархиальной власти или взаимодействовавших с ними, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским) по архивным данным, устным преданиям и материалам семейных архивов⁸², а также ряд других публикаций, содержащих сведения биографического характера об отдельных представителях тверского духовенства⁸³.

В исследовании широко используются материалы справочных и энциклопедических изданий. Данные о состоянии Тверской епархии в начале XX в., накануне революционных событий, почерпнуты из «Тверского епархиального статистического сборника»⁸⁴ и «Справочной книги по Тверской епархии на 1915 год»⁸⁵. Информация о реконструкции г. Калинина в 1930 гг., оказавшей влияние на местную церковную жизнь, опубликована в каталоге памят-

⁸² Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 3. Тверь, 2001; Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. Тверь, 1996; Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь / сост. Дамаскин (Орловский), игумен. Тверь, 2005.

⁸³ Гришаев В.Ф. Невинно убиенные: к истории сталинских репрессий православного духовенства на Алтае. Барнаул, 2004; Шкаровский М.В. Иосифлячество: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999; Он же. Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. Архивные документы. СПб., 2006; Псковский синодик пострадавших за веру Христову в году гонений священноцерковнослужителей, монашествующих и мирян Псковской епархии XX столетия. М. – Псков, 2005.

⁸⁴ Добровольский И. Тверской епархиальный статистический сборник. Тверь, 1901.

⁸⁵ Справочная книга по Тверской епархии на 1915 год. Тверь, 1914.

ников архитектуры Тверской области⁸⁶. Общие сведения по истории региона в рассматриваемый период, в первую очередь, об изменениях его границ, содержатся в энциклопедическом справочнике Тверской области⁸⁷. Информация о епископах, руководивших Тверской (Калининской) епархией и располагавшимися на ее территории викариатами, а также возглавлявших обновленческую организацию и ее подразделения, собрана в справочнике «История иерархии Русской православной церкви»⁸⁸. Ряд сведений о деятельности епархиального руководства, содержащихся в закрытых для светских исследователей архивных фондах, опубликованы в продолжающемся издании «Православная энциклопедия»⁸⁹.

Поиск информации о тверском (калининском) епископате и духовенстве значительно облегчен благодаря наличию электронной базы данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.», созданной сотрудниками Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета⁹⁰. Этот ресурс содержит сведения биографического характера о нескольких десятках тысяч репрессированных священнослужителей и церковных активистов, в том числе о сотрудниках органов управления Тверской епархией. Впрочем, в силу специфики организации работы по заполнению базы данных, содержащаяся в ней информация требует критического отношения.

Неопубликованные документы, необходимые для раскрытия темы исследования, извлечены из фондов Государственного архива Тверской области (ГАТО) и Тверского центра документации новейшей истории (ТЦДНИ).

⁸⁶ Памятники архитектуры Тверской области. Каталог: в 5 кн. Кн. 1: Тверь. Тверь, 2000.

⁸⁷ Тверская область. Энциклопедический справочник. Тверь, 1994.

⁸⁸ История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006.

⁸⁹ Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003; Т. VIII. М., 2004; Т. X. М., 2005.

⁹⁰ Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс] / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans. – Загл. с экрана. – Дата обращения 01.06.2013 г.

Ряд ценных материалов был обнаружен в домашнем архиве жительницы г. Твери И.В. Романовой.

Документы Тверской духовной консистории, главного органа епархиальной власти до начала 1918 г., находятся в ГАТО (Ф. 160). К сожалению, дела за 1916 – начало 1918 гг. сохранились лишь частично. Для данного исследования интерес представляют документы, отражающие структуру и деятельность консистории в последние годы ее существования, состояние епархии накануне и на начальном этапе революционных потрясений, кризисные явления в жизни церкви в 1917 г.

Документы Тверского епархиального совета сосредоточены в настоящее время в ГАТО в отдельном фонде (Ф. Р-641), также некоторые материалы обнаружены в составе одного из дел Тверского губернского революционного трибунала (Ф. Р-1998). Основной массив документации относится к 1919 г. и лишь незначительная его часть – к концу 1918 и началу 1920 г. Этот источник позволяет охарактеризовать все стороны деятельности епархиального совета, в том числе персональный состав, организацию финансирования, порядок рассмотрения дел, принятия решений и контроля за их исполнением. Наибольшую ценность для решения задач исследования представляют материалы, отражающие взаимодействие епархиального совета с православным населением, правящим епископом, клиром и органами советской власти, влияние епархиальной власти на внутрицерковную жизнь.

После ликвидации епархиального совета в сентябре 1920 г. материалы делопроизводства Тверской епархии перестали систематически поступать на государственное хранение, однако документы Тверского епархиального комитета по сбору пожертвований для оказания помощи пострадавшим от неурожая, епархиальной канцелярии и личного архива епископа Петра (Зверева) сохранились в ТЦДНИ в фонде Управления КГБ по Калининской области (Ф. 7849) в составе уголовно-следственного дела 1922 г. Этот источник позволяет изучить организационную структуру и административную дея-

тельность епархиального руководства накануне возникновения обновленческого раскола.

Сведения о взаимоотношениях епархиального руководства и советских властных структур содержатся в ГАТО документах Исполнительного комитета Тверского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Ф. Р-291), Административного отдела исполнительного комитета Тверского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Ф. Р-478) и Исполнительного комитета Тверского городского совета народных депутатов (Ф. Р-640).

Статистические данные о состоянии Тверской епархии и других религиозных организаций на территории региона за указанный период были обнаружены в ТЦДНИ в фонде Тверского губернского комитета ВКП(б) (Ф. 1) и в ГАТО в делах Тверского окружного исполкома (Ф. Р-1109), Калининского районного исполкома (Ф. Р-313) и Исполнительного комитета Калининского областного совета народных депутатов (Ф. Р-2043). Основным «поставщиком» статистической информации о состоянии религиозных организаций были органы милиции, осуществлявшие их регистрацию.

Архив обновленческого Тверского (Калининского) епархиального управления, действовавшего с 1922 по 1940 г., на государственное хранение не поступал и не сохранился. Отдельные документы, созданные обновленческими властными структурами, были выявлены в ГАТО в делах Тверского губернского административного отдела (Ф. Р-478) и Тверского городского исполкома (Ф. Р-1318), а также в личном архиве жительницы г. Твери И.В. Романовой (см. Приложение 2). Уставные документы, списки общин и другие документы некоторых обновленческих приходов обнаружены в ГАТО в делах Первитинского волостного исполкома (Ф. Р-283) и Новоторжского уездного исполкома (Ф. Р-1318).

Важное значение для изучения истории Тверской епархии 1922 – 1925 гг. имеют информационные сводки Тверского губернского отдела ГПУ – ОГПУ, которые сохранились в ТЦДНИ в фонде Тверского губкома ВКП(б)

(Ф. 1). В этих документах фиксировались настроения духовенства и верующих, деятельность правящего епископа и его окружения, успехи и неудачи обновленцев. Привлечение информационных материалов ГПУ – ОГПУ позволяет глубже изучить динамику церковной жизни 1922 – 1925 гг. При этом следует учитывать, что Тверской губотдел ГПУ – ОГПУ был не просто наблюдателем происходящих процессов, но иногда принимал в них активное участие. Кроме того, в силу идеологических установок и ведомственных интересов, чекисты в информационных материалах были склонны преувеличивать успехи обновленцев и проблемы, которые испытывало «тихоновское» епархиальное руководство. Характерно также, что в информационных сводках не содержится сведений о тверских католиках, лютеранах, мусульманах и иудеях, все внимание чекистов было сосредоточено на православной церкви и христианских сектах.

Специфика объекта исследования определила необходимость привлечение в качестве источника материалов уголовно-следственных дел ГПУ – ОГПУ – НКВД. Основной массив уголовных дел, которые расследовались тверскими (калининскими) органами государственной безопасности, в настоящее время хранится в ТЦДНИ в фонде Управления КГБ по Калининской области (Ф. 7849). На государственное хранение из архива Управления ФСБ по Тверской области передано свыше 30 тысяч дел в отношении реабилитированных граждан. Несколько тысяч дел, в том числе с неотмененными приговорами, остаются на ведомственном хранении в ФСБ. Возможность использования материалов уголовно-следственных дел в научных целях ограничена законодательством, а также неудовлетворительным состоянием научно-справочного аппарата архивов. Эти ограничения в настоящее время не позволяют в полном объеме выявить и ввести в научный оборот материалы уголовно-следственных дел, содержащих информацию о деятельности и сотрудниках епархиальных органов управления.

Духовенство попало в сферу внимания тверских органов государственной безопасности с момента их создания, то есть, с 1918 г., однако до наших

дней дошла очень небольшая часть следственных дел за 1918 – 1921 гг. Правильная система учета и хранения документации была налажена только в 1920 гг. после реорганизации Тверской губернской ЧК в губернский отдел (губотдел) ГПУ⁹¹. Уголовно-следственные дела Тверского губотдела ГПУ – ОГПУ и преемственных ему органов государственной безопасности Тверского края, включая Управление НКВД по Калининской области, сохранились почти в полном объеме (по количеству единиц хранения, но не по составу дел).

Перечень документов, составляющих уголовное дело, определяется нормами судебно-следственного делопроизводства, действовавшими в 1920 – 1930 гг. За редким исключением документы, устанавливающие факты ареста, обыска, предъявления обвинения, вынесения и исполнения приговора заслуживают доверия, а содержащиеся в них небрежности и неточности легко выявляются и не имеют принципиального значения в рамках темы данного диссертационного исследования. Эти материалы позволяют в общих чертах установить сроки и причины отсутствия из Твери лиц, игравших заметную роль в жизни епархии. Анкеты, которые следователи заполняли при производстве допросов, содержат биографические сведения о ключевых фигурах в епархиальном руководстве и обновленческой организации.

Более глубокое проникновение в содержание процессов, происходивших во внутренней жизни церкви, в частности, в кругах, причастных к епархиальному управлению, требует привлечения сведений, зафиксированных в протоколах допросов, очных ставок и собственноручных показаниях обвиняемых. Вопреки бытующему представлению, в этих материалах также содержится большой объем достоверной информации. «Фальсификация» следственных материалов обычно заключалась в том, что показания обвиняемых записывались следователем с использованием соответствующего профессио-

---

⁹¹ Смирнов В.А. Тверское ЧК – ОГПУ – меч и щит советской власти // От ЧК до ФСБ. 1918 – 1998: Сборник документов и материалов по истории органов государственной безопасности Тверского края. Тверь, 1998. С. 15.

нального жаргона, который придавал гражданской активности характер контрреволюционной деятельности. Широко применялась практика использования агентов в качестве свидетелей, причем их показания составлялись по материалам агентурных донесений, и потому содержат большое количество точной информации – даты встреч «более видных» представителей духовенства и церковных активистов, состав присутствовавших, обсужденные вопросы и принятые решения. Детальное знание событий церковной жизни г. Твери позволяло следователям оказывать психологическое давление на обвиняемых, добиваясь от них более конкретных показаний.

Для решения задач исследования привлекались также источники личного происхождения – неопубликованные записки священника-обновленца Виктора Кавского⁹², которые вместе с материалами служебной переписки⁹³ и рукописным экземпляром «Бюллетеня Священного Синода Российской Православной Церкви» за апрель 1929 г. сохранились в домашнем архиве его внучки И.В. Романовой, проживающей в настоящее время в г. Твери. В собственноручных записках, созданных летом 1922 г., Кавский объясняет причины, побудившие его примкнуть к обновленчеству.

Источниковая база, основу которой составляет комплекс опубликованных и архивных документов различного вида и происхождения, представляется достаточной для решения задач исследования.

Методика диссертационного исследования обусловлена комплексом поставленных задач и разнообразием исследуемого материала. Последний целенаправленно анализируется на основе принципа системности, позволяющего не только использовать разноплановые источники, но и применять для их обработки методики смежных гуманитарных дисциплин.

Диссертация выполнена с применением методов микроисторического исследования, что позволило на основе региональных материалов выявить

---

⁹² Кавский В., прот. Записки об отношении к обновленчеству, 1922 г. (Приложение 1).

⁹³ См.: Приложение 2.

фазы и особенности формирования новой системы управления в РПЦ на епархиальном уровне.

Постановка и решение задач исследования обусловили использование для структурирования текста проблемно-хронологического подхода: проблемы формирования и деятельности органов управления Тверской епархии в новых политических условиях рассматриваются с учетом исторической ретроспективы; задачи исследования решаются в хронологической последовательности.

Объект исследования обусловил широкое применение биографического и просопографического методов. Особое внимание уделяется рассмотрению личностных характеристик правящих архиереев, викарных епископов и их ближайшего окружения из числа священнослужителей и мирян, а также наиболее ярких представителей обновленческого и иосифлянского расколов. Применение этих методов позволяет уловить связь между «историей жизни» отдельных людей и историей общества. В данном случае анализ биографий церковных деятелей показывает специфику адаптации «бывших» из церковной среды к реалиям советской действительности.

Поставленные задачи и предмет исследования потребовали использования специальной (церковной) терминологии, которая в определенном контексте имеет ярко выраженный оценочный характер. Так, например, по отношению к обновленчеству и иосифлянству используется общепринятый в историографии термин «раскол». Автор применяет эту терминологию, признавая ее научную коннотацию.

Географические рамки исследования охватывают территорию Тверской (Калининской) епархии, границы которой по состоянию на 1917 г. совпадали с границами одноименной губернии. В 1929 г. Тверская губерния и составлявшие ее уезды были расформированы, на их территории были образованы районы, сведенные в 4 округа – Тверской, Кимрский, Бежецкий и Ржевский. Ржевский округ был передан в состав Западной области (с центром в г. Смоленск), остальные – вошли в состав Московской области (в 1930

г. окружное деление было упразднено). Существует версия, что приходы, находившиеся на территории, отошедшей к Западной области, в 1929 – начале 1935 гг. входили в состав Смоленской епархии⁹⁴, однако составители Православной энциклопедии придерживаются мнения, которое разделяет и автор данного диссертационного исследования, что административно-территориальные преобразования 1929 – 1930 гг. не привели к изменению границ Тверской епархии⁹⁵. В 1935 г. в связи с образованием Калининской области (Тверь была переименована в г. Калинин в 1931 г.) границы епархии были приведены в соответствие с границами региона⁹⁶.

Основное внимание в диссертационном исследовании уделяется событиям, происходившим в г. Твери (Калинине), так как здесь размещались органы епархиальной власти и представители местного православного сообщества были вовлечены в деятельность по управлению епархией.

Хронологические рамки исследования охватывают период от 1917 до середины 1930 гг. Нижняя временная граница определяется революционными потрясениями 1917 г., запустившими процесс перестройки системы церковного управления, верхняя – совпадает с началом полномасштабного наступления государства на церковь в 1937 г., в ходе которого были ликвидированы условия, необходимые для деятельности церковно-управленческих структур.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые дается комплексная характеристика организационной структуры и деятельности органов управления Тверской епархией в период от 1917 до середины 1930 гг. и исследуются факторы, обеспечившие Патриаршей церкви лидирующие позиции в православном сообществе.

---

⁹⁴ Валериан (Рудич Василий Несторович) // Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс]. – Дата обращения 02.04.2013 г.; Палладий (Шерстенников Павел Александрович) // Там же. – Дата обращения 02.04.2013 г.

⁹⁵ Православная энциклопедия. Т. 6. С. 528; Т. 8. С. 650–651.

⁹⁶ Тверская область. Энциклопедический справочник. Тверь, 1994. С. 9–11. ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 20712-с. Л. 10.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты нашли применение в экскурсионной и выставочной деятельности Мемориального комплекса «Медное» (г. Тверь). Основные положения диссертации могут быть использованы при подготовке лекционных курсов, статей и монографий по истории Тверской епархии (митрополии), тематических музейных экспозиций, справочных изданий по истории Тверского края и Русской православной церкви.

Апробация результатов исследования проводилась в ходе выступлений автора на 6 международных и всероссийских научных конференциях в образовательных и научных учреждениях Москвы (МГУ), Екатеринбурга (Уральское отделение РАН), Кирова (Вятский государственный гуманитарный университет), Иваново (Ивановский госуниверситет)⁹⁷. Отдельные положения, вошедшие в диссертационное исследование, были представлены научной общественности на всероссийских и международных конференциях студентов и молодых ученых в Санкт-Петербурге (кафедра регионоведения СПбГУ) и Твери (Тверской госуниверситет), всероссийской конференции «Тверской край – душа России» (на базе Всероссийского историко-этнографического музея, г. Торжок), международной конференции «Сталинизм в советской провинции 1937 – 1938. Массовая операция на основе приказа

⁹⁷ Цыков И.В. Раннее обновленчество в Тверской епархии, 1922 – 1923 гг. // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г. Екатеринбург, 2010. С. 371–375; Он же. Православное духовенство г. Калинина в период «Большого террора» (по материалам архивно-следственных дел НКВД) // Церковь в истории и культуре России: сборник материалов Международной научной конференции. Киров (Вятка), 22–23 октября 2010 года. Киров, 2010. С. 262–264; Он же. Влияние «Революционной смуты» на формирование новой системы церковной власти в 1917 – 1918 годах (По материалам Тверской епархии) // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы X Междунар. науч. конф., Иваново, 16–17 февраля 2011 г.: в 2 ч. Иваново, 2011. Ч. 1. С. 392–398; Он же. Борьба с голодом весной 1922 года в отражении документов канцелярии Тверского архиепископа // Современные проблемы изучения истории Церкви. Международная научная конференция: Тезисы докладов. Препринт. М., 2011. С. 264–268; Он же. Коллективное руководство епархией: тверской опыт, 1918 – 1932 годы // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы XI Междунар. науч. конф., Иваново, 15 – 16 февраля 2012 г. Часть 1. Иваново, 2012. С. 322–329; Он же. Обновленческая организация Тверской (Калининской) епархии в 1930-е годы // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы XII Междунар. науч. конф., Иваново, 20 – 21 февраля 2013 г. В 2 ч. Ч. 1. Иваново, 2013. С. 324–330.

№00447» (Германский исторический институт, г. Москва)⁹⁸. Результаты исследования нашли отражение в 9 публикациях (из них 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ). Общий объем публикаций по теме исследования свыше 4 п.л.

---

⁹⁸ Цыков И.В. Закрытие Селижаровского Троицкого монастыря (1928 – 1930 гг.) // Всероссийская студенческая историко-регионоведческая конференция, г. Санкт-Петербург, 6–7 апреля 2006 г.: Доклады и сообщения. СПб., 2007. С. 195–198; Он же. Политика ВКП(б) в отношении православного монашества в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Тверской край – душа России: Материалы научной конференции, г. Тверь – г. Торжок, 23–24 декабря 2005 г. Торжок, 2005. С. 184–186; Он же. Православное монашество в годы коллективизации // Границы в пространстве прошлого: социальные, культурные, идейные аспекты: Сборник статей участников Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых исследователей, посвященной 35-летию Тверского государственного университета, г. Тверь, 23–26 апреля 2006 г.: В 3 т. Тверь, 2007. Т. 2. С. 178–281; Он же. Православные монахи в репрессиях 1937 – 1938 гг. в Калининской области // Сталинизм в советской провинции: 1937 – 1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 275–282.

ГЛАВА I. ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ ТВЕРСКОЙ ЕПАРХИЕЙ В 1917 – НАЧАЛЕ 1922 ГОДА

§1. Тверская епархия в 1917 г.: кризис власти.

Из 67 епархий Русской православной церкви, располагавшихся на территории Российской империи в последние годы ее существования, Тверская епархия принадлежала к числу крупнейших по числу приходов. В начале XX в. здесь насчитывалось 908 приходских храмов (из них 5 единоверческих), общее количество церквей, включая соборные, монастырские, кладбищенские, домовые, приписные и при казенных учреждениях составляло 1204. В них служили свыше 1100 священников и протоиереев, 500 дьяконов и 1100 псаломщиков⁹⁹. К 1914 г. на территории епархии располагалось 14 мужских и 18 женских монастырей с общим числом насельников около 4000 человек (80% – женщины)¹⁰⁰.

Управление Тверской епархией было организовано сообразно общим для всех епархий Русской православной церкви принципам. Во главе ее стоял правящий епископ Тверской и Кашинский, имевший при себе в качестве заместителя викарного епископа Старицкого. К началу 1917 г. эти посты занимали соответственно архиепископ Серафим (Чичагов) и епископ Арсений (Смоленец). Дела по управлению епархией велись духовной консисторией, которая состояла из присутствия и канцелярии. В состав присутствия, занимавшегося подготовкой проектов решений по делам, поступавшим на рассмотрение епархиального начальства, входили 4 штатных (содержавшихся за счет казны) и 1 сверхштатный (содержавшийся за счет средств епархии) члена, назначаемые правящим архиереем из числа духовных лиц епархии. В последние годы существования Тверской духовной консистории в ее состав входили исключительно представители белого духовенства. Проекты реше-

⁹⁹ Добровольский И. Тверской епархиальный статистический сборник. С. XXIII.

¹⁰⁰ Следственное дело патриарха Тихона. С. 429, 431.

ний, составленные членами присутствия, поступали на утверждение правящего архиерея, а в его отсутствие или по его поручению рассматривались викарным епископом. Делопроизводство консистории распределялось по 5 столам (4 штатных и 1 сверхштатный), на службе в канцелярии состояли 5 столоничальников, казначей, архивариус, регистратор, несколько канцелярских чиновников и вольнонаемных писцов. В штате консистории также числился личный секретарь правящего епископа. Руководство текущей работой консистории осуществлял секретарь, назначаемый обер-прокурором Синода¹⁰¹.

Состав присутствия в 1914 – 1917 гг. оставался практически неизменным. В 1914 – 1915 гг. штатными членами консистории были протоиереи Петр Соколов, настоятель Кафедрального собора, Иоанн Сабинин, Петр Дубакин и Матфей Лесоклинский, сверхштатным – протоиерей Николай Троицкий. К началу 1916 г. Иоанн Сабинин выбыл из числа штатных членов консистории и был заменен Николаем Троицким. На освободившуюся вакансию сверхштатного члена консистории был назначен священник Леонид Флоренский. Должность секретаря консистории неизменно занимал А.А. Богоявленский, секретарем при правящем епископе состоял А.М. Преображенский. Основной состав канцелярии также оставался без изменений на протяжении 1914 – 1917 гг., однако количество канцелярских чиновников за этот период сократилось с 21 до 11, причем в 1917 г. на службу были приняты 3 женщины, чего ранее не наблюдалось¹⁰².

Основными функциями консистории являлось решение кадровых вопросов, представление священнослужителей к наградам, рассмотрение бракоразводных дел, выдача справок о гражданском состоянии православных, составление отчетов о состоянии епархии. В условиях военного времени епархиальное руководство также вынуждено было решать вопросы, возникающие в связи призывом в армию приходских священников, оказывать по-

---

¹⁰¹ Справочная книга по Тверской епархии на 1915 год. С. 3.

¹⁰² ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 32496. Л. 1, 14, 32.

мощь беженцам и другим жертвам военных событий, размещать церковные ценности, эвакуированные из оккупированных губерний¹⁰³.

Материальное положение Тверской епархии в 1914 – 1917 гг. неуклонно ухудшалось вследствие инфляции и призыва на военную службу значительной части трудоспособного мужского населения. Особенно тяжело эти процессы переживали небольшие сельские приходы, а также храмы и учреждения, получавшие основной доход в виде казенного жалованья, в том числе сама духовная консистория. Хотя правительство неоднократно выделяло дополнительные ассигнования на выплату жалованья служащим церковных учреждений, этих средств было недостаточно для поддержания довоенного уровня жизни¹⁰⁴. Нарастающий экономический кризис привел к катастрофическому ухудшению материального положения причта Тверского кафедрального Спасо-Преображенского собора. Главный храм епархии не имел прихода, на помощь которого причт мог бы рассчитывать в сложившейся ситуации, и почти всецело зависел от казны. В относительно благоприятном положении находился лишь настоятель собора, получавший дополнительное жалованье как член консистории. При этом кафедральный собор наравне с приходскими храмами должен был вносить значительные суммы на епархиальные и общие церковные нужды, а также выполнять взятые в начале войны обязательства по выделению средств на «содержание больных и раненых воинов»¹⁰⁵. В 1916 г. члены причта через епархиального архиерея обратились в Синод с просьбой об оказании материальной помощи в размере половины годового оклада, но получили отказ за отсутствием средств, «из коих могло бы быть назначено испрашиваемое пособие»¹⁰⁶. Епархиальная власть также не предприняла никаких мер к исправлению ситуации.

На протяжении 1917 г. Тверская духовная консистория оставалась главным органом власти епархии. Условия, в которых она осуществляла

¹⁰³ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 187.

¹⁰⁴ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 32385. Л. 4–4об., 15.

¹⁰⁵ Там же. Д. 32408. Л. 1об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 2.

свою деятельность после свержения царского строя, были определены процессами, происходившими в российском обществе. В Тверской епархии они имели свою специфику, обусловленную широким распространением революционных настроений среди клириков и верующих.

В начале апреля 1917 г. по епархии была распространена информация о предстоящем созыве епархиального собрания представителей духовенства и мирян. В обращении правящего архиерея к пастве содержалась просьба провести предварительное обсуждение вопросов по предложенной программе, в частности, духовенству и верующим предлагалось определиться с тем, насколько глубокие преобразования могут быть проведены в жизни епархии до созыва Поместного Собора. Сохранившиеся протоколы заседаний окружных подготовительных собраний, показывают, что идея выборности епископата и введения контроля со стороны духовенства и верующих за деятельностью епархиального руководства на тот момент пользовалась поддержкой¹⁰⁷. Осторожность в этом вопросе проявили жители г. Твери, которые ограничились вынесением решения о проведении выборов депутатов епархиального собрания¹⁰⁸.

Работа «экстренного» (внеочередного и с неопределенными полномочиями) епархиального собрания открылась 20 апреля 1917 г. с разрешения священноначалия. Архиепископ Серафим (Чичагов) надеялся, что это мероприятие поможет успокоить епархию, он лично составил программу работы собрания, включив в нее пункт об избрании епархиального совета и проигнорировав желание части паствы и мирян ввести выборность епископата. Рассчитывая на свой авторитет, правящий архиерей также наметил кандидатуры для избрания в состав епархиального совета, однако собрание вскоре вышло из-под его контроля¹⁰⁹. После нескольких дней обсуждения 25 апреля 1917 г. депутаты приняли решение об увольнении действующего и проведении вы-

---

¹⁰⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 32416. Л. 1.

¹⁰⁸ Там же. Л. 6.

¹⁰⁹ Леонтьева Т.Г. Тверская епархия в 1917 – 1918 гг.: испытание революцией. С. 25.

боров нового епархиального преосвященного. В состав епархиального совета были избраны совсем не те лица, избрания которых добивался правящий архиерей. В ответ на это архиепископ Серафим (Чичагов) покинул пределы епархии, но уходить в отставку отказался. В результате система управления Тверской епархии оказалась нарушена, поскольку духовная консистория продолжала отправлять проекты решений на утверждение правящему архиерею (посредством почтовой связи)¹¹⁰, а избранный на апрельском съезде епархиальный совет активно добивался его отставки¹¹¹.

По своему составу епархиальный совет первого созыва разительно отличался от присутствия духовной консистории. В него входили священники Константин Ветлин, настоятель храма в селе Лебедево Тверского уезда, и Алексей Зеленев из Благовещенского погоста Ржевского уезда, диакон Александр Крылов из села Троице-Нерль Калязинского уезда, псаломщик Александр Воскресенский и мирянин Николай Буравцев, единственный житель г. Твери из числа членов совета¹¹². Ни один из протоиереев (правлящий епископ наметил к избранию трех лиц в этом сане) не был избран. Состав епархиального совета отражал стремление представителей духовенства и мирян к демократизации церковного управления.

Борьба «демократического» епархиального совета и «авторитарного» епископа происходила в условиях развала синодальной системы, в которой церковь существовала на протяжении нескольких веков. В соответствии с действующим на тот момент церковным правом православные не могли своим решением уволить епископа, так как назначение и смещение главы епархии оставалось прерогативой Синода. Фактически в ходе конфликта с архиепископом Серафимом епархиальный совет как новый орган власти, представляющий «верующие массы», добивался изменения системы принятия кадровых решений. Эту ситуацию можно определить как «церковное двое-

¹¹⁰ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 13.

¹¹¹ Сипейкин А.В. Указ. соч. С. 60–79; Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 98–110.

¹¹² ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 4.

власти» по аналогии с двоевластием, сложившимся в 1917 г. в системе государственного управления, где советы и общественные организации дублировали правительственные учреждения.

Конфликт правящего архиепископа Серафима и епархиального совета также отражал кризисное состояние синодальной церковной организации, которая без помощи государственного аппарата оказалась неспособна контролировать происходящие в церкви процессы. Опираясь на нормы канонического права, архиепископ Серафим мог отказаться уходить в отставку, но полностью проигнорировать волю епархиального собрания и распустить епархиальный совет не имел возможности¹¹³.

Противостояние епархиального совета и правящего архиерея вступило в острую фазу летом 1917 г. накануне созыва Поместного Собора. Члены совета считали недопустимым, чтобы епархию на Соборе представлял архиерей, находящийся в раздоре с паствой¹¹⁴. Поскольку окончательное решение проблемы находилось в руках Синода, каждая из сторон пыталась склонить его на свою сторону. Члены епархиального совета 12 июня 1917 г. обратились за помощью в Тверской губернский совет крестьянских депутатов. Оттуда в Синод было направлено требование об увольнении правящего епископа и взыскания с него жалованья, уплаченного за период после 25 апреля 1917 г.¹¹⁵ Владыка Серафим, в свою очередь, добился приезда в Тверь представителя Синода самарского архиепископа Михаила (Богданова), рассчитывая на его поддержку. Ожидая прибытия владыки Михаила, члены епархиального совета распространили по епархии обращение с просьбой провести приходские собрания и прислать отзывы по вопросу об отставке правящего архиерея. Полученные материалы планировалось рассмотреть на епархиальном съезде 8 августа 1917 г.¹¹⁶

---

¹¹³ Сипейкин А.В. Указ. соч. С. 62.

¹¹⁴ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 66–66об.

¹¹⁵ Rogoznyy P.G. Указ. соч. С. 102.

¹¹⁶ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 66об.

Прибыв в Тверь, владыка Михаил провел собрание представителей городского духовенства и мирян, на котором абсолютное большинство депутатов (100 против 7) при закрытой баллотировке высказалось за возвращение архиепископа Серафима, однако последовавший 8 августа епархиальный съезд подтвердил принятое в апреле решение, хотя с небольшим перевесом (142 голоса против 136). Владыка Серафим, однако, и на этот раз не был отправлен Синодом в отставку и на правах главы епархии вошел в число членов Священного Собора. Более того, опасаясь конкуренции со стороны викарного епископа Арсения (Смоленца), который в отсутствие правящего архиерея руководил Тверской епархией, он добился его перевода в другую епархию¹¹⁷. Сомнительная победа не добавила владыке Серафиму популярности: в сентябре 1917 г. в Твери прошел сбор подписей под обращением к церковному руководству в защиту епископа Арсения, однако эта акция осталась без последствий¹¹⁸.

Отношения епископа Арсения с епархиальным советом характеризует тот факт, что он стал привлекать членов совета к административной деятельности. Например, циркуляр обер-прокурора Синода о недопущении вмешательства «общественных комитетов» в дела церкви от 13 июня 1917 г. поступил в духовную консисторию в начале июля с резолюцией члена епархиального совета священника Алексея Зеленева. Действуя по поручению викария, Зеленев распорядился о скорейшем напечатании циркуляра и рассылке его по епархии, при том что незадолго до этого действия епархиального совета прямо противоречили требованию циркуляра о недопустимости вмешательства «общественных комитетов» в жизнь церкви¹¹⁹. Владыка Арсений за короткий срок сумел преодолеть конфликтную ситуацию с епархиальным советом, однако личные амбиции правящего архиерея, опасавшегося потерять должность, не позволили ему довести начатое дело до конца¹²⁰.

---

¹¹⁷ Rogoznyy P.G. Ukaz. soch. S. 106–107.

¹¹⁸ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 27–27об.

¹¹⁹ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 32519. Л. 1.

¹²⁰ Там же. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 27.

Проблемы, которые переживало епархиальное управление в 1917 г., были лишь частью общего падения церковной дисциплины, наблюдавшегося в этот период. Многие представители духовенства увидели в революционной ситуации возможность повысить свой социальный статус и улучшить материальное положение¹²¹. Иногда это стремление принимало уродливые формы, и клирики самовольно меняли место служения. Например, псаломщик Иван Богданов в апреле 1917 г. без разрешения епархиального начальства перешел из церкви села Покровского Корчевского уезда на службу в церковь села Сергино Зубцовского уезда по соглашению с настоятелем последней. Священник села Покровского Николай Меглицкий был вполне удовлетворен ситуацией, так как по решению приходского совета должность псаломщика со всеми причитающимися доходами отошла его сыну. Информация о произошедших «перемещениях» дошла до консистории только тогда, когда Богданов начал тяжбу с Меглицким, требуя от него выплаты жалованья за первое полугодие 1917 г. в полном объеме, а не за реально отработанное время. Рассмотрение дела было передано в благочиннический совет 2-го округа Корчевского уезда, в состав которого входил приход села Покровского, и решение было принято в пользу Меглицкого. Никаких санкций по поводу самовольных переходов и назначений не последовало. Более того, не добившись «правды» в консистории, Богданов обращался в епархиальный совет, который, впрочем, его не поддержал¹²².

Падение церковной дисциплины выразилось также и в том, что прихожане присвоили себе право отстранять священнослужителей от должности. В некоторых приходах предприимчивые клирики, опираясь на мирян, устраивали «перевороты», смещая настоятелей храмов, как, например, в селе Петровском Тверского уезда¹²³. Поводом для отстранения священника от должности могли послужить подозрения в монархизме. Такой случай имел место,

---

¹²¹ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 109.

¹²² ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 32432. Л. 2–2об., 4, 12, 14, 15.

¹²³ Там же. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1590. Л. 70–70об.

в частности, в приходе села Яконово Вышневолоцкого уезда. Местный протоиерей Николай Головин во время крестного хода в день обретения мощей преподобного Нила Столобенского (27 мая по старому стилю) остановился у памятника Александру II, чтобы «сказать речь о заре свободы, занявшейся 19 февраля [1861 г. – И.Ц.] освобождением крестьян от крепостного права, свободы, политой кровью борцов»¹²⁴. Закончить ему не позволили, прервав криками, и в тот же день подвергли аресту. Недоразумение вскоре выяснилось, однако у маститого протоиерея отобрали ключи от храма и несколько недель не допускали к священнослужению. Вместо него без разрешения епархиального начальства богослужения проводил заштатный священник. Прихожанам тяжело было признать свою ошибку, и лишь благодаря вмешательству местного благочинного размолвка между мирянами и настоятелем была преодолена. Никаких санкций в отношении священника, самовольно исполнявшего обязанности настоятеля, не последовало¹²⁵.

На протяжении 1917 г. ни один из органов епархиальной власти не имел возможности взять в свои руки инициативу по наведению порядка. Архиепископ Серафим (Чичагов), хотя и выдержал борьбу с епархиальным советом, оставался на положении изгнанника. Духовная консистория, в руках которой, как и прежде, были сосредоточены основные дела по управлению епархией, после ликвидации обер-прокуратуры потеряла самостоятельное значение и окончательно превратилась в канцелярию при правящем архиерее. Епархиальный совет, составленный из лиц, поднятых на волне революционных событий и не имевших ни авторитета, ни административного опыта, ни официальных полномочий также оказался не в состоянии контролировать происходящие процессы. Сложившуюся ситуацию с мертвой точки могла сдвинуть только реформа епархиального управления, которую готовил Поместный Собор.

---

¹²⁴ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 32519. Л. 8.

¹²⁵ Там же. Л. 3, 6–6об., 10–12.

После неудачи на августовском епархиальном съезде, подтвердившем решение об отставке правящего епископа, владыка Серафим (Чичагов) препятствовал созыву новых «экстренных» собраний, мотивируя это тем, что Поместный Собор приступил к выработке «Положения об епархиальном съезде», которое должно было определить порядок проведения выборов. Однако, получив информацию о том, что завершение работы над проектами реформ прихода и епархиального управления ожидается к началу декабря 1917 г., он распорядился провести 12 января 1918 г. епархиальный съезд для того, чтобы незамедлительно приступить к их реализации в Тверской епархии. Порядок избрания депутатов владыка определил лично, каждое благочиние должен был представлять один священник, один мирянин и одно лицо из числа либо диаконов, либо псаломщиков, либо церковных старост¹²⁶.

События, произошедшие в 1917 г., показали, что наиболее слабым звеном в иерархически выстроенной церковной организации является епархия. После того, как государство перестало гарантировать поддержание церковной дисциплины, выяснилось, что приходские общины и многие представители духовенства ставят на первое место свои интересы и готовы ради их отстаивания игнорировать законный орган церковной власти – духовную консисторию. В 1917 г. приходы явочным порядком вернули себе давно утраченное право выбирать и смещать клириков. В сложившейся ситуации авторитет благочинных был намного выше авторитета епархиальной власти, с которой уже весной 1917 г. почти никто не считался. Необходимость сохранения единства вопреки существующим разногласиям в полной мере осознавало только сообщество верующих г. Твери, но в условиях стихийного стремления к демократизации церковной жизни представители тридцати городских приходов не могли увлечь за собой огромную массу верующих епархии.

---

¹²⁶ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 63–63об., 62.

§2. Деятельность Тверского епархиального совета в 1918 – 1920 гг.

В ноябре 1917 г. – январе 1918 г. в Твери и большинстве уездных центров Тверской губернии была установлена советская власть. В декабре 1917 г. объединенный губернский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов избрал исполнительный комитет – главный руководящий орган губернии. Тогда же состоялись первые официальные контакты между новой властью и епархиальным руководством. Председатель исполкома А.П. Вагжанов и комиссар по вероисповедному отделу Ф. Сеницын¹²⁷ «предложили» правящему архиерею «до 1 января 1918 года сдать все дела по Тверской епархии епархиальному совету и покинуть пределы Тверской губернии», а от епархиального совета потребовали «принять меры к созыву съезда, на котором имеет быть избран новый архиепископ». Свое требование советские чиновники мотивировали необходимостью исполнить соответствующие постановления апрельского и августовского епархиальных съездов¹²⁸.

Характерно, что комиссар Сеницын, которому губернским руководством было поручено осуществлять взаимодействие с церковью, на тот момент не был осведомлен о положении дел в епархиальном руководстве. Архиепископ Серафим (Чичагов), как известно, в Твери не проживал с весны 1917 г. Несомненно, он был своевременно проинформирован сотрудниками консистории о требованиях исполкома, но предпочел не вступать в непосредственные сношения с советскими чиновниками. Решением вопроса вынужден был заняться епархиальный совет совместно с новым викарным епископом Иоанном (Поммером), который по согласованию с патриархом Тихоном занял сторону архиепископа Серафима как законного главы епархии. Телеграмма патриарха, где комментировалась сложившаяся ситуация, была зачитана на совместном заседании духовной консистории, епархиального совета

---

¹²⁷ Полное имя комиссара Ф. Сеницына не установлено. В аналогичных случаях имена приводятся в том виде, в каком они фигурируют в документах и литературе.

¹²⁸ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 29–30.

и благочинных г. Твери, после чего губернской власти был дан «решающий ответ» на ее требование¹²⁹. Епархиальный совет отказался принять «помощь» со стороны гражданской власти, но вмешательство советских чиновников в затихший к тому времени конфликт породило в Твери слухи, что члены совета ведут тайные переговоры с представителями исполкома, чтобы добиться удаления правящего епископа¹³⁰.

Синицын имел собственные представления о принципах организации епархиального управления. Архиепископа Серафима он считал узурпатором, а роль главного органа церковной власти в епархии пытался навязать епархиальному совету, на что последний никогда не претендовал¹³¹. При этом комиссар не считал себя врагом церкви и стремился доказать это мелкими услугами, например, в феврале 1918 г. он распорядился о выделении дров для отопления здания духовной консистории из запасов Трехсвятского Архиерейского дома¹³². В условиях постепенной, но неуклонной конфискации имущества, принадлежавшего епархиальному управлению, этот жест выглядел как проявление доброй воли советского чиновника.

В феврале 1918 г. после длительного обсуждения члены Поместного Собора приняли определение «Об епархиальном управлении», которое предусматривало передачу дел из консисторий в епархиальные советы¹³³. Синицын воспользовался этим документом, чтобы провести через Тверской губернский исполком распоряжение о ликвидации духовной консистории и конфискации Архиерейского дома, где размещался епархиальный совет. При этом комиссар уведомил членов епархиального совета, что помещение бывшей консистории со всеми делами «чисто церковными» предоставляется им «в полное распоряжение»¹³⁴. На деле Синицын проигнорировал статью опре-

---

¹²⁹ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 33–34.

¹³⁰ Там же. Л. 45.

¹³¹ Там же. Л. 53.

¹³² Там же. Л. 13.

¹³³ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской церкви 1917 – 1918 гг. Вып. 1. С. 25–28.

¹³⁴ ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–2.

деления, согласно которой право установить «порядок введения в действие правил об епархиальном совете и упразднения духовных консисторий» было закреплено за Высшей церковной властью¹³⁵. Таким образом, действия комиссара выходили за рамки исполнения декрета СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», он пытался активно воздействовать на епархиальную власть, используя противоречия между епархиальным советом и правящим епископом и превратно толкуя нормативные акты Поместного Собора.

Архиепископ Серафим немедленно отреагировал на распоряжение Тверского исполкома о конфискации Архиерейского дома. По его инициативе 1 марта 1918 г. патриарх Тихон, Синод и Высший церковный совет в соединенном присутствии издали циркулярный указ «По поводу захвата революционными организациями имущества церковных учреждений». Документ предписывал епархиальным архиереям информировать верующих о фактах конфискации церковного достояния для того, чтобы приходские собрания могли своевременно оспорить решение гражданской власти и «принять меры» к возврату имущества. Предполагалось, что гражданская власть, игнорирующая права церкви, вынуждена будет прислушаться к требованиям православного населения. Указ был опубликован в очередном выпуске «Тверских епархиальных ведомостей» рядом с обращением архиепископа Серафима (Чичагова) и викарного епископа Иоанна (Поммера) к тверской пастве от имени патриарха Тихона¹³⁶. Архипастыри весьма недвусмысленно провоцировали протестные настроения, призывая верующих подавать жалобы в Губисполком и СНК по поводу захвата церковного имущества¹³⁷. Однако архиепископу Серафиму пришлось смириться с ликвидацией духовной консистории. Письмом от 22 февраля 1918 г.¹³⁸ он известил членов епархиального со-

¹³⁵ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской церкви 1917 – 1918 гг. Вып. 1. С. 28.

¹³⁶ Тверские Епархиальные Ведомости. 1918. № 5–8. С. 15.

¹³⁷ Там же. С. 19–22.

¹³⁸ Все даты после 31 января 1918 г. приводятся по григорианскому календарю.

вета о том, что секретарю и столоначальникам консистории было дано распоряжение «продолжить канцелярскую службу для выдачи справок и оказания содействия епархиальному совету»¹³⁹.

Не добившись отставки правящего архиерея мирным путем, комиссар Сеницын пошел на открытый конфликт с епархиальной властью. 5 апреля 1918 г. он пригрозил членам епархиального совета конфискацией церковных капиталов в случае продолжения контактов с архиепископом Серафимом или любому другому епископу. Комиссар настаивал, что епархиальный совет, а не епископ, «является высшей церковной властью в епархии»¹⁴⁰. 15 апреля 1918 г. в епархиальный совет были посланы сотрудники Тверского губернского исполкома для проведения обыска и снятия копий с документов, отражающих «вмешательство» архиепископа Серафима в дела Тверской епархии¹⁴¹. Члены и сотрудники епархиального совета заявили протест против незаконных с их точки зрения действий представителей советской власти, но вынуждены были подчиниться и выдать документы для копирования¹⁴². После получения материалов, подтверждающих активное участие архиепископа Серафима в управлении Тверской епархией, комиссар Сеницын добился возбуждения в его отношении уголовного дела за неподчинение распоряжениям советской власти¹⁴³.

Действия Ф. Сеницына в историографии рассматриваются как начало гонений на религию в Тверской епархии «под видом обеспечения свободы совести»¹⁴⁴. Однако следует подчеркнуть, что комиссар все же последовательно отстаивал приоритет коллегиального органа церковной власти над епископским «самодержавием». В отличие от епархиального совета и правящего архиерея, которые на протяжении года (с апреля 1917 г. по апрель 1918 г.) прошли путь от жесткой конфронтации до делового сотрудничества, пози-

---

¹³⁹ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 61.

¹⁴⁰ Там же. Л. 53.

¹⁴¹ Там же. Л. 50.

¹⁴² Там же. Л. 52.

¹⁴³ Там же. Л. 10.

¹⁴⁴ Сипейкин А.В. Указ. соч. С. 63–65.

ция комиссара оставалась неизменной. В итоге, члены епархиального совета и архиепископ Серафим оказались заложниками собственных амбиций, столкновение с представителем гражданской власти стало продолжением их затяжной «борьбы на уничтожение».

На рубеже 1917 – 1918 гг. в епархиальном центре происходит консолидация священнослужителей и приходских активистов на платформе защиты епархиального управления от вмешательства со стороны гражданской власти. 9 января 1918 г. в Твери состоялось собрание городского духовенства, представителей приходов и церковных старост под председательством протоиерея Василия Куприянова. На собрании была принята резолюция в поддержку архиепископа Серафима и выражена «уверенность» в том, что губернская власть не будет противодействовать его скорейшему возвращению в епархию¹⁴⁵. Протокол собрания вызвал негативную реакцию комиссара Сеницына, который, в очередной раз демагогически ссылаясь на права епархиального собрания, расценил его как акт нарушения субординации¹⁴⁶.

17 января 1918 г. состоялся епархиальный съезд, который в очередной раз подтвердил решение об удалении архиепископа Серафима из Твери. На съезде присутствовал представитель вероисповедного отдела Тверского губернского исполкома, который и поставил этот вопрос на голосование¹⁴⁷. Таким образом, собрание представителей приходов г. Твери, проведенное вопреки воле гражданской власти, оказалось в оппозиции к епархиальному съезду.

Последующие события показали, что православное сообщество г. Твери обоснованно претендовало на особую роль в епархиальном управлении. После января 1918 г. съезды «революционного» епархиального собрания, избранного в апреле 1917 г., больше не проводились. Введение в действие определения Поместного Собора «Об епархиальном управлении» дало воз-

---

¹⁴⁵ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 40.

¹⁴⁶ Там же. Л. 41.

¹⁴⁷ Там же. Л. 43.

возможность в июне 1918 г. досрочно провести выборы епархиального собрания по установленным Собором правилам и сформировать новый епархиальный совет. Из пяти членов епархиального совета первого созыва в новый состав попал лишь мирянин Н. Буравцев. Также были избраны настоятель Тверского кафедрального собора протоиерей Иоанн Знаменский (председатель), протоиерей Василий Куприянов, священник Алексей Бенеманский¹⁴⁸ и бывший преподаватель Тверской духовной семинарии В.Г. Дьяченко¹⁴⁹. Все пятеро были жителями г. Твери, что свидетельствует о росте влияния православного сообщества епархиального центра на епархиальное управление. Примечательно также, что В.Г. Дьяченко и протоиерей Знаменский были членами Поместного Собора по избранию, а протоиерей Куприянов входил в состав Государственной думы третьего созыва.

Несмотря на заметные разногласия с членами епархиального совета первого созыва, новые руководители епархии удержались от огульной критики своих предшественников. Так, даже попытка на заседании епархиального собрания в декабре 1919 г. поднять вопрос о вынесении порицания совету первого созыва за ненадлежащее ведение документации не нашла поддержки: в его защиту выступили протоиерей Иоанн Знаменский и секретарь епархиального совета А.М. Преображенский¹⁵⁰.

В сентябре 1918 г. епархия получила нового главу – епископа Серафима (Александрова). До декабря 1919 г. он управлял Тверской епархией на правах викарного епископа, затем прошел процедуру избрания на епархиальном собрании и был утвержден Синодом в качестве правящего архиерея¹⁵¹.

Одновременно с перевыборами епархиального совета и назначением нового главы епархии прекратилось вмешательство гражданской власти в дела епархиального управления. Свою роль в этом сыграла позиция началь-

---

¹⁴⁸ В апреле 1919 г. священник Алексей Бенеманский был возведен в сан протоиерея. См.: ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1590. Л. 47, 55об.

¹⁴⁹ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1462. Л. 4, Д. 1457. Л. 8–8об.

¹⁵⁰ Там же. Д. 1462. Л. 2.

¹⁵¹ Там же. Л. 1.

ника VIII (Ликвидационного) отдела наркомата юстиции П.А. Красикова, который осудил деятельность комиссара Сеницына, охарактеризовав ее как неправомерное вмешательство в дела епархиального управления¹⁵². 7 октября 1918 г. следственная комиссия при Тверском губернском ревтрибунале вынесла постановление о прекращении уголовного дела по обвинению архиепископа Серафима (Чичагова) в неподчинении распоряжениям советской власти, мотивировав это тем, «что увольнение его с кафедры должно было быть через священный синод, и что церковь отделена от государства, и что последнее не может помимо случаев, установленных судебной властью, вмешиваться во внутреннюю жизнь церкви»¹⁵³. В результате к осени 1918 г. отношения губернского и епархиального руководства нормализовались, благодаря чему открылась возможность реорганизовать епархиальное управление.

Тверской епархиальный совет второго созыва начал работу 10 сентября 1918 г.¹⁵⁴ и действовал ровно два года до 20 сентября 1920 г., когда был закрыт по распоряжению государственной власти¹⁵⁵. За это время епархиальное собрание созывалось только один раз, 8–9 декабря 1919 г., причем были проведены сразу два съезда – чрезвычайный (избирательный) и очередной. На чрезвычайном съезде епископ Серафим (Александров) был избран правящим архиереем, на заседаниях очередного съезда были решены прочие вопросы, накопившиеся за год¹⁵⁶. Так, вместо умершего члена епархиального совета В.Г. Дьяченко был избран А.И. Литвинов. Кандидатами в члены совета (для замещения освобождающихся мест без проведения новых выборов) были избраны от мирян А.И. Субботин, от духовенства – протоиереи Александр Преображенский и Александр Троицкий¹⁵⁷. Таким образом, персональный состав епархиального совета на протяжении двух лет не претерпел кардинальных изменений.

---

¹⁵² Сипейкин А.В. Указ. соч. С. 65.

¹⁵³ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 25.

¹⁵⁴ Там же. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1590. Л. 54.

¹⁵⁵ Там же. Ф. Р-291. Оп. 3. Д. 233. Л. 9.

¹⁵⁶ Там же. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1462. Л. 1.

¹⁵⁷ Там же. Л. 4.

В соответствии с соборным определением «Об епархиальном управлении» в состав Тверского епархиального совета входили пять депутатов – два представителя от мирян и три от духовенства. Из-за безвременной кончины В.Г. Дьяченко в епархиальном совете в 1919 г. фактически остались четыре человека. В конце 1919 г. протоиерей Алексей Бенеманский вышел из его состава и был автоматически заменен протоиереем Александром Троицким. Из сохранившихся журналов заседаний епархиального совета за период с декабря 1919 по март 1920 г. видно, что совет, как и прежде, собирался вчетвером (иногда с участием епископов)¹⁵⁸ в составе трех городских протоиереев и одного мирянина (Н. Буравцева). Анализ персонального состава епархиального совета показывает, что параллельно с проведением реформы епархиального управления в 1918 – 1919 гг. изменилось отношение православного сообщества епархии к его роли. Как известно, членами епархиального совета первого созыва были два сельских священника, дьякон, псаломщик и мирянин¹⁵⁹, а главной задачей, для решения которой он создавался, была защита интересов православного сообщества (так, как их понимали депутаты епархиального собрания в 1917 г.) от епископского «самовластья». При формировании совета второго созыва представительная функция отошла на второй план, решающее значение стали иметь авторитет и деловые качества его членов.

Все вопросы, поступавшие на рассмотрение епархиального совета, обсуждались на общих заседаниях. Вынесенные решения оформлялись журналами (протоколами). Чистовые экземпляры журналов подписывались членами совета, секретарем и делопроизводителем, после чего направлялись на утверждение правящему епископу. По каждому вопросу оформлялся отдельный журнал, где фиксировалась дата заседания, краткое содержание документов или устных докладов, поступивших на рассмотрение, вынесенное решение, дата подписи. Представление об интенсивности работы епархиально-

¹⁵⁸ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 790. Л. 11–12, Д. 1492. Л. 5, Д. 1593. Л. 2–2об., Д. 1459. Л. 4–4об., 5–5об., 10об.–10, 17–17об., 11–11об., 22–22об., 18–18об., 23.

¹⁵⁹ Там же. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 6.

го совета второго созыва может дать тот факт, что за 9 месяцев 1919 г. было зарегистрировано 552 журнала¹⁶⁰, то есть, совет ежемесячно рассматривал около 60 вопросов.

В епархиальном совете сохранилась дореволюционная система делопроизводства, унаследованная от духовной консистории вместе с частью служащих. Документы распределялись по четырем столам (отделам), за каждым из которых был закреплен определенный круг вопросов. Добиться равномерного распределения дел все же не удалось ввиду того, что к 1919 г. соотношение между разными сферами церковного управления изменилось кардинально по сравнению с дореволюционным периодом.

Первый стол в соответствии с должностной инструкцией ведал вероисповедными делами – миссионерством, проповедничеством, религиозным просвещением и образованием, проверкой клировых ведомостей и отчетов о состоянии церквей, награждением отличившихся по службе, составлением годового отчета о состоянии епархии¹⁶¹. Поскольку к осени 1918 г. система церковного образования в Тверской епархии была ликвидирована, а для организации миссионерской и проповеднической деятельности у епархиального руководства не было ресурсов, количество документов, поступавших на рассмотрение епархиального совета по первому столу, также значительно сократилось.

Второй стол ведал организационными вопросами: перевод прихожан из одного прихода в другой, открытие новых приходов, создание и упразднение вакансий, назначение и увольнение клириков, церковнослужителей и служащих совета, рассмотрение прошений о рукоположении.

Третий стол занимался урегулированием семейно-брачных дел православных верующих. Основную массу дел, поступавших на рассмотрение епархиального совета по третьему столу, составляли заявления солдатских

---

¹⁶⁰ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1590. Л. 122.

¹⁶¹ Там же. Д. 1456. Л. 19.

жен, чьи мужья пропали без вести в годы Первой мировой войны, с просьбой разрешить им вступить в новый брак.

Четвертый стол ведал хозяйственными вопросами – наймом помещения для епархиального совета, закупкой всего необходимого для его работы, выплатой жалованья служащим, размещением заказов на изготовление печатной продукции и т.д. Ввиду особой важности этих вопросов в условиях постоянной нехватки денежных средств осуществление контроля за хозяйственным делопроизводством было закреплено за членом епархиального совета протоиереем Алексеем Бенеманским (до его отставки)¹⁶². В соответствии с разработанной им инструкцией к четвертому столу «прикомандировывалось особое лицо для исполнения специальных поручений по казначейской части», все финансовые операции тщательно документировались¹⁶³. Эти мероприятия позволили организовать учет и упорядочить расходование денежных средств, благодаря чему епархия могла содержать регулярно действующий административный орган, обеспеченный штатом технических служащих.

По состоянию на конец 1919 г. на епархиальной службе состояло 18 человек – правящий епископ, его личный секретарь, 4 члена совета, секретарь совета, 4 делопроизводителя, 2 помощника делопроизводителя, 3 письмоводителя, регистратор и курьер¹⁶⁴. Согласно расчетам, представленным на усмотрение епархиального собрания 9 декабря 1919 г., на их содержание в 1920 г. при текущих расценках требовалось около 450 тыс. руб.¹⁶⁵ Кроме того, необходимо было уплачивать взносы в городскую больничную кассу – около 20 тыс. руб. в год. Расходы на отопление и освещение помещения епархиального совета оценивались в 50 тыс. руб., на приобретение канцелярских товаров и почтовые расходы требовалось 10 тыс. руб., на оплату поденных работ – 18 тыс. руб. и т.д. Самой незначительной статьёй расходов был

---

¹⁶² ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1590. Л. 10.

¹⁶³ Там же. Л. 3.

¹⁶⁴ Там же. Л. 4об.–5.

¹⁶⁵ Там же. Л. 5.

наем помещения – 2400 руб. в год¹⁶⁶. Необычайная дешевизна объяснялась доброй волей домовладелицы Бураковой, которая «уклонилась» от назначения арендной платы, предоставив это на усмотрение совета¹⁶⁷. Проблема изыскания денежных средств для нужд епархиального управления была усугублена национализацией принадлежащего ему имущества. В 1919 г. епархиальная власть лишилась последнего стабильного источника дохода – свечного завода¹⁶⁸. Таким образом, пополнение епархиальной казны теперь всецело зависело от щедрости прихожан.

При составлении сметы на 1920 г. приходилось учитывать, что дальнейшее развитие инфляционных процессов потребует внесения существенных корректив в епархиальный бюджет. Рост цен постоянно грозил оставить служащих епархиального совета без средств к существованию и заставлял их искать более доходные должности в советских учреждениях. Чтобы избежать этого, в течение года (с ноября 1918 г.) оклады служащим епархиального совета приходилось неоднократно увеличивать. В результате ежемесячные расходы на выплату жалования возросли с 8 до 40 тыс. руб.¹⁶⁹ На этом фоне любые дополнительные обременения не встречали поддержки со стороны депутатов епархиального собрания, а предполагаемые расходы на организацию богословско-пастырских курсов (1 млн. 370 тыс. руб.) казались совершенно неподъемными¹⁷⁰. Имевшиеся источники дохода могли покрыть лишь десятую часть от потребностей в 1920 г. По итогам обсуждения на епархиальном собрании было принято решение ассигновать на текущие нужды полтора миллиона рублей, разверстав сбор по благочиниям, а в рамках благочиний – по приходам. Епархиальному совету было предоставлено право в случае необходимости увеличивать сметные расходы и сборы¹⁷¹.

¹⁶⁶ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1590. Л. 5.

¹⁶⁷ Там же. Л. 66–66об.

¹⁶⁸ Там же. Л. 4об.

¹⁶⁹ Там же. Д. 1462. Л. 4, Д. 1590. Л. 1–1об., 27–27об.

¹⁷⁰ Там же. Д. 1462. Л. 2об.–3, 5.

¹⁷¹ Там же. Л. 6.

Депутаты епархиального собрания отмечали, что проблема изыскания средств на содержание епархиальных учреждений усугублялась отсутствием у верующих понимания необходимости этих учреждений. Несмотря на экономические трудности, прихожане обеспечивали содержание «своих» причтов и приходских храмов, но интерес к общецерковным делам снижался и, как следствие, нарастало нежелание уплачивать сборы¹⁷². Эта ситуация не была уникальной, аналогичные финансовые проблемы в тот период испытывали не только епархиальные советы, но и Высшее церковное управление¹⁷³. Выход из сложившейся ситуации епархиальная власть видела в активизации проповеднической деятельности и разъяснении православному населению необходимости существования «бюрократических» церковных учреждений разного уровня¹⁷⁴.

В документах Тверского епархиального совета не встречается ни одного случая, когда прихожане отказались бы содержать причт и храмовое здание. Напротив, некоторые селения изъявляли готовность понести дополнительные расходы, чтобы создать «свой» приход. Не всегда такое рвение было позитивным фактором церковной жизни, яркий пример чему дает дело о пожаре в храме села Заручевья Бежецкого уезда. В этом приходе еще в 1905 г. в связи с решением о постройке нового каменного храма часть прихожан предложила возвести его на новом месте в деревне Прудово. Сторонниками этой идеи выступили жители Прудова и окрестных деревень, противниками – жители Заручевья и ближайшей к ней деревни Ячменниково. Тверская духовная консистория порешила строить храм на старом месте. Жителям Прудова в 1912 г. было разрешено возвести в своей деревне храм с перспективой образования самостоятельного прихода, но этот проект не был реализован, «отчасти из-за начавшейся вскоре Первой мировой войны, отчасти из-за упрямства самих прудовцев, желавших непременно перевезти в свое селение ста-

---

¹⁷² ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1462. Л. 5.

¹⁷³ Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 254–257.

¹⁷⁴ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1462. Л. 5об.–6.

рый деревянный храм из Заручевья»¹⁷⁵. В мае 1919 г., когда пожар уничтожил старую церковь в селе Заручевье и существенно повредил недавно отстроенный каменный храм, конфликт немедленно разгорелся с новой силой. Жители Прудова выступили против восстановления пострадавшей от пожара постройки. Они добивались от епархиальной власти разрешения на возведение нового храма в своей деревне, передачи в него спасенного иконостаса и утвари из Заручевского храма и перевода причта в Прудово¹⁷⁶. Жители Заручевья с подобной перспективой были категорически не согласны и заявили о готовности своими силами восстановить храм и содержать причт. Свою решимость они доказали на деле: в течение месяца починили потолок храма, заготовили лесной материал и собрали 20 тыс. руб. на дальнейший ремонт¹⁷⁷. Однако жители Прудова не отступили и продолжали добиваться разрешения на постройку собственного храма.

Духовные власти осознали абсурдность всей затеи с постройкой новой церкви и созданием двух маломощных приходов на месте одного, но не решались идти на открытый конфликт с верующими. Благодичный 5-го округа Бежецкого уезда священник Виктор Невский 18 июня 1919 г. доносил епископу Серафиму (Александрову): «Очень возможно, что вторичное разрешение на построение ими храма при деревне Прудове при настоящих условиях может привести и к благоприятным результатам: удовлетворит их исполнением их желаний, а трудность и почти неисполнимость их большинство охладит и заставит опять примириться и соединиться под сению Заручевского храма»¹⁷⁸. Епархиальный совет удовлетворил оба прошения¹⁷⁹ и, вопреки ожиданиям благочинного, церковь в деревне Прудово была построена¹⁸⁰.

Показательно, что этот конфликт произошел в относительно небольшом приходе. В селе Заручевье и деревне Ячменниково насчитывалось

¹⁷⁵ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1591. Л. 7–8.

¹⁷⁶ Там же. Л. 13, 21–21об.

¹⁷⁷ Там же. Л. 7об.

¹⁷⁸ Там же. Л. 8.

¹⁷⁹ Там же. Л. 4об., 6.

¹⁸⁰ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 9710-с. Л. 57.

около 140 дворов, в отпавших от прихода деревнях Прудово, Иваньково и Курганы – около 320¹⁸¹. Ожесточенность противостояния между двумя частями прихода достигла крайних пределов. Жители Прудова и окрестных деревень порицали епископа Серафима за то, что он разрешил настоятелю Заручевского храма служить во временном помещении в Заручевье, и перестали посещать богослужения¹⁸². Настоятель храма оказался заложником этой ситуации и не мог воздействовать на верующих.

Дело о пожаре в селе Заручевье показывает новые принципы организации отношений епархиальной власти и приходов. Епархиальное руководство, идя на уступки, пыталось удержать ситуацию в рамках канонического права. Приходы могли самостоятельно решать широкий круг вопросов, наиболее важные из них выносились на обсуждение общих собраний, текущими делами ведали приходские советы и церковные старосты. Без согласия приходского собрания не могло состояться назначение священнослужителя на приходскую службу. Обычно кандидаты избирались на приходском собрании, а затем протоколы направлялись для утверждения правящему епископу¹⁸³.

В 1919 г. многие деревни ходатайствовали о перечислении из одного прихода в другой по причине большего удобства сообщения. Имел место даже переход из Смоленской епархии в Тверскую¹⁸⁴. Позиция епархиальной власти по данному вопросу четко сформулирована в журнале заседания епархиального совета от 1 мая 1919 г., на котором рассматривалось обращение граждан деревни Пенье Калязинского уезда: «Дать знать гражданам дер. Пенья, что Епархиальный Совет никогда не чинил препятствий к переходу их, а задержка в делах по независимым от Совета обстоятельствам: выселение из здания б[ывшей] Консистории, необходимость требования отзыва Благоч[иннического] Совета и т.д., без чего Епарх[иальный] Совет и не мог решить ра-

¹⁸¹ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1591. Л. 9–10.

¹⁸² Там же. Л. 14.

¹⁸³ Там же. Д. 1590. Л. 32–32об., 37–37об., 65–65об.

¹⁸⁴ Там же. Л. 41–41об.

нее дело»¹⁸⁵. Подобные прошения удовлетворялись даже в том случае, если они вызывали протест причтов, опасавшихся существенного уменьшения доходов вследствие сокращения численности прихожан¹⁸⁶. Поддержка инициатив верующих позволяла епархиальной власти удерживать их в рамках церковной дисциплины.

Совершенно иначе выстраивались взаимоотношения епархиальной власти с подчиненным ей духовенством. В первые годы после падения синодального строя резко возросли карьерные амбиции церковнослужителей и низших клириков: многие псаломщики пытались добиться посвящения в сан дьякона, а дьяконы – в сан священника, не обладая необходимым образовательным цензом. Это вызвало недовольство архиепископа Серафима (Чичагова), и в феврале 1918 г. он потребовал от епархиального совета усложнить экзамены: «Когда же будет положен конец превращению всех диаконов во священники по слабому экзамену (ибо все выдерживают). Во что же превращается Тверская епархия»¹⁸⁷. Проблема была решена в январе 1919 г., когда под руководством епископа Серафима (Александрова) были разработаны программы для лиц, ищущих дьяконского и священнического сана. Для успешной сдачи экзамена кандидату в священники требовалось обладать знаниями в объеме курса духовной семинарии, критерии соответствия применительно к кандидатам в дьяконы, были существенно ниже, но тоже значительны¹⁸⁸. Таким образом, достоинство сана священника и дьякона было формально защищено. Прошения посвятить в сан без сдачи экзамена неизменно отвергались¹⁸⁹.

Епархиальная власть настаивала на соблюдении членами причтов церковной дисциплины и в крайних случаях не останавливалась перед наложением наказаний. В 1919 г. было зафиксировано несколько подобных случаев. Так, дьякон церкви приселка Соболев Калязинского уезда Арсений Фле-

¹⁸⁵ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1590. Л. 58об.

¹⁸⁶ Там же. Л. 121.

¹⁸⁷ Там же. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 60.

¹⁸⁸ Там же. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1456. Л. 13–14об.

¹⁸⁹ Там же. Д. 1590. Л. 30, 31, 38, 43.

ров, безуспешно «домогавшийся священнического сана», был приговорен к трехнедельному монастырскому послушанию за то, что на указе епархиального совета от досады написал: «Читал и перечитывал и, наконец, плюнул на всех и вся»¹⁹⁰. Попытки дьякона объяснить мотивы своего поступка были оставлены без внимания.

Священник Иоанн Воскресенский пострадал за обращение в Любегощский волостной исполком Весьегонского уезда с просьбой защитить его интересы в споре с причтом соседнего храма. Епископ Серафим (Александров) приказал ознакомить священника с содержанием соборного определения «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни»¹⁹¹ и предупредить, что в случае повторения подобного проступка он будет запрещен в священнослужении¹⁹².

Священник Шумович, беженец из Гродненской губернии, поступил на службу в храм деревни Кузовкино Новоторжского уезда по просьбе местных жителей, не получив благословения правящего епископа. Причт церкви села Кавы, к которому был приписан храм деревни Кузовкино, донес об этом факте епископу Серафиму (Александрову). По итогам разбирательства епископ Серафим запретил священнику Шумовичу проводить богослужения в пределах прихода села Кавы «навечно», а в пределах Тверской епархии – до получения соответствующего разрешения¹⁹³.

В селе Золотилиха Новоторжского уезда состоявшие в родстве священник Константин Виноградов и дьякон Кавский отказались выплачивать мобилизованному на военную службу псаломщику Иоанну Малютину причитающуюся ему часть доходов причта. Проведенное местным благочинным

¹⁹⁰ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1590. Л. 38, 44.

¹⁹¹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской церкви 1917 – 1918 гг. Вып. 3. С. 58–60.

¹⁹² ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1590. Л. 60–61.

¹⁹³ Там же. Л. 93об.

расследование установило справедливость требований псаломщика. Епархиальный совет постановил взыскать со священника и дьякона положенную сумму¹⁹⁴.

В селе Панихидино (Панофидино) Старицкого уезда во время трехмесячного пребывания настоятеля местного храма священника Александра Соколова в тюрьме его обязанности исполнял заштатный священник Василий Пылаев. После освобождения о. Александра из заключения Пылаев отказался покинуть приход и стал агитировать прихожан за отставку настоятеля. Этот конфликт вызвал беспокойство епархиальной власти, и председатель епархиального совета протоиерей Иоанн Знаменский был командирован для проведения следствия¹⁹⁵.

В тех случаях, когда конфликт внутри причта затрагивал интересы прихожан, члены епархиального совета проявляли особую осторожность. Например, дьякон Рождественский, участвовавший в 1917 г. в удалении священника Рахманина из прихода села Петровского Тверского уезда избежал наказания, поскольку прихожане отказались давать показания против него и саботировали следственные действия. Епархиальный совет постановил прекратить дело за давностью лет и в целях успокоения прихода¹⁹⁶.

Таким образом, первые годы существования советской власти стали своеобразным «золотым веком» приходов, когда они добились от церковного руководства права на самоуправление, но еще не испытали в полной мере давления со стороны государства. Иначе складывалась судьба монастырей, по числу которых Тверская епархия к 1914 г. занимала в Русской православной церкви пятое место, уступая лишь Московской, Новгородской, Владимирской епархии и Грузинскому экзархату¹⁹⁷. Для сохранения монастырских храмов от закрытия согласно советскому законодательству при них необходимо было зарегистрировать общину верующих в количестве не менее 20 че-

---

¹⁹⁴ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1590. Л. 87–87об.

¹⁹⁵ Там же. Л. 72–72об.

¹⁹⁶ Там же. Л. 70–70об.

¹⁹⁷ Следственное дело патриарха Тихона. С. 429, 431.

ловек – «двадцатку»¹⁹⁸. В Тверской епархии, как правило, это не вызывало проблем: община формировалась из окрестного населения, и гражданская власть обычно не возражала против ее регистрации. Подобные инициативы встречали горячую поддержку епархиального руководства¹⁹⁹, которое, согласно определению Собора 1917 – 1918 гг. «Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания», должно было удостовериться, что церковное имущество передается приходу, а не «случайному соединению лиц, именующих себя православными»²⁰⁰.

Регистрация при монастырских храмах общины верующих, тем не менее, не решала всех проблем обители, поскольку «двадцатка» могла принять в пользование только церкви и богослужebное имущество, а сохранение за насельниками обители права проживать в монастырских кельях и пользоваться другим имуществом оставалось на усмотрение местной гражданской власти. В связи с этим женские монастыри в силу своей специфики попали в наиболее сложное положение.

В 14 мужских монастырях Тверской епархии в 1914 г. проживало около 150 монахов, остальные были послушниками²⁰¹. С начала Первой мировой войны наблюдался отток послушников из монастырей, в том числе в связи с призывом в армию. Затем, когда в результате революционных событий 1917 г. условия жизни в монастырях резко ухудшились, а ограничения, накладывавшиеся на лиц, отказавшихся от исполнения монашеских обетов, были упразднены, монастыри утратили часть иноков, пожелавших вернуться к светской жизни. В результате мужские монастыри стали еще менее многочисленны, чем прежде, причем большинство оставшихся в обителях монахов имели

---

¹⁹⁸ Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 154.

¹⁹⁹ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1590. Л. 50–51.

²⁰⁰ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской церкви 1917 – 1918 гг. Вып. 4. С. 29.

²⁰¹ Следственное дело патриарха Тихона. С. 429.

священнический сан, что позволяло им регистрироваться в качестве клириков при «бывших» монастырских храмах²⁰².

Женщины-монахини по понятным причинам не могли получить регистрацию в качестве клириков. Кроме того, прокормить «от алтаря» несколько десятков человек²⁰³ было невозможно – для этого обитель должна была зарегистрироваться в качестве трудового коллектива и вести хозяйство. Местное население, выступавшее в защиту монастырских храмов, не всегда столь же благосклонно относилось к насельницам монастырей, опасаясь с их стороны экономической конкуренции. Так, крестьяне Каблуковской волости Тверского уезда в 1919 г. вступили в конфликт с братией Вознесенского Оршина монастыря из-за земельных угодий, что, по мнению настоятельницы, явилось главной причиной закрытия обители²⁰⁴. В подобных случаях, а также при возникновении проблем с представителями гражданской власти, монахини обращались к епархиальному руководству за поддержкой и защитой, однако церковная власть не могла оказать реальной помощи²⁰⁵. Тем не менее, несмотря на трудности, большинство монастырей в тот период избежали закрытия и продолжали существовать до конца 1920 гг.

Крупнейшим испытанием, с которым в этот период столкнулось новое епархиальное руководство, стала кампания по вскрытию мощей. В Тверской епархии она прошла в 2 этапа: в феврале 1919 г. были вскрыты мощи Ефрема, Аркадия и Иулиании Новоторжских, Макария Калязинского и Нила Столбенского, в конце мая 1919 г. прошло освидетельствование останков свято-

²⁰² Цыков И.В. Закрытие Селижаровского Троицкого монастыря (1928 – 1930 гг.). С. 196; ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1590. Л. 50об.; ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25701-с. Л. 104.

²⁰³ Средняя численность братии женских монастырей Тверской епархии в 1914 г. составляла 180 человек. Для сравнения: в Оршинском монастыре в 1919 г. проживали 63 насельницы, в Могилевском монастыре в 1928 г. (на момент закрытия) – 130. По-видимому, численность братии женских обителей сократилась значительно меньше, чем мужских. См.: Следственное дело патриарха Тихона. С. 431; ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 790. Л. 8, 10; ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25701-с. Т. 3. Л. 46об.

²⁰⁴ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 790. Л. 5–5об.

²⁰⁵ Там же. Д. 1455. Л. 16–20, Д. 790. Л. 11.

го благоверного князя Михаила Тверского и святителя Арсения²⁰⁶. Результаты вскрытий широко освещались в местной прессе. По мнению исследователя А.В. Сипейкина, именно необходимость проведения агитационной подготовки завершающего этапа кампании обусловила трехмесячный перерыв в ее проведении²⁰⁷. В результате этой задержки руководство Тверской епархии получило возможность подготовиться к защите своей позиции по данному вопросу.

В понедельник 7 апреля 1919 г. (в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы) по инициативе епископа Серафима (Александрова) в храмах г. Твери был проведен опрос. Верующим было предложено высказать свое мнение по поводу планируемого властями вскрытия мощей князя Михаила Тверского и святителя Арсения²⁰⁸. В ряде случаев после окончания богослужения оформлялся акт (протокол), который присутствующие заверяли подписями. Количество собранных подписей существенно разнится от прихода к приходу, что, вероятно, отражает посещаемость храма. Так, в Благовещенской Волынской церкви было собрано 118 подписей против вскрытия²⁰⁹, в Никитской церкви – 29²¹⁰, церкви Мины и Виктора – 50²¹¹, в Сергиевской церкви – 107²¹². Трое прихожан Сергиевской церкви выразили согласие на проведение вскрытия²¹³. «Творчески» к выполнению поручения епархиального начальства подошел настоятель церкви Рождества Богородицы на Исаевском ручье священник Дмитрий Чернышов. Он организовал поуличный опрос прихожан и провел собрания в двух загородных деревнях, входивших в состав прихода, собрав в общей сложности 343 подписи против вскры-

---

²⁰⁶ Сипейкин А.В. Указ. соч. С. 143–145, 149–151. А.Н. Кашеваров неточно указывает, что все вскрытия мощей в Тверской губернии имели место в феврале 1919 г. См.: Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 185.

²⁰⁷ Сипейкин А.В. Указ. соч. С. 147.

²⁰⁸ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1463. Л. 79.

²⁰⁹ Там же. Л. 94–94об.

²¹⁰ Там же. Л. 29.

²¹¹ Там же. Л. 117–117об.

²¹² Там же. Л. 134.

²¹³ Там же. Л. 139.

тия²¹⁴. Для граждан, которые заявили, что они «желают вскрытия св. мощей», был составлен особый акт. Таковых в приходе оказалось трое²¹⁵. В кладбищенской церкви Неопалимая Купина опрос был произведен 12 апреля (31 подпись против вскрытия)²¹⁶. Подписной лист, составленный в Троицкой за Волгой церкви, поступил в епархиальный совет незаполненным. В остальных заволжских церквях (Филипповской, Владимирской за Петроградской заставой, Вознесенской за Волгой) настоятели ограничились простым подсчетом голосов без сбора подписей²¹⁷.

Сохранившиеся документы отражают проведение опроса во 2-ом (Заволжском) благочинническом округе г. Твери. Донесения, акты и подписные листы сначала поступали благочинному протоиерею Иоанну Гусеву, затем централизованно передавались в епархиальный совет²¹⁸. Весьма сомнительно, что опросом было охвачено лишь одно благочиние епархиального центра. Скорее всего, таким же образом был организован опрос и в 1-ом (более населенном) благочинническом округе г. Твери. Отсутствие соответствующих материалов в делах епархиального совета может быть объяснено неполной сохранностью его архива.

В крупнейших храмах города – кафедральном Спасо-Преображенском соборе и Воскресенском соборе Христорождественского монастыря, которые находились в ведении епархиального начальства, также не было единообразия в проведении опроса. В кафедральном соборе был организован сбор подписей²¹⁹, настоятель Воскресенского собора, многочисленная паства которого состояла преимущественно из рабочих, ограничился донесением²²⁰.

²¹⁴ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1463. Л. 97–98об., 100–104.

²¹⁵ Там же. Л. 105–106.

²¹⁶ Там же. Л. 116.

²¹⁷ Там же. Л. 96, 111, 138.

²¹⁸ Там же. Л. 111, 138.

²¹⁹ Там же. Л. 122–124.

²²⁰ Там же. Л. 79. Воскресенский собор в тот период был одним из самых посещаемых храмов Твери, поскольку он находится в районе расположения двух крупных ткацких фабрик, где проживала значительная часть населения города, но практически отсутствовали приходские храмы. См.: ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1461. Л. 45об.

Помимо этого, в делах епархиального совета есть недатированный подписной лист против вскрытия мощей, место составления которого не известно²²¹.

Опрос дал следующие результаты: во 2-ом (Заволжском) благочинническом округе г. Твери против вскрытия мощей в общей сложности было собрано почти 700 подписей; в донесениях священников 2-го округа, проводивших опрос без сбора подписей, упомянуто 800 противников вскрытия; несколько десятков подписей против вскрытия было собрано в кафедральном соборе, помимо этого 700 человек подписались под документом против вскрытия мощей без обозначения даты и места сбора; согласно донесению настоятеля Воскресенского собора, против вскрытия мощей выступили около 4 тысяч человек, присутствовавших на богослужении 7 апреля 1919 г.²²² В трех приходах города было документально зафиксировано 11 сторонников вскрытия мощей, из них пятеро прилюдно заявили о своей позиции в «рабочем» Воскресенском соборе, что, возможно, было подготовленной провокацией.

На основании этих данных общее количество жителей Твери, принявших участие в опросе, можно оценить в 7–8 тысяч человек (население города в тот период составляло около 100 тысяч человек). Его результаты показали, что «разоблачительная» кампания в печати не повлияла на позицию верующих, и подготовка к вскрытию мощей велась вопреки воле местного православного сообщества, которое воспринимало эту акцию гражданской власти как «дело кощунственное»²²³.

В сборе подписей против вскрытия мощей также приняли участие три пригородные деревни – Горютино, Сапково и Андреевская. В этих деревнях 7 апреля 1919 г., одновременно с проведением опроса в городе, состоялись общие собрания, где граждане высказались против вскрытия мощей. По итогам собраний были составлены протоколы, причем в качестве образца ис-

---

²²¹ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1463. Л. 82.

²²² Там же. Л. 79.

²²³ Там же. Л. 133.

пользовался подписной лист, происходящий из городской церкви Мины и Виктора²²⁴. Подлинность документов была заверена печатями и подписями советских должностных лиц²²⁵. Протоколы, составленные в Горютино и Андреевском, повторяют текст исходного документа с минимальными поправками. Протокол общего собрания граждан деревни Сапково отличается от образца наличием оборотов, свойственных, по-видимому, народной речи. Известно, например, что в «городских» документах, составленных священниками, великий князь Тверской Михаил Ярославич именуется «Святым Благоверным Великим Князем Михаилом Тверским», а в протоколе деревни Сапково он «упрощенно» назван «Тверским Михаилом Благоверным»²²⁶. Вопреки общепринятой практике, «деревенские» подписные листы не были заверены местным приходским священником. Собрания в Сапково, Горютино и Андреевском проводились, по-видимому, по инициативе местных верующих. Епархиальное руководство на тот момент не планировало вовлекать сельские приходы в конфликт по вопросу о вскрытии мощей.

Незадолго до проведения опроса Тверской губернский исполком постановил изъять из храмов ранее вскрытые мощи и поместить их для наглядности в музей. Это решение было принято 1 апреля 1919 г., но стало известно епархиальному руководству только 10 апреля. Епархиальный совет немедленно обратился к властям с просьбой «дать копию постановления с мотивами, побудившими к этому»²²⁷. Председатель губисполкома Сергеев от дачи письменного ответа уклонился. Устно он объяснил действия властей «просьбами обманутого христианского населения»²²⁸.

Чтобы защитить свою позицию, епархиальный совет в мае 1919 г. разослал по благочиниям циркуляр, который предписывал настоятелям церквей провести приходские собрания и составить акты «о неотобрании святых мо-

²²⁴ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1463. Л. 117, 119, 120.

²²⁵ Там же. Л. 118об., 119об., 120.

²²⁶ Там же. Л. 118.

²²⁷ Там же. Л. 142.

²²⁸ Там же. Л. 146.

щей»²²⁹. Затем с разрешения Тверской губернской ЧК в помещении Никольской на Плацу церкви прошло совещание представителей духовенства и приходов г. Твери по вопросу о принятии мощей под поручительство православных христиан наравне с прочим богослужебным имуществом (позиция руководства епархии заключалась в том, что почитание мощей является неотъемлемой частью православной обрядности)²³⁰. Для обработки поступающих из епархии актов была создана комиссия, которую возглавил некто Благовещенский (вероятнее всего, врач Е.П. Благовещенский, секретарь приходского совета храма Рождества Христова в Рыбаках)²³¹. Чтобы избежать втягивания в конфликт значительной части населения региона, Тверской губком РКП(б) 26 мая 1919 г. признал решение об изъятии мощей преждевременным и предложил исполкомам всех уровней «никаких постановлений о мощах не выносить, а проводить через Совет профсоюзов»²³². В августе 1919 г. губернский трибунал произвел проверку законности действий епархиального совета и не нашел оснований для уголовного преследования²³³. Руководство епархии одержало победу. 5 декабря (22 ноября по старому стилю) 1919 г. духовенство и верующие г. Твери провели торжества, посвященные 600-летию мученической кончины князя Михаила Тверского. Подготовка праздничных мероприятий было посвящено специальное заседание епархиального совета 21 ноября 1919 г.²³⁴

Подводя итог деятельности Тверского епархиального совета второго созыва, следует признать, что этот орган церковной власти искусно комбинировал авторитарные традиции и демократические нововведения. Важнейшей задачей, которую он решал в повседневной деятельности, стала выработка

²²⁹ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1463. Л. 11.

²³⁰ Там же. Л. 145–145об.,

²³¹ Там же. Л. 18об.

²³² Там же. Ф. Р-640. Оп. 1. Д. 63. Л. 46.

²³³ Там же. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1463. Л. 18–18об. Исследователь А.В. Сипейкин, изучавший фонд Тверского ревтрибунала на предмет выявления фактов уголовного преследования духовенства, не обнаружил там соответствующей информации. См.: Сипейкин А.В. Указ. соч. С. 80–92.

²³⁴ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1459. Л. 24–24об., 27–27об. Учитывая, что князь Михаил Тверской был убит в Орде в 1318 г., 600-летие со дня его кончины состоялось в 1918 г.

компромиссных позиций по спорным вопросам, причем процесс принятия решений имел едва ли не большее значение, чем сами решения. Главным результатом двухлетней работы епархиального совета второго созыва стала выработка новых принципов церковного управления, сочетавших строгую дисциплину с элементами самоуправления. Епархиальная власть, существенно ограничив вмешательство в жизнь приходов, сумела восстановить управляемость епархии и укрепить свой авторитет.

§3. Институт викарных епископов в 1918 – начале 1922 г.

Во второй половине XIX в. в Русской православной церкви повсеместно распространяется практика назначения викарных епископов в помощь правящим архиереям. Викарии за редким исключением не имели подведомственной территории, хотя титуловались по названию одного из городов епархии, круг их полномочий определялся епархиальными преосвященными²³⁵. В Тверской епархии викарный архиерей имел титул епископа Старицкого. Этот пост с апреля 1912 по сентябрь 1917 г. занимал владыка Арсений (Смоленец). Как известно, в ходе борьбы, развернувшейся между архиепископом Серафимом (Чичаговым) и епархиальным советом, более гибкий и склонный к поиску компромисса с церковными радикалами викарий воспринимался многими верующими как наиболее подходящий кандидат на пост главы епархии, но правящий архиерей, опасаясь конкуренции, добился от Синода распоряжения о его назначении в другую епархию.

На место епископа Арсения из Екатеринославской епархии был переведен викарный епископ Таганрогский Иоанн (Поммер)²³⁶. Находясь в Твери, он действовал как доверенное лицо правящего архиерея Серафима (Чичагова) и не проявлял инициативы по управлению епархией, по видимому, ожидая более высокого назначения. Уже в апреле 1918 г. владыка Иоанн был переведен в Пензенскую епархию, ему на смену был назначен епископ Серафим (Александров), вскоре возглавивший Тверскую епархию на правах временно управляющего, а затем в качестве правящего архиерея. В период его управления в Тверской епархии началась реализация определения Поместного Собора «О викарных епископах», предусматривавшего выделение в пределах существующих епархий территорий, передаваемых под власть викариев

---

²³⁵ Православная энциклопедия. Т. 8. С. 404–409.

²³⁶ В Екатеринославской епархии его обвиняли в «чрезмерном деспотизме». См.: Rogoznyy P.G. Указ. соч. С. 85.

«под общим руководством епархиального Архиерея по правилам, установленным Священным Синодом»²³⁷.

Решение о создании Новоторжского (с центром в г. Торжок) и Кашинского викариатов было принято Тверским епархиальным собранием в июне 1918 г., однако, несмотря на поддержку этой инициативы со стороны высшей церковной власти, прошло более года, прежде чем епархиальное руководство смогло приступить к их организации²³⁸. Следует отметить, что в справочной литературе содержится информация о том, что в 1919 – 1920 гг. владыка Александр (Надеждин)²³⁹ был епископом Кашинским, однако известно, что он не принимал участия в декабрьском епархиальном собрании 1919 г., и его имя ни разу не упоминается в документах Тверского епархиального совета, в том числе в делах, касающихся важнейших вопросов церковной жизни г. Кашина и приходов, расположенных в Кашинском уезде. Отсутствие соответствующей информации косвенно, но вполне определенно свидетельствует о том, что в 1919 г. Кашинский викариат еще не был создан.

Вопрос об организации и финансовом обеспечении викариатов был вынесен на обсуждение декабрьского епархиального собрания 1919 г. Епископ Серафим (Александров) произнес прочувствованную речь, призвав депутатов поддержать «пожелание Собора о приближении епископов к народу, об упрощенном епископате, близком по духу и внешнему положению к епископству первых времен христианства и от том, чтобы в каждом городе, уезде был свой епископ»²⁴⁰. В соответствии с определением Поместного Собора «О викарных епископах» содержание викариев и создаваемых при них административных аппаратов возлагалось на средства тех приходов, которые

---

²³⁷ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. С. 42.

²³⁸ История иерархии Русской Православной Церкви. С. 208, 343; ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1462. Л. 3об.

²³⁹ История иерархии Русской Православной Церкви. С. 208.

²⁴⁰ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1462. Л. 3об.

переходили под их окормление²⁴¹. Исключение было сделано для епископа Старицкого, который фактически являлся заместителем правящего епископа; средства на его содержание выделялись из общепархиальной казны.

Одновременно с избранием владыки Серафима (Александрова) правящим архиереем Тверской епархии встал вопрос о замещении поста старицкого vikария. Незадолго до епархиального собрания 1919 г. настоятель Успенского Желтикова монастыря архимандрит Борис (Соколов) был посвящен в сан епископа и назначен vikарием во Владимирскую епархию. Архиепископ Серафим ценил новопоставленного архиерея за работоспособность, образованность и организаторский талант. До посвящения в сан епископа архимандрит Борис занимался созданием пастырской школы и выполнял обязанности благочинного монастырей Тверской епархии²⁴². Кроме того, за время службы в Желтиковом монастыре он снискал особое расположение окрестного крестьянского и рабочего населения, которое не желало расставаться со своим пастырем²⁴³. Лучшего кандидата на пост старицкого vikария было трудно найти, и епархиальное собрание по инициативе владыки Серафима поддержало обращение верующих к церковному руководству с просьбой оставить епископа Бориса в Твери²⁴⁴. Прошение было удовлетворено²⁴⁵.

В 1920 г. в Тверской епархии были организованы 3 vikариата – Новоторжский, Кашинский и Осташковский. Новоторжский vikариат, территориально соответствовавший Новоторжскому уезду Тверской губернии, весной 1920 г. возглавил тридцатичетырехлетний епископ Феофил (Богоявленский)²⁴⁶. Местом жительства ему был определен Борисоглебский монастырь. Новоторжский vikарий не имел канцелярии и вел служебную переписку че-

---

²⁴¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. С. 42.

²⁴² ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1462. Л. 2.

²⁴³ Там же. Л. 7–9.

²⁴⁴ Там же. Л. 19.

²⁴⁵ История иерархии Русской Православной Церкви. С. 611.

²⁴⁶ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 9294-с. Л. 3–3об.

рез монастырского казначея²⁴⁷. Документы из приходов Новоторжского викариата свидетельствуют о том, что регулярное посещение епископом Феофилом подведомственных приходов позволило ему заслужить уважение и привязанность верующих²⁴⁸.

В начале 1922 г. на заседании Синода рассматривался вопрос о переводе епископа Феофила в Пензенскую епархию. Инициатором перемещения выступил тверской архиепископ Серафим²⁴⁹. В это время глава Пензенской епархии епископ Иоанн (Поммер) получил назначение на Рижскую кафедру, и церковное руководство искало ему замену. Вероятно, архиепископ Серафим, будучи членом Синода, мог и хотел способствовать карьерному росту епископа Феофила, но административное решение, принятое без учета интересов верующих, вызвало протест православных Новоторжского викариата. В январе 1922 г. к патриарху Тихону была отправлена делегация с просьбой отменить постановление о переводе епископа Феофила в Пензу, на что был получен отказ. После этого на собрании представителей верующих г. Торжка и уезда, состоявшемся 30 января 1922 г., было принято решение «не отпускать епископа Феофила» и «не принимать никакого нового кандидата на Новоторжскую кафедру». Патриарху был предъявлен ультиматум: «Всякие репрессии, направленные против нашего владыки пр[еосвященного] Феофила возбуждают среди верующих нежелательные религиозные восстания против высшей церковной власти»²⁵⁰. Помимо письменных требований, депутаты, отправившиеся в Москву довести до сведения патриарха решение собрания, имели устный наказ, который должны были изложить «в случае надобности». Негативное отношение к переводу епископа Феофила в Пензу мотивировалось тем, что оно шло вразрез с выраженной на Поместном Соборе волей мирян «не перемещать епископов с одного места на другое» и было принято без

---

²⁴⁷ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 107.

²⁴⁸ Там же. Л. 254–257.

²⁴⁹ Там же. Л. 104.

²⁵⁰ Там же. Л. 104об.

согласования с верующими²⁵¹. Формально миряне были не правы в этом конфликте, поскольку согласно соборному определению «О викарных епископах» назначение викария на должность (следовательно, и смещение) было прерогативой Священного Синода, однако, столкнувшись с консолидированной позицией верующих, церковное руководство вынуждено было отказаться от принятого решения²⁵².

Борьба местного православного сообщества за оставление епископа Феофила во главе Новоторжского викариата свидетельствует не только о симпатии верующих к конкретному владыке, но и о популярности идеи «приближения епископов к народу». Традиционное для синодального периода отношение к архиерею как к чиновнику, которого можно без ограничений переводить с одной должности на другую, руководствуясь соображениями карьерного роста и административной целесообразности, вошло в конфликт с гипертрофированным желанием верующих иметь «своего» епископа.

О епископах, управлявших Кашинским викариатом в 1919 – 1922 гг., известно мало, и информация противоречива. Как уже отмечалось, архивные материалы не подтверждают пребывания в Кашине в 1919 г. епископа Александра (Надеждина). По данным М.Е. Губонина, в 1921 – 1922 гг. Кашинский викариат возглавлял епископ Иоасаф (Шешковский-Дрылевский)²⁵³. В документах, изъятых в 1922 г. сотрудниками ГПУ при обыске у казначея Борисоглебского монастыря, сохранилось письмо жителя г. Кашина от 21 декабря [1921 г.], в котором упоминается «кашинский архиерей» без указания имени. Автор письма, студент Тверского педагогического института Н. Севостьянов, дает нелестную характеристику местному епископу, отмечая его склонность к «брюховному». В упрек ему ставится популярность среди экзальтированных женщин, чревоугодие и сребролюбие. Н. Севостьянов пишет, что невысокие моральные качества епископа ведут к «разъединению» православных и

---

²⁵¹ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 104.

²⁵² Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. С. 42.

²⁵³ История иерархии Русской Православной Церкви. С. 208.

росту сектантства, отмечая, вместе с тем, энтузиазм, с которым крестьяне встречают епископа во время его поездок по приходам²⁵⁴. Как следует из письма, подчеркнуто негативная оценка личности епископа и религиозной жизни в Кашинском викариате отчасти обусловлена тяжелым моральным, материальным и физическим состоянием, в котором пребывал автор.

О раннем этапе деятельности осташковского викарного епископа Гавриила (Абалымова)²⁵⁵ известно также немного. В сентябре 1919 г. он был назначен настоятелем Ниловой Столобенской пустыни²⁵⁶ (переведен из Саратовской епархии), в 1920 г. – посвящен в сан епископа и назначен главой Осташковского викариата²⁵⁷. Под его окормлением находились приходы, расположенные в двух обширных уездах – Осташковском и Ржевском, местопребыванием новопоставленного архиерея оставалась Нилова пустынь. Епископ Гавриил регулярно совершал длительные поездки по викариату в сопровождении нескольких монахов из братии своего монастыря²⁵⁸.

Активная деятельность владыки Серафима (Александрова) по реализации определения Священного Собора «О викарных епископах» привела к тому, что в 1920 г. почти половина территории епархии оказалась под непосредственным управлением викариев, которые были наделены широкими полномочиями по решению административных и судебных вопросов на подведомственных территориях. Содержание викарного епископа оказалось более простой задачей, чем сбор средств на нужды епархиальных учреждений, поскольку для ведения небольшого по объему делопроизводства не требовалось создания дополнительных вакансий. Необходимый минимум для жизни епископа обеспечивался монастырем, в котором он размещался, остальные средства составлялись из добровольных пожертвований, в частности, получаемых в ходе поездок по приходам викариата.

²⁵⁴ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 89–89об.

²⁵⁵ В справочной литературе встречаются другие варианты написания фамилии – Аболымов, Аблымов. См.: История иерархии Русской Православной Церкви. С. 358.

²⁵⁶ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1459. Л. 29.

²⁵⁷ Православная энциклопедия. Т. 10. С. 209.

²⁵⁸ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 91–91об.

В 1920 г. владыка Серафим (Александров) вошел в состав Священного Синода, что резко повысило административный статус старицкого викария, фактически управлявшего Тверской епархией во время отсутствия правящего архиерея. В начале 1922 г. на этот пост был назначен епископ Петр (Зверев). Он не был новым человеком в Твери, поскольку в 1918 г. занимал должность настоятеля Желтикова монастыря²⁵⁹.

Несколько вариантов датировки назначения епископа Петра на пост старицкого викария, известных по справочной литературе, заведомо не точны, так как оно не могло предшествовать переводу епископа Бориса (Соколова)²⁶⁰. В бумагах епископа Петра (Зверева), изъятых при обыске сотрудниками ОГПУ в ноябре 1922 г., сохранилась выписка из постановления патриарха Тихона и Синода о перемещении преосвященного Бориса, епископа Старицкого, и преосвященного Петра, епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии, «одного на место другого». Документ датирован «20 декабря 1921/2 января 1922 г.»²⁶¹. Соответственно, епископ Петр вступил в должность викария Старицкого не ранее начала 1922 г.

В житии священномученика Петра (Зверева)²⁶² отсутствует упоминание о его пребывании на Рыбинской кафедре. По сведениям игумена Дамаскина (Орловского), епископ Петр с 1919 г. служил в Нижегородской епархии на должности викария Балахнинского и пребывал на этой кафедре до назначения правящим епископом Пензенским в мае 1921 г. Занять Пензенскую кафедру он не смог по причине ареста. После освобождения, состоявшегося 4 января 1922 г., он был назначен на должность викария Старицкого. К сожалению, информация об аресте не подкреплена ссылками на архивные документы. Точность сведений о дате освобождения епископа Петра из заключения вызывает сомнения, поскольку ей предшествует дата постановления о его на-

---

²⁵⁹ Тверские епархиальные ведомости. 1918. №5–8. С. 18.

²⁶⁰ История иерархии Русской Православной Церкви. С. 611, 763; Православная энциклопедия. Т. 6. С. 40.

²⁶¹ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 163.

²⁶² Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь. С. 272–317.

значении на Старицкую кафедру. Подобное кадровое решение, скорее всего, не могло быть принято в отношении епископа, находящегося в заключении.

Созданная в 1920 г. система викариатов, несомненно, сделала менее болезненной для епархиального управления ликвидацию епархиального совета, поскольку позволила перераспределить часть административной нагрузки. «Приближение епископов к народу», расширение возможности участвовать в епископских богослужениях позитивно воспринималось православным населением и соответствовало демократическим веяниям революционной эпохи. Более того, как показали события в Торжке, викариат, будучи относительно небольшим сообществом верующих, обладал повышенными (по сравнению с обширной «материнской» епархией) возможностями к мобилизации протестной активности и отстаиванию своих интересов (в том числе идущих вразрез с волей церковного руководства) так, как их понимали миряне.

§4. Епархиальная власть в 1921 – начале 1922 г.

Официальный запрет на деятельность епархиального совета привел к перестройке работы всего аппарата епархиального управления. Часть технических служащих упраздненного совета перешла на службу в канцелярию правящего епископа, которая ранее состояла из одного секретаря. Епархиальное собрание в 1920 – 1921 гг. не созывалось, однако регулярно проводились собрания представителей приходов г. Твери (иногда только духовенства), на которых обсуждались вопросы обеспечения деятельности епархиального управления и Кафедрального собора.

Общие собрания представителей приходов г. Твери, как известно, созывались и ранее. В 1917 – 1918 гг. православное сообщество епархиального центра сыграло значимую роль в нормализации епархиального управления, однако при условии регулярного созыва епархиальных собраний решения городских собраний, затрагивавшие интересы всей епархии, имели лишь рекомендательный характер²⁶³. Епархиальная власть также использовала собрания представителей приходов г. Твери для информирования общественности о своей работе и побуждения верующих к более активному участию в жизни епархии. Так, в 1920 г. наметилась тенденция облекать обращения епархиальной власти к губернскому руководству в форму «депутаций от мирян»²⁶⁴. Предшествующий опыт борьбы за сохранение мощей святых в храмах подсказывал руководству епархии, что гражданская власть проявляет себя более осторожно и благожелательно в отношении простых верующих, чем в отношении должностных лиц епархиального управления. После ликвидации епархиального совета собрание представителей приходов г. Твери приобретает самостоятельное значение. Начиная с 1921 г. от его имени «с благословения преосвященнейшего епископа Серафима» по епархии рассылались распоряжения о проведении сборов в пользу епархиального управления и Ка-

²⁶³ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1455. Л. 11.

²⁶⁴ Там же. Д. 1492. Л. 60б.

федерального собора, причем, ввиду неустойчивого финансового положения страны, эти сборы осуществлялись в натуральной форме – по пять фунтов муки и картофеля от каждого приходского храма ежемесячно²⁶⁵.

Несмотря на то, что епархиальное управление постоянно испытывало проблемы с изысканием необходимых средств для обеспечения своей деятельности, оно приняло участие в организации борьбы с голодом, охватившим в конце 1921 г. поволжские губернии. В начале 1922 г. структуре епархиального управления с разрешения гражданской власти был создан комитет по сбору пожертвований для оказания помощи голодающим. Часть документации, созданной в результате его деятельности, осенью 1922 г. была изъята чекистами при проведении обыска у бывшего казначея комитета протоиерея Алексея Бенеманского и сохранилась в составе уголовно-следственного дела. Основу документального комплекса составляют журналы заседаний и подготовительные материалы к ним²⁶⁶.

Согласно положению «О Тверском епархиальном комитете по сбору пожертвований для оказания помощи пострадавшим от неурожая», утвержденному Тверской губернской комиссией помощи голодающим (помгол) 21 января 1922 г., он состоял из благочинных г. Твери и лиц, избираемых на общем собрании представителей приходов епархиального центра, и возглавлялся правящим архиереем, а в его отсутствие – викарным епископом²⁶⁷. Среди членов по выбору, как и следовало ожидать, оказались бывшие члены епархиального совета второго созыва – протоиереи Александр Троицкий, Алексей Бенеманский и Василий Куприянов. Сотрудники комитета получили от властей разрешение на создание при нем канцелярии («канцелярия Тверского архиепископа по оказанию помощи голодающим»)²⁶⁸.

Утверждая положение «О Тверском епархиальном комитете по сбору пожертвований для оказания помощи пострадавшим от неурожая», губер-

---

²⁶⁵ ТЦДНИ. Ф, 7849. Д. 7564-с. Л. 93, 129–130.

²⁶⁶ Там же. Л. 60–80об.

²⁶⁷ Там же. Л. 60.

²⁶⁸ Там же. Л. 63.

ская власть внесла в него ряд изменений. Значимой была только одна поправка, которая предписывала уездным уполномоченным комитета сдавать ценности уездным комиссиям помощи голодающим, направляя в епархиальный комитет соответствующий отчет. Комитет, в свою очередь, должен был сдавать собранные ценности губернской комиссии помгол. Взамен епархиальному комитету было предоставлено право командировать своих представителей для сопровождения грузов в голодающие губернии²⁶⁹. Губернская комиссия помощи голодающим «выразила уверенность» в том, что «комитет проявит и разовьет максимум деятельности и в ближайшее время представит реальные результаты сборов, которые, безусловно, дадут поддержку голодающему населению в его дальнейшем существовании»²⁷⁰.

Таким образом, в первые месяцы 1922 г. между губернской и епархиальной властью начала формироваться атмосфера делового сотрудничества, обусловленная необходимостью мобилизации всех ресурсов на борьбу с бедствием. Правовую основу для совместной работы составило положение «Об участии Православной Российской Церкви в деле помощи голодающим», утвержденное Центральной комиссией помощи голодающим при ВЦИК 1 февраля 1922 г.²⁷¹

Как известно, вместо добровольного участия религиозных организаций в сборе средств для помощи голодающим государство вскоре инициировало кампанию по принудительному изъятию церковных ценностей, которая стала первой крупномасштабной антицерковной акцией большевиков в мирное время. Современные исследователи сходятся во мнении, что действия центральных органов власти в отношении Русской православной церкви в ходе проведения этой кампании носили провокационный характер, их подлинной целью было приобретение средств для проведения активной внешней поли-

---

²⁶⁹ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 61.

²⁷⁰ Там же. Л. 61об.

²⁷¹ Архивы Кремля. Кн. 2. С. 8–10.

тики и дискредитация духовенства, а не помощь голодающим²⁷². М.В. Шкаровский на примере Петрограда показал, как в течение марта 1922 г. позиция местного руководства под давлением директивных указаний из центра менялась от компромиссной до конфронтационной²⁷³. С особой тщательностью под непосредственным контролем ГПУ было произведено изъятие ценностей из московских церквей. Конкретные параметры кампании в других регионах зависели от отношения местного населения, позиции духовенства и готовности власти к применению силы²⁷⁴.

Декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» от 23 февраля 1922 г. и воззвание патриарха Тихона от 28 февраля 1922 г., где эта затея называлась святотатством, в совокупности поставили епархиальных архиереев и духовенство в трудное положение. В соответствии с воззванием патриарха верующие и духовенство должны были воздержаться от участия в изъятии под страхом церковного наказания²⁷⁵. Реализовать распоряжение патриарха, не нарушая советских законов, было невозможно, поскольку подлежащие изъятию ценности находились в пользовании церковных общин на основании договоров. В этих условиях руководство Тверской епархии было вынуждено искать баланс между социальной ответственностью, гражданской лояльностью и каноническим правом.

Несмотря на то, что положение о создании комитета было утверждено в январе, централизованный сбор средств среди верующих Тверской епархии начался лишь в марте 1922 г. Поскольку глава Тверской епархии архиепископ Серафим (Александров) в тот период находился в Москве, работой комитета руководил викарный епископ Петр (Зверев). В виду того, что информация о распоряжениях Высшей церковной власти доходила до Твери с

²⁷² Кривова Н.А. Указ. соч. С. 215–216; Лобанов В.В. Указ. соч. С. 87; Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г., Макаров Ю.Н. Указ. соч. С. 92–93.

²⁷³ Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. С. 54–60.

²⁷⁴ Кривова Н.А. Указ. соч. С. 75–83.

²⁷⁵ Акты Святейшего Тихона. С. 190.

опозданием, и 9 марта 1922 г., когда состоялось первое заседание комитета, тверское духовенство еще не знало ни о декрете ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей...», ни о реакции патриарха на него, сотрудники комитета приступили к работе, руководствуясь положением «Об участии Православной Российской Церкви в деле помощи голодающим» от 1 февраля 1922 г., воззванием патриарха Тихона от 6 февраля 1922 г. и обращением архиепископа Серафима к духовенству и мирянам о помощи голодающим²⁷⁶. Эти документы, к тому времени уже устаревшие, предписывали духовенству и верующим собирать средства для оказания помощи погибающим от голода согражданам, в том числе жертвовать храмовое имущество, «не имеющее богослужебного употребления»²⁷⁷. На первом заседании комитета было решено отпечатать и разослать по приходам воззвание патриарха Тихона от 6 февраля 1922 г., обращение архиепископа Серафима и образцы отчетности. 17 марта 1922 г. это решение было утверждено губернской комиссией помгол²⁷⁸. К тому времени в комитет начали поступать первые пожертвования²⁷⁹.

На втором заседании комитета 30 марта 1922 г. были подтверждены решения о развертывании работы по сбору добровольных пожертвований²⁸⁰. Последним пунктом в повестке дня значилось обсуждение декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 г. Поводом для рассмотрения этого вопроса стала поступившая из Тверской губернской комиссии по изъятию церковных ценностей просьба об оказании содействия «безболезненному и спокойному проведению в жизнь означенного декрета»²⁸¹. Письменное обращение было подкреплено личными встречами председателя Тверской городской комиссии по изъ-

²⁷⁶ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 75–75об. Обращение архиепископа Серафима см.: ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 13. Д. 160. Л. 7.

²⁷⁷ Архивы Кремля. Кн. 2. С. 11.

²⁷⁸ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 69.

²⁷⁹ Там же. Л. 80.

²⁸⁰ Там же. Л. 64–64об.

²⁸¹ Там же. Л. 65.

ятию церковных ценностей И. Плотникова с епископом Петром и протоиереем Алексеем Бенеманским²⁸².

Не имея руководственных указаний от архиепископа Серафима, члены комитета вынуждены были определять позицию епархиальной власти самостоятельно. Ввиду важности и срочности вопроса (в Вышнем Волочке уже начались подготовительные мероприятия к изъятию²⁸³, обозначилась угроза народных волнений²⁸⁴) епископу Петру было предложено составить воззвание к духовенству и верующим без согласования с находящимся в Москве правящим архиереем²⁸⁵.

На следующий день 31 марта 1922 г. состоялось третье заседание комитета, посвященное исключительно вопросу об изъятии церковных ценностей. На этом заседании был рассмотрен и принят проект воззвания епископа Петра, решено было немедленно огласить его в храмах епархии и использовать «в качестве руководства при практическом осуществлении декрета 23 февраля»²⁸⁶. Владыка призвал верующих беспрепятственно передавать («жертвовать») церковное имущество комиссиям по изъятию. В случае попыток реквизиции предметов, связанных с совершением таинства евхаристии, он рекомендовал прихожанам «входить в переговоры с представителями власти и ходатайствовать о замене»²⁸⁷. О наличии законного права на выкуп почитаемых предметов членов комитета известил архиепископ Серафим письмом от 9 марта 1922 г. (письмо было получено с большим опозданием)²⁸⁸. Епископ Петр также указал верующим, что передача находящегося в храмах имущества для спасения голодающих не только допустима, но и справедлива, поскольку «церковное достояние накапливалось веками и главным

²⁸² ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 70.

²⁸³ Там же. Л. 77.

²⁸⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934). Т. 1. 1922 – 1923 г. Ч. 1. С. 139.

²⁸⁵ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 65–65об.

²⁸⁶ Там же. Л. 70–70об.

²⁸⁷ Там же. Л. 71об.–72.

²⁸⁸ Там же. Л. 77.

образом составлялось из грошей бедных тружеников»²⁸⁹. Добровольное исполнение законных требований представителей власти характеризовалось им как исполнение христианского долга и как форма пожертвования на спасение голодающих. Владыка выразил уверенность, что изъятие церковных ценностей является крайней мерой, на которую советское правительство пошло, сознавая «свою ответственность перед всем миром в настоящее время и перед страшным неумолимым и нелюбезным судом истории в будущем»²⁹⁰. Чтобы не создавать у населения епархии впечатления о наличии противоречий в церковном руководстве, на заседании 4 апреля 1922 г. комитет постановил не проводить рассылку устаревших воззваний патриарха Тихона и архиепископа Серафима²⁹¹.

В тот же день епископ Петр выехал в Москву на встречу с правящим архиереем, чтобы известить его о принятых решениях. Архиепископ Серафим благословил передачу церковных ценностей для спасения голодающих (известно, что он изначально не был согласен с жесткой позицией патриарха по этому вопросу)²⁹², о чем епископ Петр составил письменное донесение²⁹³. На заседании комитета 11 апреля 1922 г. было решено рассматривать этот документ в качестве «официального распоряжения по епархии» и признать его «желательным к распубликованию». Копия донесения была передана в губернскую комиссию помгол и городскую комиссию по изъятию ценностей²⁹⁴. На этом же заседании протоиерей Алексей Бенеманский сообщил, что с 15 марта по 9 апреля 1922 г. в комитет поступило 46 млн. руб. пожертвований. Следующее заседание было назначено на 25 апреля²⁹⁵, однако материалы, отражающие дальнейшую деятельность комитета, не сохранились.

---

²⁸⁹ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 71об.

²⁹⁰ Там же. Л. 71об.

²⁹¹ Там же. Л. 73.

²⁹² Следственное дело патриарха Тихона. С. 195.

²⁹³ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 80об.; ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 13. Д. 160. Л. 8–8об. Текст донесения епископа Петра см.: Приложение 3.

²⁹⁴ ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 13. Д. 160. Л. 10.

²⁹⁵ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 80–80об.

Работа Тверского епархиального комитета по сбору пожертвований для оказания помощи пострадавшим от неурожая весной 1922 г. проходила в русле сотрудничества с советскими органами власти, ответственными за борьбу с голодом и изъятие церковных ценностей. Руководство Тверской епархии сумело трезво оценить риски, связанные с проведением кампании по изъятию ценностей, и минимизировать их. Во многом это стало возможным благодаря позиции епископа Петра, призвавшего верующих добровольно передавать храмовое имущество представителям власти, и архиепископа Серафима, который поддержал инициативу vikария и членов комитета. Четкость и смелость принятых административных решений объясняется тем, что большинство членов комитета в недавнем прошлом входили в состав Тверского епархиального совета, обладали авторитетом и опытом в сфере церковного управления. Представители губернских и городских органов советской власти также стремились установить доброжелательные отношения с руководством Тверской епархии, чтобы собрать больше средств для помощи голодающим и избежать конфликтов с верующими²⁹⁶.

Следует обратить внимание, что главной причиной, побудившей епархиальное руководство оказать содействие гражданской власти при проведении изъятия, было стремление не допустить народных волнений и возможного кровопролития. Решения, принятые весной 1922 г., соответствуют общему стилю работы епархиального управления в послереволюционный период. Как известно, лидеры тверского православного сообщества не боялись обращаться к народной поддержке для отстаивания своей позиции перед гражданской властью, однако обратной стороной этих взаимоотношений была ответственность за паству. Игнорирование требования патриарха Тихона о неучастии духовенства и верующих в проведении изъятия церковных ценностей наблюдалось и в других епархиях, например в Вятской²⁹⁷, однако вынужденная лояльность по отношению к чрезвычайным мероприятиям, проводи-

---

²⁹⁶ ГАТО. Ф. Р-640. Оп. 1. Д. 144. Л. 2.

²⁹⁷ Поляков А.Г. Указ. соч. С. 81.

мым советской властью, не означала перехода в оппозицию к каноническому священноначалию.

Заключая сказанное в первой главе, следует отметить, что церковная жизнь в рассматриваемый период отличалась исключительной сложностью и динамизмом. Тверское епархиальное управление в ходе своей эволюции в 1917 – 1922 гг. прошло три этапа. Первый этап охватывает период работы епархиального совета первого созыва и лето 1918 г. С начала весны 1917 в епархии наблюдался кризис власти, который выразался в конфликте епархиального собрания первого созыва и избранного им епархиального совета с правящим архиепископом Серафимом (Чичаговым). Этот конфликт был осложнен неопределенностью полномочий епархиального совета и вмешательством советских должностных лиц – председателя Тверского губернского исполкома А.П. Вагжанова и комиссара по вероисповедному отделу Ф. Сеницына. Окончательно преодолеть его удалось лишь к осени 1918 г., когда руководство епархии полностью обновилось.

На втором этапе, с сентября 1918 г. до сентября 1920 г., Тверская епархия управлялась совместно епископом Серафимом (Александровым) и епархиальным советом, избранным летом 1918 г. на основании определения Священного Собора «Об епархиальном управлении». В этот период епархиальная власть прилагала большие усилия к тому, чтобы восстановить разрушенную «церковной смутой» дисциплину, причем наибольшую тревогу с ее стороны вызывали конфликты внутри причтов и обращение священнослужителей в советские органы власти для решения сугубо церковных проблем. Параллельно с этим правящий епископ при поддержке епархиального собрания активно занимался организацией автономных викарных кафедр. Как показывает пример Новоторжского викариата, появление в уездном городе епископа запускало процесс консолидации местного православного сообщества, которое начинало воспринимать себя в качестве самостоятельной церковной структуры и требовать от вышестоящих церковных властей соответствующе-

го отношения. Вместе с тем, увеличение числа архиереев в епархии при условии удачного подбора кадров способствовало укреплению епархиальной власти, особенно после ликвидации епархиального совета, когда административная нагрузка на правящего епископа значительно возросла.

На третьем этапе, после закрытия Тверского епархиального совета, епархиальное собрание также не созывалось, часть функций, которые прежде выполняли эти органы власти, перешла к собранию представителей приходов г. Твери. Подобный формат участия православного сообщества в делах епархиального управления оказался оптимальным в условиях запрета на деятельность епархиального совета. Собрание представителей приходов г. Твери было достаточно компактным, чтобы его можно было созвать для обсуждения неотложных вопросов, и достаточно представительным, чтобы епархиальная власть могла избежать обвинения в авторитарности.

В этот период правящий архиерей, будучи членом Синода, осуществлял лишь общее руководство делами епархиального управления. В его отсутствие решением текущих вопросов занимался старицкий vikарий. Этот пост с начала 1922 г. занимал епископ Петр (Зверев). Под его руководством весной 1922 г. среди верующих Тверской епархии был организован сбор средств на помощь голодающим, для чего с согласия губернской власти был создан специальный орган – комитет по сбору пожертвований для оказания помощи пострадавшим от неурожая. Возникшее на этой почве сотрудничество епархиальной и губернской власти получило дальнейшее развитие в ходе проведения кампании по изъятию церковных ценностей. Основным условием для него стало обоюдное стремление избежать народных волнений. В целом в период с осени 1918 до весны 1922 г. включительно руководство Тверской епархии не имело острых конфликтов с советской властью, несмотря на активное и успешное противодействие, которое оно в 1919 г. оказало попытке изъятия мощей. В этом отношении Тверскую епархию можно поста-
вить в

один ряд с другой «тыловой» епархией – Владимирской²⁹⁸, однако преимущества удаленности от фронтов Гражданской войны не следует преувеличивать. Так, Смоленская епархия, ни разу не испытавшая вторжения иностранных и белых армий, в течение рассматриваемого периода дважды пережила разгром органов епархиального управления со стороны советской власти²⁹⁹.

---

²⁹⁸ Гоглов А., свящ. Указ. соч. С. 295–310.

²⁹⁹ Каиль М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны. С. 98–108.

ГЛАВА II. БОРЬБА ЕПАРХИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ ПРОТИВ ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО РАСКОЛА В 1922 – 1928 ГОДАХ

§1. Возникновение обновленческого раскола: позиция гражданской власти и реакция канонического священноначалия.

В 1922 г. в истории Русской православной церкви произошло событие, оказавшее серьезное влияние на ее развитие в последующие два десятилетия – попытка захвата церковной власти так называемыми обновленцами. Как отмечалось в вводной части диссертационного исследования, некоторые историки считают правомерным отсчитывать историю обновленчества с 1905 г., когда в Санкт-Петербурге образовался кружок клириков, получивший название «группа 32 священников». Пользуясь благосклонным отношением столичного митрополита Антония (Вадковского) эта группа выступила в церковной печати с предложениями церковных реформ, предполагавших восстановление соборности церковного управления и повышение статуса белого духовенства за счет ограничения полномочий епископата. Не случайно идеи «32-х» вызвали в то время горячий отклик приходского духовенства³⁰⁰.

Идейный багаж, накопленный за последние годы существования Российской Империи, когда в правительственных кругах и в печати велась подготовка к предполагаемому созыву Поместного Собора, оказался востребован в полной мере лишь после Февральской революции. Крушение монархии не только открыло церкви возможность проведения реформ, но и поставило ее перед фактом их неизбежности. В этот период в Петрограде активно проявили себя многие будущие лидеры и идеологи обновленчества – священники Александр Введенский (впоследствии обновленческий митрополит-благовестник и первоиерарх) и Александр Боярский, профессор Петроградской духовной академии Б.В. Титлинов и другие. В их представлениях о необходимых церковных реформах доминировали идеи христианского социа-

---

³⁰⁰ Фирсов С.Л. Указ соч. С. 320–326.

лизма и соборности церковного управления, при котором епископат не мог бы подавлять волю клира и мирян, последовавшее вскоре возрождение патриаршества и негативная реакция церковного руководства на приход к власти большевиков были восприняты ими как тяжелые ошибки³⁰¹.

«Подготовительный» этап развития обновленчества, непосредственно предшествовавший его выходу на историческую арену в качестве организованной силы, претендующей на церковную власть, до сих пор остается слабо изученным. Исследователи отмечают, что первые контакты ВЧК с отдельными представителями лояльного к советской власти духовенства относятся к 1919 – 1920 гг.³⁰² Историк М.Ю. Крапивин считает, что уже к концу 1920 г. «идея создания лояльной «советской» церкви волновала умы высокопоставленных большевиков, периодически вызывая многоуровневые дискуссии на различных этажах власти»³⁰³. В ходе этих дискуссий председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский выступил с предложением оказать поддержку церковной оппозиции с целью развала Русской православной церкви изнутри, предлагая поручить выполнение этой задачи своему ведомству. В июне 1921 г. его проект был одобрен В.И. Лениным³⁰⁴, а в марте 1922 г. организацией раскола занялся Л.Д. Троцкий, воспользовавшись тяжелым положением, в котором церковь находилась в связи с проведением кампании по изъятию церковных ценностей³⁰⁵.

Удобный момент для проведения «церковного переворота» настал в мае 1922 г. Согласно распространенной в историографии версии событий патриарх Тихон с 6 мая 1922 г. фактически находился под домашним арестом в Донском монастыре и был лишен возможности руководить церковью. К

³⁰¹ Головушкин Д.А. Указ. соч. С. 125–128; Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. С. 8.

³⁰² Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г., Макаров Ю.Н. Указ. соч. С. 54–59; Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. С. 9.

³⁰³ Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г., Макаров Ю.Н. Указ. соч. С. 59.

³⁰⁴ Там же. С. 59–61, 65.

³⁰⁵ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 161–164.

этому моменту ГПУ³⁰⁶ уже подготовило группу священников (Александр Введенский, Александр Боярский, Евгений Белков и другие), которые должны были под благовидным предлогом добиться отставки патриарха и сформировать новый орган высшей церковной власти. В результате переговоров с ними патриарх Тихон принял решение временно передать полномочия ярославскому митрополиту Агафангелу (Преображенскому)³⁰⁷. Устранив патриарха от церковного руководства, заговорщики, тем не менее, не добились желаемого результата, поскольку митрополит Агафангел отказался с ними сотрудничать, и ГПУ запретило ему приехать в Москву. После этого обновленцы приступают к созданию организационных структур, начиная с Высшего церковного управления (ВЦУ), и распространению своей власти.

В качестве одной из важнейших целей совершения «переворота» лидеры обновленцев рассматривали проведение в церкви широких преобразований, но их взгляды во многом не совпадали. Возражений не вызывал только один проект – ликвидация патриаршества с передачей его функций коллегиальному органу власти, однако вопросы о реформе богослужения, введении брачного епископата и разрешении повторного брака для вдовых священнослужителей вызывали разногласия. Большинство проектов так остались нереализованными или были воплощены в жизнь в рамках небольших групп духовенства и верующих, отколовшихся от основной массы обновленцев. Отличительными признаками Синодальной (обновленческой) церкви, оформившейся в 1923г., стало отсутствие поста патриарха и наличие среди духовенства женатых архиереев и второбрачных клириков³⁰⁸.

Задача подчинения и реформирования Русской православной церкви, поставленная обновленческими лидерами, требовала наличия большого количества активных сторонников в епархиях. Там, где обновленцы не находи-

³⁰⁶ 6 февраля 1922 г. ВЧК при СНК РСФСР преобразовано (ликвидировано с передачей функций) в ГПУ при НКВД РСФСР.

³⁰⁷ Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. С. 14; Лобанов В.В. Указ. соч. С. 97–98.

³⁰⁸ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. С. 71–73.

ли поддержки, процесс создания административных структур затягивался. Например, в Твери лишь в августе 1922 г. небольшая группа обновленческих эмигрантов во главе с уполномоченным ВЦУ К.М. Бурмистровым организовала епархиальное управление, не подчинявшееся старицкому викарию Петру (Звереву), временно управлявшему епархией в связи с арестом правящего архиерея³⁰⁹. В ответ на их действия 17 августа 1922 г. в Твери было проведено общее собрание представителей городских приходов, на котором был избран совет для заведывания делами Тверской епархии в составе протоиереев Василия Куприянова и Алексея Бенеманского, дьякона Алексея Соболева, мирян А.И. Соколова и Е.П. Благовещенского³¹⁰. Таким образом, местное православное сообщество продемонстрировало поддержку каноническому священноначалию, хотя формально необходимость создания коллегиального органа церковной власти мотивировалась болезненным состоянием епископа Петра³¹¹. Предполагалось, видимо, что ссылка на плохое самочувствие владыки послужит благовидным предлогом для получения регистрации, однако этого не случилось. После проведения собрания копия протокола и список членов епархиального совета, поданные в отдел Управления губисполкома, были отправлены в Тверской отдел ГПУ (ТО ГПУ), откуда были получены указания не проводить регистрацию, что и было исполнено³¹².

Из числа местных священников в Твери к обновленчеству открыто примкнул только настоятель Покровской церкви протоиерей Николай Троицкий, находившийся в состоянии конфликта с прихожанами³¹³. Поскольку ранее ему удавалось сохранять свой пост лишь благодаря заступничеству правящего архиерея и епископа Петра, переход настоятеля в обновленчество дал возможность прихожанам в очередной раз поставить вопрос о его увольнении. На этот раз епископ Петр без колебаний вывел Троицкого за штат и

³⁰⁹ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 6309-с. Л. 11, Д. 7564-с. Л. 188об; Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России. С. 34–35, 152–153.

³¹⁰ ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 3. Д. 233. Л. 3об.

³¹¹ Там же. Оп. 5. Д. 335. Л. 3.

³¹² Там же. Л. 1, 15.

³¹³ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 205об.–206.

запретил ему совершать служение в храмах Тверской епархии, «прихожане коих пребывают с нами в общении веры и любви»³¹⁴.

В окрестностях Твери обновленчество поддержали два священника из соседних приходов – настоятель храма Рождества Богородицы в с. Пречистый Бор Алексей Озеров и настоятель храма Успения Богородицы в с. Садыково Виктор Кавский. Первому удалось добиться включения в устав своей приходской общины разрешения на членство в ней сторонников обновленчества³¹⁵, а второй перешел под юрисдикцию ТЕУ вместе с приходом. Кавский был примечательной личностью среди тверского духовенства. Будучи дьяконом, в 1905 – 1906 гг. он не скрывал своих симпатий революционному движению, за что подвергся «гонению» – был переведен на аналогичную должность во Власьевскую церковь г. Торжка. Впоследствии он вернулся на родину в качестве священника и стал настоятелем местного храма, а перейдя в юрисдикции ТЕУ, был возведен в сан протоиерея³¹⁶. Возглавляемый им приход оставался обновленческим вплоть до закрытия в конце 1930 гг. Других примеров столь долгого непрерывного пребывания прихода под контролем обновленцев в Тверской епархии не было. Даже смерть настоятеля, последовавшая в 1933 г., не привела к смене юрисдикции. Очевидно, что Кавский имел большое влияние на прихожан. Причины, побудившие его перейти в обновленчество, он изложил в собственноручных записках, составленных летом 1922 г. – непосредственно во время принятия этого решения. Главной среди них было недовольство всевластием епископата и неспособностью церкви нормализовать отношения с советской властью, причем ответственным за «гражданскую войну церкви с государством» Кавский считал патриарха Тихона³¹⁷.

Помимо Твери и ее окрестностей летом 1922 г. обновленцам удалось заявить о себе в Торжке и Кимрах, однако распространить свое влияние на

---

³¹⁴ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 205.

³¹⁵ ГАТО. Ф. Р-283. Оп. 1. Д. 46. Л. 114.

³¹⁶ Там же. Ф. Р-478. Оп. 1. Д. 187. Л. 94.

³¹⁷ См.: Приложение 1.

остальные города епархии они не смогли. В Торжке к обновленчеству открыто примкнули 4 священника во главе с Сергеем Раевским, который в начале августа 1922 г. принимал участие во всероссийском съезде обновленческой организации белого духовенства «Живая церковь» и получил от нее удостоверение уполномоченного по Тверской епархии³¹⁸. В целом Торжок остался во власти местного vicария и в каноническом подчинении епископа Петра³¹⁹. Именно в Торжке произошло первое столкновение сторонников и противников обновленчества: в Борисоглебском монастыре 2 июля 1922 г. прихожане во время архиерейского богослужения выгнали из храма двух священников-обновленцев³²⁰. По этому факту в ТО ГПУ было возбуждено уголовное дело.

22 июля 1922 г. в рамках дела о беспорядках в Борисоглебском монастыре был допрошен новоторжский епископ Феофил (Богоявленский). Он пояснил, что полномочия обновленческого ВЦУ не признает³²¹. Из его показаний известно, что в июле 1922 г. в новоторжской газете «Пламя» было опубликовано обращение девяти местных священников с призывом созвать Поместный Собор и провести суд над патриархом Тихоном. Позднее несколько подписантов посетили епископа Феофила и объяснили, что предложение о суде над патриархом было вписано в текст обращения после того, как они поставили свои подписи. Новоторжский vicарий оставил этот инцидент без последствий, но произнес в соборе Борисоглебского монастыря проповедь, в которой подверг обновленцев жесткой критике³²².

Помимо Сергея Раевского от Тверской епархии в августовском съезде организации «Живая церковь» принимал участие священник Спасо-Преображенской церкви г. Кимры Федор Колеров. Историю своей деятельности в качестве обновленческого активиста Колеров впоследствии подробно изложил в письмах, адресованных епископу Петру, сопроводив их протоко-

³¹⁸ ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 236. Л. 67, Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 29, 172об.

³¹⁹ Там же. Ф. 7849. Д. 9294-с. Л. 22–22об.

³²⁰ Там же. Л. 67.

³²¹ Там же. Л. 4об.

³²² Там же. Л. 5.

лами собраний духовенства, которые он провел в Кимрах и Кашине для привлечения сторонников. В письме от 25 октября 1922 г. Колеров утверждал, что попал на съезд «Живой церкви», поскольку интересовался происходящими в церкви процессами³²³. Первые сведения об этой организации были получены им из газет и журнала «Живая церковь», который в тот период был доступен в Твери и некоторых уездных городах всем желающим³²⁴. На съезде он вступил в организацию «Живая церковь» и принимал участие в работе комиссии по социальному обеспечению духовенства. Колеров также отметил, что во время проведения съезда по инициативе руководителей организации произошел поворот от простого обсуждения проектов реформ для предстоящего Поместного Собора к фактическому их проведению силами «Живой церкви», для чего по епархиям и были назначены уполномоченные³²⁵.

Вскоре после съезда Раевский назначил Колерова уполномоченным «Живой церкви» по Кимрскому, Кашинскому, Корчевскому и Калязинскому уездам, что свидетельствует об отсутствии в этих уездах других обновленческих активистов. 31 августа 1922 г. Колеров провел собрание духовенства г. Кимры, на которое явились причты Кимрского Покровского собора и Вознесенской церкви, а также запасной священник 2-го Благочиннического округа Петр Меншагин, всего 9 человек. Духовенство подворья Троице-Ильинского женского монастыря собрание проигнорировало. Колерову удалось убедить собравшихся в том, что ВЦУ следует признать как фактически существующую церковную власть, но создать в Кимрах отделение «Живой церкви» он не смог. Члены собрания под разными предлогами уклонились от вступления в организацию и от проведения принятых на съезде реформ. Участник собрания протоиерей Покровского собора Макарий Комаров, «сознавая свою зависимость от прихода», изъявил желание получить копию устава «Живой церкви», чтобы ознакомить с ним прихожан. Колеров отказал в этой просьбе,

³²³ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 172.

³²⁴ Там же. Д. 6309-с. Л. 11.

³²⁵ Там же. Д. 7564-с. Л. 172об.

разъяснив, что «Живая церковь» является организацией белого духовенства. После собрания в личной беседе ему удалось убедить Комарова сохранить устав организации в тайне от прихожан³²⁶.

5 сентября 1922 г. Колеров провел аналогичное собрание в Кашине. Местный викарный епископ Иоасаф в это время был в отъезде. Участники собрания в количестве 17 человек заслушали доклад Колерова о развитии обновленчества летом 1922 г., устав «Живой церкви» и предложение о создании местного отделения этой организации, после чего постановили, что все реформы должны проводиться по решению Поместного Собора и выразили надежду на его скорейший созыв³²⁷. Не встретив поддержки в Кимрах и Кашине, Колеров решил прекратить деятельность в качестве уполномоченного «Живой церкви».

Попытка распространения обновленчества в Кимрах и Кашине провалилась по причине того, что местное духовенство проявило осторожность, подчиняясь церковной дисциплине и сознавая свою зависимость от прихожан. Маленькое сообщество клириков г. Кимры, членом которого являлся Колеров, отнеслось к нему лояльно и, не принимая на себя никаких обязательств, формально признало ВЦУ. Более крупное сообщество духовенства г. Кашина проигнорировало уполномоченного «Живой церкви», ограничившись «принятием к сведению» его доклада. Неудача Колерова по созданию местных отделений организации «Живая церковь» показывает, что она не пользовалась популярностью среди духовенства и предложенные ею реформы не были достаточно привлекательны, чтобы убедить священнослужителей пойти на конфликт с епископатом и подвести себя под угрозу изгнания из прихода.

За свою деятельность Колеров 13 октября 1922 г. был запрещен в священнослужении, что оказалось для него тяжелым ударом³²⁸. Разочаровав-

---

³²⁶ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 176об.-177.

³²⁷ Там же. Л. 178.

³²⁸ Там же. Л. 180об., 202.

шись в обновленчестве, он стал искать пути воссоединения с основной частью Тверской епархии, сохранившей верность патриарху Тихону. 25 октября 1922 г. епископ Петр принял Колерова и потребовал от него письменного отчета о деятельности на посту уполномоченного «Живой церкви». Вечером того же дня с опальным священником побеседовал протоиерей Алексей Бенеманский и пришел к выводу, что намерение Колерова порвать с обновленчеством «искренно, да фактически-то это уже и состоялось»³²⁹. Сообщая владыке о результатах встречи, он предложил снять с Колерова запрещение после принесения покаяния перед прихожанами и членами благочиннического совета. Епископ Петр, прежде чем принять окончательное решение, ознакомил с этим предложением несколько уважаемых в Твери протоиереев³³⁰. Несмотря на то, что владыка был расположен простить Колерова, запрещение не могло быть снято быстро. В истории Тверской епархии это был первый случай возвращения отпавшего клирика в лоно Патриаршей церкви, и он должен был послужить примером остальным. В середине ноября запрещение еще не было снято, что побудило опального священника обратиться к епископу Петру с новым письмом³³¹, но 24 ноября владыка был арестован, так и не успев осуществить свое намерение. По сведениям иеромонаха (ныне игумена) Дамаскина (Орловского) запрещение было снято в конце 1922 г.³³² Дальнейшая судьба Колерова сложилась трагически. В мае 1929 г. он был арестован вместе с церковным старостой Спасо-Преображенского храма А.С. Бойковым и группой мирян за противодействие закрытию храма (сам Колеров в беспорядках не участвовал) и приговорен к расстрелу³³³.

Осенью 1922 г. епископ Петр запретил в священнослужении трех клириков – Николая Троицкого, Федора Колерова и некоего Страхова³³⁴. Налагая

³²⁹ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 312.

³³⁰ Там же. Л. 182об.

³³¹ Там же. Л. 180–181.

³³² Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 2. С. 410.

³³³ Там же. С. 412–416.

³³⁴ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 201, 202, 205.

запрещение на протоиерея Троицкого, он заранее знал позицию прихожан. В отношении священников Колерова и Страхова ситуация была неопределенной. Прихожане храмов, настоятелями которых служили запрещенные священники, были поставлены перед выбором – поддержать своих пастырей или сохранить верность священноначалию. Епископ Петр подчеркивал, что его власть распространяется только на те приходы, которые добровольно признают его своим архипастырем. Обновленческие священники, которые продолжали приходскую службу, автоматически переходили в юрисдикцию ВЦУ и ТЕУ.

Епископ Петр оказался в числе первых архиереев, начавших активную борьбу с обновленчеством. В сентябре 1922 г. он подготовил воззвание «Возлюбленным о Господе верным чадам церкви Тверской». В этом документе владыка назвал «Живую церковь» сектантской раскольнической организацией, ВЦУ – самозванным учреждением, а обновленцев – еретиками, с которыми православным «не подобает входить ни в какое общение», и разъяснил, что согласно советскому законодательству они не имеют права вмешиваться в религиозную жизнь тех, «кто не с ними»³³⁵. Характеризуя текущее состояние церковных дел, епископ Петр сообщил, что «в настоящее время не существует канонически законного Высшего Церковного Управления, и все Епархии по благословению Заместителя Патриарха Митрополита Агафангела являются самостоятельными» (это распоряжение митрополит Агафангел сделал 18 июня 1922 г. в связи с невозможностью осуществлять руководство церковью³³⁶) и призвал верующих «до созыва правомочного поместного Собора занять обособленное положение и мирно содевать свое спасение, руководствуясь Священным Писанием, Священными Канонами и Уставами нашей Православной Церкви»³³⁷. В заключительной части документа он напомнил

---

³³⁵ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 2.

³³⁶ Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. С. 19; Крапивин М.Ю., Далгатова А.Г., Макаров Ю.Н. Указ. соч. С. 103.

³³⁷ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 3.

клирикам об ответственности за вверенную им паству и призвал их к «твердому, непоколебимому стоянию за истину»³³⁸.

Работа над текстом воззвания была закончена 19 сентября 1922 г., после чего епископ Петр публично зачитал его в Никольской церкви «на Плацу» и в церкви Рождества Богородицы в Ямской слободе³³⁹. Чтобы распространить воззвание по епархии, владыка решил размножить его типографским способом, но для этого следовало заручиться разрешением ТО ГПУ. 30 сентября несколько экземпляров воззвания вместе с сопроводительным письмом были сданы в цензуру. Рассмотрением этого вопроса занимался лично начальник губернского отдела ГПУ В.И. Савинов. Он запретил публикацию воззвания, «обнаружив» в нем призыв к насилию над обновленцами, и использовал особенности орфографии документа как повод для возбуждения уголовного преследования в отношении епископа Петра: «Ввиду того, что обращение натравливает одну часть духовенства и верующих на другую, что воспрещается декретом об отделении церкви от государства <...> в напечатании данного обращения отказать, а епископа Петра привлечь к ответственности за неподчинение соввла[сти] за применение во время письма дореволюционной орфографии»³⁴⁰.

Однако владыка Петр не стал ждать реакции цензуры и после публичного прочтения воззвания на архиерейских богослужениях решил передать текст в Торжок – единственный, помимо Твери, город епархии, где обновленцам удалось закрепиться. 24 сентября новоторжский викарий Феофил (Богоявленский), возвращаясь из Кашина, где он проходил курс лечения, встретился с епископом Петром и получил от него копию документа³⁴¹. Затем с этой же целью в Тверь был вызван благочинный г. Торжка протоиерей Петр Пенкин, который представил текст воззвания в местный отдел Управления и получил разрешение публично прочитать его на благочинническом собрании,

---

³³⁸ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 3об.

³³⁹ Там же. Л. 4об., 21об.

³⁴⁰ Там же. Л. 1.

³⁴¹ Там же. Д. 9294-с. Л. 40.

назначенном на 8 октября³⁴². На собрании воззвание зачитал секретарь епископа Феофила иеромонах Вениамин (Троицкий)³⁴³, после чего было принято решение огласить его во всех церквях г. Торжка³⁴⁴. Исполнение постановления собрания было поручено благочинному, который организовал изготовление нескольких экземпляров, и затем давал их настоятелям городских церквей для прочтения, причем клирикам и прихожанам не возбранялось снимать копии для личного пользования³⁴⁵. Епископ Феофил также занимался распространением возвания³⁴⁶. Характерно, что впоследствии никто из участников событий не имел полного представления о том, какими путями этот документ попал в Торжок и дошел до каждого прихода.

Примечательно, что распространение возвания по Торжку было организовано таким образом, чтобы максимально уменьшить степень ответственности каждого лица, вовлеченного в этот процесс, в случае преследования со стороны властей. О возможности санкций говорило возбуждение уголовного дела в отношении епископа Феофила по поводу беспорядков в Борисоглебском монастыре в июле 1922 г., которое было закрыто из-за отсутствия доказательств его участия в организации публичного оскорбления обновленческих священников³⁴⁷. Поэтому не случайно, что распоряжение епископа Петра о распространении возвания, призывавшего верующих порвать все связи с «еретиками», было оформлено как решение благочиннического собрания, а к работе по изготовлению копий были привлечены рядовые священнослужители и верующие.

В Твери для ознакомления как можно большего числа верующих с текстом возвания была устроена утечка информации. Сначала епископ Петр отдал документ «кому-то из богомольцев», чтобы размножить его. Несколько из полученных копий он вручил протоиерею Алексею Бенеманскому для

---

³⁴² ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 31, 33, 37.

³⁴³ Там же. Л. 27об.

³⁴⁴ Там же. Д. 9294-с. Л. 22об.

³⁴⁵ Там же. Д. 7564-с. Л. 26–26об., 27об., 37, 40–51об.

³⁴⁶ Там же. Л. 29.

³⁴⁷ Там же. Д. 9294-с. Л. 16.

передачи в цензуру³⁴⁸. Далее, прежде чем воззвание оказалось на столе цензора, оно прошло через руки активно участвовавших в церковной жизни Твери мирян А.И. Соколова³⁴⁹ и Е.П. Благовещенского³⁵⁰ и секретаря епископа А.М. Преображенского³⁵¹, а также его «случайно увидел, но не читал» дьякон Д.А. Волков, в доме которого проживал Преображенский и хранилась переписка по делам управления епархией³⁵². Известно также, что в ходе передачи экземпляров возвания из рук в руки один из них оказался у протоиерея Василия Куприянова, другой – у настоятеля Кафедрального собора протоиерея Николая Флерова³⁵³. Вовлечение широкого круга лиц в процесс тиражирования и доставки документа в цензуру облегчило его несанкционированное копирование. Характерно, что впоследствии, когда этим делом заинтересовалось ГПУ, все участники событий давали противоречивые показания, из которых совершенно невозможно было установить, какую роль в распространении возвания играл владыка Петр.

Деятельность епархиального руководства осенью 1922 г. была направлена на создание условий, в которых распространение влияния обновленцев стало бы невозможным. Епископ Петр и его окружение осознавали, что раскол поддерживается государством, и борьба с ним не будет рассматриваться гражданской властью как внутрицерковное дело. Логичным выходом из этой ситуации было использование для антиобновленческой пропаганды неформальных связей, существовавших между рядовыми клириками и верующими, что позволило вовлечь в борьбу с расколом большое количество людей и максимально «распылить» ответственность. Предшествующий опыт, носителями которого были духовные и светские лица из ближайшего окружения владыки Петра, подсказывал, что мнение епархиального руководства имеет значение для советской власти в той степени, в какой оно выражает настро-

³⁴⁸ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 185об.–186.

³⁴⁹ Там же. Л. 194–194об.

³⁵⁰ Там же. Л. 212.

³⁵¹ Там же. Л. 211–211об.

³⁵² Там же. Л. 195–195об.

³⁵³ Там же. Л. 4об., 189.

ния верующих. Несмотря на остроту противостояния, владыке Петру важно было избежать прямого конфликта с обновленцами, который дал бы гражданской власти повод для вмешательства. Не случайно воззвание распространялось по Твери и Торжку, где концентрировались основные силы обновленцев, описанными выше способами. Тем приходским общинам, которые непосредственно не соприкасались с обновленческими агитаторами, епископ Петр напрямую сообщал позицию епархиальной власти по отношению к переживаемым церковью проблемам и посылал копии протокола собрания духовенства и мирян г. Твери от 17 августа 1922 г.³⁵⁴

Параллельно с кампанией, инициированной епархиальной властью, в Торжке осенью 1922 г. проявилось независимое низовое движение против обновленчества. По городу распространялись листовки, в которых обновленцы назывались «красными волками», «жандармами в рясах», «слугами антихриста», «врагами Бога» и даже «врагами народа». Неизвестный автор, выступавший от имени «ревнителей истинной Церкви Христовой», критиковал обновленцев за внесение смуты в церковную жизнь и обвинял их в доносительстве, использовании советской власти для борьбы с оппонентами³⁵⁵. Аналогичные по содержанию тексты в этот период распространялись в Москве, откуда могли попасть в Торжок³⁵⁶. О появлении листовок сотрудники ТО ГПУ узнали в ноябре 1922 г., однако они не проявили интереса к этому факту. У тверских чекистов с самого начала работы по защите обновленцев от «тихоновцев» выработался упрощенный и неверный взгляд на их взаимоотношения. Они считали, что неприятие основной массой верующих и духовенства обновленчества произошло вследствие активного противодействия со стороны руководства Тверской епархии. Тот факт, что обновленчество изначально не пользовалось популярностью и имело очень мало сторонников, не брался в расчет. В результате епископы Петр и Феофил и их помощники

---

³⁵⁴ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 186об.

³⁵⁵ Там же. Л. 94, 95.

³⁵⁶ Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г., Макаров Ю.Н. Указ. соч. С. 116–117.

воспринимались тверскими чекистами как лица, ответственные за срыв церковного «обновления». Осенью 1922 г. обновленцы контролировали в Тверской епархии ничтожно малое количество приходов – не более 5 (в Твери, Тверском уезде и Торжке), и руководство ТО ГПУ воспринимало это как провал своей работы «по церковникам».

Активная деятельность руководства Тверской епархии, безусловно, сыграла свою роль в подавлении обновленчества, однако слабость обновленцев была обусловлена другими причинами. Епархиальное руководство благодаря своим прошлым заслугам пользовалось уважением среди духовенства и верующих. Обновленцы не имели в своих рядах столь же авторитетных лиц, какими были, например, епископы Петр и Феофил, протоиереи Василий Куприянов и Алексей Бенеманский, миряне А.И. Соколов, Е.П. Благовещенский и А.М. Преображенский, а их идеи увлекали лишь отдельных священников, которым обычно не удавалось увести за собой приходы. Основная масса духовенства, как выяснилось, даже при наличии определенных симпатий по отношению к обновленчеству больше заботилась о сохранении своих мест, чем о проведении «революционных» преобразований в церкви. Епископ Петр в полной мере оценил зависимость клириков от прихожан и придавал большое значение позиции рядовых верующих. В результате уже в октябре 1922 г. обновленцы стали утрачивать и без того немногочисленное духовенство, которое ранее им удалось привлечь на свою сторону.

§2. Разгром органов епархиального управления гражданской властью в конце 1922 – начале 1923 г.

В последние месяцы 1922 г. в связи с неудачами, которые переживали обновленцы во многих епархиях, органы власти, ответственные за проведение церковной политики, активизировали работу по оказанию им поддержки. 31 октября 1922 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б) постановила сместить со своих постов архиереев, не примкнувших к обновленчеству³⁵⁷. Как и прежде, реализовать это решение должно было ГПУ, получившее дополнительную санкцию на применение репрессий.

Сотрудники Тверского губернского отдела (ТО) ГПУ, занимавшиеся церковной проблематикой, были хорошо осведомлены о проблемах, с которыми столкнулись обновленцы в Тверской епархии. Персональный состав «тихоновского» епархиального руководства (епископ Петр (Зверев), секретарь епископа А.М. Преображенский, протоиереи Алексей Бенеманский и Василий Куприянов, мирянин А.И. Соколов), также был им хорошо известен. По мнению чекистов, все «церковники», которые организовывали и принимали активное участие в борьбе с обновленчеством, подлежали устранению. Следуя этой логике, в середине ноября 1922 г. начальник ТО ГПУ В.И. Савинов принял решение об аресте епископа Петра «со всей кучкой тихоновцев» по делу о незаконном распространении воззвания «Возлюбленным о Господе верным чадам церкви Тверской». Опасаясь того, что репрессии в отношении видных церковных деятелей могут спровоцировать беспорядки в городе, он планировал незамедлительно после проведения арестов отправить всех фигурантов дела в Москву в распоряжение Секретного отдела (СО) ГПУ, для чего было необходимо получить соответствующее разрешение³⁵⁸. Начальник 6-го отделения СО ГПУ Е.А. Тучков, ответственный за работу по «церковникам» во всероссийском масштабе, поддержал эту инициативу, однако соответству-

³⁵⁷ Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г., Макаров Ю.Н. Указ. соч. С. 117.

³⁵⁸ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 229.

ющий документ был выслан в Тверь с большим опозданием. Так и не дождавшись ответа, В.И. Савинов приступил к проведению запланированной акции. В первую очередь, в ночь на 24 ноября были арестованы епископ Петр, протоиерей Алексей Бенеманский, А.М. Преображенский и А.М. Соколов³⁵⁹. За два дня до этого в Торжке арестовали иеромонаха Вениамина (Троицкого)³⁶⁰. Протоиерей Василий Куприянов, причастность которого к распространению воззвания епископа Петра не была установлена в ходе предварительного следствия, несколько дней оставался на свободе.

Поспешность арестов объясняется тем, что устранение «тихоновского» епархиального руководства было увязано по срокам с общим собранием городского духовенства, проведение которого обновленцы наметили на 5 декабря. На этом собрании они планировали добиться избрания своего кандидата архиепископа Александра (Надеждина) на пост тверского архиерея³⁶¹. По видимому, руководство ТО ГПУ ожидало, что обезглавленное тверское духовенство утратит волю к сопротивлению и пойдет на соглашение с обновленцами.

Вечером 24 ноября в Твери прошло общее собрание представителей городских приходов, на котором обсуждалась линия поведения по отношению к обновленцам и советской власти после ареста епископа Петра и его помощников. Ведущую роль на этом собрании играл протоиерей Василий Куприянов. Он обратил внимание духовенства и верующих на то, что действия ГПУ и обновленцев согласованы: «с появлением Ж[ивой] Ц[еркви] начались допросы, а с приездом арх[иепископа] Александра [Надеждина] произошел арест епископа Петра»³⁶². Куприянов пошел даже на нарушение данной в ТО ГПУ подписки о неразглашении информации о его допросе на предмет отношения к обновленчеству. Таким образом, участие чекистов в

³⁵⁹ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 3. С. 384; ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 54, 82–82об., 251.

³⁶⁰ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 85–86.

³⁶¹ Там же. Л. 213–213об., Л. 214об.

³⁶² Там же. Л. 214об.

конфликте «тихоновцев» и обновленцев на стороне последних окончательно перестало быть секретом. Куприянов предложил собравшимся придерживаться следующей линии поведения: категорически отказаться от подчинения ВЦУ, не вмешиваться в «политические дела» и добиваться от власти права «верить в ту церковь, которая дает нам и нашей душе успокоение, но не ту, которую нам предлагают даже под угрозой ареста»³⁶³. В тот же вечер в ТО ГПУ поступило подробное агентурное донесение о состоявшемся собрании³⁶⁴. 29 ноября Куприянов был арестован и на следующий день вместе с другими фигурантами дела был отправлен в Москву в распоряжение 6-го отделения СО ГПУ³⁶⁵.

Тверские чекисты расчистили дорогу для обновленцев, но вместе с тем нанесли большой ущерб их репутации. Руководство ТО ГПУ, обладавшее обширной информацией о состоянии религиозной жизни в Твери, отдавало себе отчет, что арест епископа Петра и его помощников будет воспринят враждебно широкими слоями верующих, однако действовало в соответствии с распоряжениями Антирелигиозной комиссии. Переход ГПУ к активным силовым действиям в поддержку обновленцев продемонстрировал духовенству и верующим подлинные причины церковного раскола.

Одновременно с «изъятием» епископа Петра был санкционирован арест епископа Феофила, который, однако, не состоялся, поскольку новоторжский архиерей оказался прикован к постели (состояние его здоровья в это время было осложнено воспалением легких). На этот раз чекисты проявили гуманность и ограничились поверхностным обыском³⁶⁶. Епископ Феофил вскоре заявил о намерении сложить с себя полномочия «ввиду плохого состояния здоровья» и просил руководство ТО ГПУ выдать ему «надлежащее разрешение» для выбора места жительства³⁶⁷. Неопределенная ситуация

---

³⁶³ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 213об.

³⁶⁴ Там же. Л. 213–213об.

³⁶⁵ Там же. Л. 232–237, 251.

³⁶⁶ Там же. Д. 9294-с. Л. 24, 31–32.

³⁶⁷ Там же. Л. 35.

сохранялась до апреля 1923 г., когда по указанию из СО ГПУ он был признан «вполне здоровым», арестован и отправлен в Москву³⁶⁸. 13 июля 1923 г. Комиссия НКВД по административным высылкам приговорила его к 2 годам ссылки³⁶⁹.

Арест епископа Петра и его окружения, болезнь и уголовное преследование епископа Феофила были тяжелыми ударами для тверских «тихоновцев», однако даже после этого у канонической епархиальной власти остался «запас прочности» в лице двух викариев – кашинского и осташковского. Кашинский архиерей Иоасаф (Шешкоский-Дрылевский), впрочем, никак себя не проявил. По данным М.Е. Губонина и митрополита Мануила (Лемешевского) в 1922 – 1923 гг. он «уклонился» в обновленчество и даже какое-то время возглавлял Тверскую обновленческую епархию³⁷⁰. По их же сведениям, которые согласуются с материалами тверских архивов, во главе ТЕУ с ноября 1922 г. по март 1923 г. стоял епископ Александр (Надеждин)³⁷¹. Архивные источники подтверждают, что в сентябре 1922 г. епископ Иоасаф выехал из Кашина, а в июне 1923 г. Кашинский обновленческий викариат возглавлял уже другой обновленческий епископ по имени Николай³⁷². Таким образом, местонахождение и подчиненность епископа Иоасафа в конце 1922 – 1923 гг. остается неизвестной, однако можно считать установленным, что он не принимал участия в управлении Тверской епархией. К концу ноября 1922 г. на свободе остался лишь один епископ «тихоновской» ориентации, правомочный и способный возглавить епархию, – осташковский викарный архиерей Гавриил (Абалымов).

Епископ Гавриил руководил Тверской епархией с декабря 1922 г. по февраль 1923 г. включительно³⁷³. Опираясь на поддержку со стороны го-

³⁶⁸ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 9294-с. Л. 37, 39об., 47.

³⁶⁹ Там же. Л. 71.

³⁷⁰ История иерархии Русской Православной Церкви. С. 688.

³⁷¹ История иерархии Русской Православной Церкви. С. 580; ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7564-с. Л. 214об., Д. 6309-с. Л. 81–85об.

³⁷² ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 7569-с. Л. 2. В справочной литературе информация об этом архиерее отсутствует.

³⁷³ Православная энциклопедия. Том 10. С. 209.

родского духовенства и верующих, он сорвал планы обновленцев захватить в Твери церковную власть. Зима 1922 – 1923 гг. прошла относительно спокойно, однако руководство ТО ГПУ не отказалось от реализации своих замыслов. Будучи осторожным человеком, епископ Гавриил ограничил свою деятельность проведением архиерейских богослужений и решением поступавших на его рассмотрение вопросов, игнорируя обновленцев и не вступая в открытое противостояние с ними³⁷⁴. В Твери владыку знали как «молитвенника и аскета», последовательного противника церковных нововведений, что способствовало укреплению его авторитета³⁷⁵. Достойного повода для возбуждения уголовного преследования чекистам так и не представилось, и в конце февраля 1923 г. владыка Гавриил был арестован по обвинению в «присвоении административных функций»: в качестве преступного деяния епископу вменялось исполнение канонических обязанностей по управлению епархией независимо от ТЕУ³⁷⁶. Вместе с ним были арестованы и другие лица, однако остается неизвестным, кто именно, поскольку материалы уголовного дела до сих пор засекречены.

После ареста владыки Гавриила Тверская епархия оказалась лишена признанного центра власти. Последовательное «изъятие» епископов и других руководящих церковных деятелей повлияло на позицию духовенства г. Твери. В марте 1923 г. некоторые клирики, не подчинявшиеся ТЕУ, стали по своей инициативе искать возможность примирения с обновленцами. Так, священник Николай Флеров в частных беседах выяснял отношение духовенства и верующих к обновленчеству, однако оставил это занятие, убедившись в том, что негативные оценки деятельности обновленцев преобладают³⁷⁷.

³⁷⁴ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1497. Л. 104 б.

³⁷⁵ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 6309-с. Л. 94.

³⁷⁶ Православная энциклопедия. Том 10. С. 209.

³⁷⁷ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 6309-с. Л. 99–99об.

Более основательно к решению проблемы о взаимоотношениях с обновленчеством подошел протоиерей Павел Невский. В его доме 26 марта состоялась встреча небольшой группы духовенства, на которой присутствовали протоиереи Василий Владимирский и Александр Троицкий, священники Николай Рождественский и Илья Бенеманский и некий Колачев (скорее всего, протоиерей Николай Колачев). Состав инициативной группы был достаточно авторитетным: старый заслуженный протоиерей Павел Невский был уважаем в среде духовенства³⁷⁸; протоиерей Василий Владимирский много лет исполнял обязанности благочинного 1-го округа г. Твери, что делало его «первым среди равных» – других благочинных епархии; протоиерей Александр Троицкий в конце 1919 – 1920 гг. входил в состав епархиального совета, а в 1922 г. являлся заместителем председателя канцелярии Тверского архиепископа по оказанию помощи голодающим. Включение в эту группу священников Ильи Бенеманского и Николая Рождественского и протоиерея (?) Колачева показывает, что они рассматривались Невским как лица, способные к принятию компромиссных решений. Исходя из поставленной цели – добиться примирения с обновленцами на базе взаимных уступок – он должен был стремиться к тому, чтобы на подготовительном этапе не посвящать в свои планы ни радикально настроенных «тихоновцев», ни потенциальных сторонников обновленчества. Инициативная группа приняла решение о проведении 28 марта в кафедральном Спасо-Преображенском соборе общего собрания городского духовенства³⁷⁹. Предполагалось, что оно станет первым шагом на пути восстановления общепризнанного епархиального управления. После достижения компромисса с обновленцами члены инициативной группы намеревались провести выборы епископа³⁸⁰. С разрешения начальника секретного отделения ТО ГПУ Юсова организаторы уведомили о времени и месте проведения собрания городское духовенство и обновленческое ТЕУ³⁸¹.

³⁷⁸ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25784-с. Т. 2. Л. 137.

³⁷⁹ Там же. Д. 6309-с. Л. 95об.

³⁸⁰ Там же. Л. 95об., 98.

³⁸¹ Там же. Л. 150.

Данная инициатива, однако, не встретила поддержки со стороны тверского духовенства. Даже из числа организаторов на собрании присутствовали только Троицкий и Невский. Илья Бенеманский в тот вечер был вызван в ТО ГПУ³⁸², Рождественский к началу собрания опоздал³⁸³, Владимирский и Колачев не пришли. Обновленческое духовенство г. Твери, напротив, явилось в полном составе – епископ Александр (Надеждин) и пять клириков (один из них – сельский священник Алексей Озеров)³⁸⁴. Собрание с самого начала оказалось обречено на провал, поскольку верующие отказались после службы покинуть собор, а когда им было объявлено, что участие в нем разрешено только для духовенства, толпа мирян ворвалась в алтарь и выгнала обновленцев из храма³⁸⁵. По факту беспорядков в соборе ТО ГПУ возбудил уголовное дело, в качестве основных обвиняемых были привлечены участники встречи на квартире Невского (исключая Колачева, который не был допрошен даже в качестве свидетеля)³⁸⁶. В начале апреля 1923 г. дело было затребовано в Москву³⁸⁷. По мнению чекистов, собрание было устроено с единственной целью – спровоцировать мирян на избиение обновленцев³⁸⁸.

Эти события показали, что среди тверского духовенства круг лиц, готовых обсуждать проект примирения с обновленцами, очень узок. Основная масса местных священников продолжала игнорировать ТЕУ, хотя их способность к самоорганизации после ареста епархиального руководства резко снизилась. Параллельно с этим наблюдался рост недовольства верующих активностью обновленцев.

После ареста группы священников, причастных к организации собрания 28 марта 1923 г., духовенство г. Твери ожидало продолжения репрессий в отношении противников обновленчества. В то же время члены обновленче-

---

³⁸² ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 6309-с. Л. 152.

³⁸³ Там же. Л. 98.

³⁸⁴ Там же. Л. 82.

³⁸⁵ Там же. Л. 81–86об., 101.

³⁸⁶ Там же. Л. 170.

³⁸⁷ Там же. Л. 124–125.

³⁸⁸ Там же. Л. 170.

ского епархиального управления распустили по городу слухи, что не подчиняющиеся ТЕУ священники будут лишены регистрации вместе с общинами, а храмы, где они служат, будут закрыты. Чтобы избежать такого развития событий, клирикам было предложено заполнить и подписать анкету о сочувствии делу обновления церкви. Многие священники пошли на этот шаг, но дальше «анкетных» успехов обновленчество в г. Твери не продвинулось³⁸⁹, а сам момент триумфа оказался испорчен тем, что в конце апреля 1923 г. в государственной церковной политике наметились изменения, о которых тверские чекисты узнали с большим опозданием.

Весной 1923 г. в высших эшелонах власти обсуждался вопрос об организации показательного судебного процесса над патриархом Тихоном, который к тому времени уже почти год находился под арестом в связи с расследованием уголовного дела о массовых беспорядках в период проведения кампании по изъятию церковных ценностей. 21 апреля в этой дискуссии произошел неожиданный для всех, кроме узкого круга партийных лидеров, перелом: руководитель ГПУ Ф.Э. Дзержинский обратился в Политбюро с предложением отложить суд над патриархом Тихоном и получил поддержку³⁹⁰. В тот же день сотрудница 6-го отделения Секретного отдела ГПУ Якимова рассмотрела материалы дела тверских священников и «не обнаружила» доказательств контрреволюционной деятельности. 8 мая 1923 г. начальник Секретного отдела ГПУ Т.П. Самсонов санкционировал освобождение обвиняемых под подписку о невыезде из Твери³⁹¹, 9 мая Коллегия ГПУ утвердила эту резолюцию³⁹².

Отметим, что записка Дзержинского в Политбюро от 21 апреля 1923 г. «стала первым, самым трудным шагом к отмене всего процесса» над патриархом и смягчению церковной политики³⁹³. В историографии сложилось

³⁸⁹ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 6309-с. Л. 11об., 13об.

³⁹⁰ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 273.

³⁹¹ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 6309-с. Л. 162.

³⁹² Там же. Л. 181.

³⁹³ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 93.

мнение, что отказ от суда над главой Русской православной церкви произошел в результате изменения расстановки сил в партийном руководстве в связи с болезнью В.И. Ленина³⁹⁴. В частности, историк В.В. Лобанов, ссылаясь на авторитетное мнение бывшего секретаря И.В. Сталина Бориса Бажанова³⁹⁵ («Дзержинский всегда шел за держателями власти»), делает предположение, что указанная записка не могла появиться без ведома И.В. Сталина, Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева, которые в это время совместно боролись за отстранение Л.Д. Троцкого от власти и блокировали инициированные им мероприятия, в том числе и в сфере церковной политики. Соответственно, решение об отсрочке суда над патриархом было принято, по меньшей мере, днем ранее на негласном совещании «тройки», а затем оформлено в виде решения Политбюро, принятого якобы по инициативе руководства ГПУ³⁹⁶. Резкий поворот в деле тверских священников, произошедший именно 21 апреля 1923 г., показывает, что к тому моменту рядовые сотрудники центрального аппарата ГПУ уже были осведомлены о наметившейся корректировке церковной политики, а значит, подтверждает версию В.В. Лобанова.

Освобождение священников, арестованных по делу о беспорядках в кафедральном соборе, было воспринято тверским духовенством как отказ ГПУ от распространения обновленчества насильственным путем. В этих условиях клирики, которые ранее, опасаясь репрессий, пытались затаиться или найти компромисс с обновленцами, открыто заявили о неподчинении ТЕУ. Фактически у них не оставалось иного выбора, поскольку в этот период на их позицию стала влиять позиция прихожан, среди которых активно проявили себя люди, настроенные резко против обновленчества. Май 1923 г. стал переломным для обновленчества в г. Твери. По словам тверского протоиерея Иоанна Соловьева, которому довелось на несколько месяцев «уклониться в

³⁹⁴ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 93; Лобанов В.В. Указ. соч. С. 146.

³⁹⁵ В рассматриваемый период исполнял обязанности секретаря Оргбюро ЦК РКП(б), с 9 августа 1923 г. – личный секретарь И.В. Сталина и по совместительству секретарь Политбюро.

³⁹⁶ Лобанов В.В. Указ. соч. С. 144–145.

раскол» – подписать анкету о сочувствии делу церковного обновления, с этого времени «священников стали делить на “белых” и “красных” и отношение к последним верующих приняло грубо отрицательную форму»³⁹⁷.

Симптоматично, что столкнувшись с открытым противодействием духовенства и верующих, тверские обновленцы снова попытались обратиться к поддержке ГПУ, однако время было уже упущено³⁹⁸. Вскоре из заключения был освобожден архиепископ Серафим (Александров)³⁹⁹ – канонический глава Тверской епархии. Первоначально он действовал через доверенное лицо – протоиерея Василия Владимирского, назначенного им благочинным «всех церквей г. Твери» (до этого в Твери было 2 благочиния). Первое послание владыки, в котором он известил паству о возвращении к исполнению обязанностей правящего архиерея, датировано 24 июня 1923 г.⁴⁰⁰, а уже 4 июля руководство ТО ГПУ констатировало невозможность в сложившихся условиях продолжать «продвижение» обновленчества, признав, что «работа по духовенству сводится к нулю»⁴⁰¹. Характерно, что об освобождении архиепископа Серафима тверские чекисты узнали через свою агентуру в церковных кругах⁴⁰², но долго не могли получить официального подтверждения этой информации. Понимая, что данный факт может иметь глубокие политические корни, руководство ТО ГПУ запросило новых указаний, но до конца июля никаких директив из центрального аппарата ГПУ так и не поступило⁴⁰³. В результате тверские чекисты не смогли вовремя оказать поддержку обновленцам, вынужденно оказавшись в роли пассивных наблюдателей.

Таким образом, попытки силового захвата церковной власти в Тверской епархии не увенчались успехом. Итог этого процесса был подведен в

³⁹⁷ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 6309-с. Л. 13об.

³⁹⁸ Там же. Л. 219.

³⁹⁹ Возведен в этот сан в начале 1922 г.

⁴⁰⁰ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 6309-с. Л. 165.

⁴⁰¹ Там же. Л. 164.

⁴⁰² Там же. Л. 163, 164–164об.

⁴⁰³ Там же. Л. 168.

информационной сводке 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ⁴⁰⁴, характеризующей положение церкви в СССР по состоянию на 1 января 1924 г., где сообщается, что «в гор. Твери осталось 4 попа обновленца», которые решили ввиду своей малочисленности распустить епархиальное управление⁴⁰⁵. Сведения, попавшие в сводку, не вполне точны, поскольку, в Твери и раньше было не более четырех обновленческих священников (не считая тех, которые подписали анкету «о сочувствии»), а ТЕУ продолжало существовать, однако подобные формулировки означали признание со стороны ОГПУ кризисного состояния обновленчества в Тверской епархии.

Аналогичным образом – «изымая» руководство – чекисты в конце 1922 – начале 1923 гг. действовали в других епархиях, где обновленцы встретили организованный отпор. Например, в Петроградской епархии vicарные архиереи Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич) к концу лета 1922 г. преодолели растерянность, охватившую духовенство после ареста и расстрела главы епархии митрополита Вениамина (Казанского)⁴⁰⁶, и сформировали епархиальное управление, не подчинявшееся ВЦУ. Ответом на их энергичные действия по борьбе с расколом стали репрессии: в октябре 1922г. был арестован епископ Алексей, а в феврале 1923 г. – епископ Николай, причем последний был «изъят» по прямому приказу Антирелигиозной комиссии. Только после устранения канонического священноначалия обновленцы смогли сломить сопротивление своих противников⁴⁰⁷. Исследователь М.В. Шкаровский в связи с этим отмечает, что для успешной борьбы с расколом духовенству и верующим был необходим «признанный вождь», без которого протест не шел дальше стихийных демонстраций⁴⁰⁸.

⁴⁰⁴ 15 ноября 1923 г. ГПУ при НКВД РСФСР преобразовано в ОГПУ при СНК СССР.

⁴⁰⁵ Архивы Кремля. Кн. 2. С. 370.

⁴⁰⁶ Владыка Вениамин был приговорен к расстрелу 5 июля 1922 г. по сфабрикованному обвинению в организации массовых беспорядков во время кампании по изъятию церковных ценностей, расстрелян 13 августа 1922 г. вместе с другими фигурантами дела архимандритом Сергием (Шеиным), профессором Ю.П. Новицким и адвокатом И.М. Ковшаровым.

⁴⁰⁷ Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. С. 88–89.

⁴⁰⁸ Там же. С. 95.

Анализ событий, произошедших в Тверской епархии в конце 1922 – начале 1923 гг. показывает, что главной силой, которая обеспечила «тихоновцам» успех в борьбе с расколом, было не духовенство, а массы верующих-прихожан. Подавляющее большинство тверских клириков не поддержали обновленцев, но, как выяснилось, при отсутствии канонического священноначалия многие из них были готовы подчиниться ТЕУ под угрозой репрессий со стороны гражданской власти. Массы верующих, пользуясь своей анонимностью, возможностью «раствориться в толпе», были свободнее в выражении негативного отношения к убежденным обновленцам и «нестойким в вере» священникам – вплоть до применения физического насилия. Количество верующих, готовых к активным действиям против обновленцев, было достаточно велико, чтобы вызвать у духовенства ощущение, что оно находится «между двух огней» – за неподчинение обновленцам клирикам угрожает ГПУ, за подчинение – прихожане. Негативные отношения верующих к обновленчеству, несомненно, в значительной степени было обусловлено свойственным массовому религиозному сознанию традиционализмом и усилено открытым вмешательством государства во внутрицерковный конфликт. Тем не менее, значимую роль в его формировании сыграло «тихоновское» епархиальное управление, которое своевременно сформулировало и донесло до верующих свою позицию по отношению к расколу.

§3. Епархиальная власть и обновленческое Тверское епархиальное управление (ТБУ) в 1924 – 1928 гг.

Освобождение патриарха Тихона из заключения 27 июня 1923 г. стало самым ярким проявлением смены курса церковной политики. В 1924 – 1927 гг. отношение государства к религиозным организациям было в целом более лояльным, чем в 1922 – начале 1923 гг. Современные исследователи полагают, что это было обусловлено комплексом причин, среди которых выделяется изменение баланса сил в Политбюро весной 1923 г. (отстранение Троцкого от власти и, как следствие, корректировка политического курса в тех сферах, которые прежде входили в его компетенцию) и внешнеполитическое давление на советское правительство в защиту религиозных организаций и лично патриарха Тихона⁴⁰⁹. Историк И.А. Курляндский дополняет этот список, указывая, что «решающей причиной [освобождения патриарха Тихона из заключения – И.Ц.] была ... сама логика развития нэпа, диктовавшая вслед за некоторой «либерализацией» экономической жизни – строго ограниченную цензурой и репрессиями кратковременную «либерализацию» в идеологической и духовной сферах»⁴¹⁰. Атака на церковь 1922 – 1923 гг. не достигла главного результата – «вытеснения религии из сознания большинства трудящихся масс», «усиливать народное недовольство еще и массовыми антицерковными мерами [в дополнение к сбору продналога – И.Ц.] было рискованно и опасно»⁴¹¹. Таким образом, если начало «религиозного нэпа» было, по всей видимости, обусловлено совпадением ряда обстоятельств, то длительный характер «перемирия» государства и церкви был задан социально-экономическими реалиями.

Позволив патриарху Тихону вернуться к исполнению своих обязанностей, государство фактически санкционировало восстановление канониче-

---

⁴⁰⁹ Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г., Макаров Ю.Н. Указ. соч. С. 131, 491–492; Лобанов В.В. Указ. соч. С. 135–143.

⁴¹⁰ Курляндский А.И. Указ. соч. С. 198.

⁴¹¹ Там же. С. 203–204.

ской церковной власти. Обновленцы отреагировали на этот шаг созданием Священного Синода Православной Российской Церкви, которому напрямую подчинялись епархиальные управления. Новая бюрократическая структура заняла господствующее положение в обновленчестве. Организация «Живая церковь», отказавшаяся принять решение о самороспуске, была вытолкнута на периферию религиозной жизни. Таким образом, во второй половине 1923 – 1924 гг. в рамках легальной Синодальной (обновленческой) и нелегальной, но терпимой властью, Патриаршей церковной юрисдикции выстраиваются параллельные административные структуры. К концу 1924 г., по мнению начальника 6-го отделения СО ОГПУ Е.А. Тучкова, Патриаршая церковь «приобрела вновь вид идеологического и органического целого»⁴¹². В этот период ее влияние постепенно увеличивалось за счет ослабления Синодальной церкви.

В Тверской епархии преодоление последствий «столкновения с государством» произошло во второй половине 1923 г. Вскоре после освобождения из заключения архиепископ Серафим воссоздал коллективный орган епархиального управления, сформировав его из «самых видных попов», и прислал в Тверь в качестве своего заместителя епископа Стефана (Гнедовского), которого, как сообщали информаторы ТО ОГПУ, местные жители встретили «с большим радушием»⁴¹³. В этот период заметной фигурой среди тверского духовенства стал бывший инспектор епархиального женского училища протоиерей Александр Левковский, которому архиепископ Серафим, отмечая его заслуги в борьбе с расколом, поручал исповедовать священников, возвращавшихся из обновленчества⁴¹⁴.

В середине 1920 гг. меняется характер взаимоотношений гражданской власти и обновленцев. ОГПУ надолго устраняется от активной поддержки обновленчества, однако ГАО и губернский отдел Управления, к ведению ко-

⁴¹² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934). Т. 2. 1924 г. М., 2001. С. 411; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 443.

⁴¹³ Архивы Кремля. Кн. 2. С. 371.

⁴¹⁴ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 6309-с. Л. 12об., 13об., 14 об.

торых относилась регистрация религиозных организаций и передача в их распоряжение культового имущества, продолжали оказывать обновленцам покровительство. Так, для поддержки ТЕУ под его контроль был передан кафедральный Спасо-Преображенский собор со всем имуществом, включая мощи святого благоверного князя Михаила Тверского. Это решение привело к грандиозному скандалу: в июне 1924 г. толпа верующих силой захватила собор и удерживала его 4 дня⁴¹⁵. Вместе с тем, передача обновленцам кафедрального собора, не имевшего своего прихода, была потенциально менее болезненна, чем передача храма, при котором существовала сложившаяся община.

Особую позицию по отношению к церкви и происходящим в ней процессам занял губернский прокурор С.В. Лызлов. Он возглавлял тверскую прокуратуру с момента ее создания в августе 1922 г., то есть, с того времени, когда в Тверской епархии началась активная фаза противостояния «тихоновцев» и обновленцев⁴¹⁶. С.В. Лызлов скептически относился к заявлениям, которые подавали на его имя представители противоборствующих церковных юрисдикций с жалобами друг на друга. Столкнувшись вскоре с попытками обновленческих священников использовать прокуратуру для давления на верующих, он предложил им «судиться с пасомыми в народном суде», после чего обновленцы уже не пытались привлечь его на свою сторону⁴¹⁷. В отчете губернскому комитету РКП(б) за 1924 г. С.В. Лызлов обосновал свою позицию невмешательства в происходящие в церкви процессы, приведя статистику движения дел через суды губернии: из 36167 дел, рассмотренных судами за первое полугодие 1924 г., лишь 15 затрагивали церковно-государственные отношения⁴¹⁸. Более того, он придерживался мнения, что духовенство пользует-

---

⁴¹⁵ ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 269. Л. 40.

⁴¹⁶ Там же. Д. 629. Л. 141.

⁴¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 733. Л. 26.

⁴¹⁸ Там же. Оп. 3. Д. 629. Л. 137.

ется влиянием только в среде «отживающего поколения» и сообразно с этой установкой определял приоритеты своей работы⁴¹⁹.

Отказ губернского прокурора от вмешательства во внутрицерковный конфликт, тем не менее, не означал, что он был лоялен по отношению к «тихоновцам». 22 августа 1923 г. в газете «Тверская правда» появилась его заметка о недопустимости церковного поминовения патриарха Тихона как лица, находящегося под следствием за контрреволюционную деятельность⁴²⁰. Архиепископ Серафим (Александров) немедленно отреагировал на этот выпад и сделал распоряжение о прекращении поминовения патриарха⁴²¹. С.В. Лызлов, давая разъяснение в газету, следовал примеру Петроградского губернского прокурора, который несколько ранее опубликовал такое же предостережение. Официальный запрет на церковное поминовение лиц, находящихся под судом, «в частности гр. Белавина», был издан лишь 8 декабря 1923 г. в виде циркуляра НКЮ⁴²². Не вступая в открытый конфликт с губернским прокурором, владыка Серафим выехал в Москву, чтобы лично разобраться в сложившейся ситуации. Вскоре ему удалось установить, что прямого запрета на поминовение патриарха не существует. Кроме того, при личной встрече Е.А. Тучков пояснил архиепископу Серафиму, что «прокурор Петроградский перехватил и ему послано должное уведомление». Получив эти сведения, глава Тверской епархии 26 августа 1923 г. распорядился возобновить поминовение патриарха⁴²³.

Руководство ТО ОГПУ об интригах владыки Серафима не было осведомлено, и когда в конце августа 1923 г. поминовение патриарха Тихона было возобновлено, благочинный г. Твери протоиерей Василий Владимирский и его помощник священник Илья Бенеманский подверглись аресту. Через несколько дней ситуация разъяснилась, и арестованные были отпущены

---

⁴¹⁹ ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 3. Л. 135–136.

⁴²⁰ Там же. Ф. 7849. Д. 6309-с. Л. 2.

⁴²¹ Там же. Л. 22.

⁴²² Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. С. 102.

⁴²³ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 6309-с. Л. 31.

на свободу. В качестве причины прекращения преследования было указано, что распоряжение о поминовении патриарха сделал глава епархии, а священники оказались лишь простыми исполнителями приказа⁴²⁴. Эта мотивировка выглядит не вполне убедительно, учитывая, что на многочисленных судебных процессах 1922 г. по делам о противодействии изъятию церковных ценностей несколько сотен духовных лиц и мирян были осуждены именно за исполнение распоряжений священноначалия о защите богослужебного имущества⁴²⁵. Тем не менее, никаких репрессий в отношении владыки Серафима не последовало. Более того, из постановления ТО ОГПУ от 7 сентября 1923 г. об освобождении Владимирского и Бенеманского под подписку о невыезде было вычеркнуто предложение сделать запрос в СО ОГПУ «о возможности привлечения за поминовение патриарха Тихона лиц поминающих к ответственности»⁴²⁶. Этот малозначительный эпизод стал последним отголоском открытого конфликта гражданской власти с епархиальным руководством, вслед за которым последовало несколько лет относительного затишья.

Вскоре после «столкновения с государством» в Тверской епархии начинает возрождаться система викариатов. Начало этому процессу было положено уже в 1923 г., когда викарные кафедры были учреждены в Бежецке и Ржеве. Впрочем, по неизвестным причинам во второй половине 1920 гг. они оставались вакантными⁴²⁷. Единственным постоянно действующим викариатом в этот период был Осташковский, им руководил епископ Иаков (Маскаев)⁴²⁸. Затем в 1927 г. во главе Новоторжского викариата, ранее закрепленного за репрессированным архиереем Феофилом (Богоявленским), встал епископ Андрей (Комаров). Это стало возможным, поскольку владыка Феофил после освобождения из заключения получил новое назначение⁴²⁹.

⁴²⁴ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 6309-с. Л. 30.

⁴²⁵ Кривова Н.А. Указ. соч. С. 155.

⁴²⁶ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 6309-с. Л. 30.

⁴²⁷ История иерархии Русской православной церкви. С. 46, 407.

⁴²⁸ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 55701-с. Л. 146.

⁴²⁹ История иерархии Русской православной церкви. С. 343.

В целом к 1924 г. положение канонических церковных структур в Тверской губернии нормализуется. Симптомом временного улучшения отношений Патриаршей церкви и гражданской власти стало, например, использование органами милиции аппарата благочинных для рассылки распоряжений и сбора требуемых законом сведений о состоянии приходских общин, церковей и причтов⁴³⁰. В Новоторжском уезде в середине 1920 гг. деловые сношения милиции с духовенством осуществлялись через благочинного г. Торжка⁴³¹. Таким образом, на низовом уровне в условиях отсутствия указаний от вышестоящих партийных органов на открытую конфронтацию происходило фактическое признание Патриаршей церкви. На уровне губернской власти и епархиального руководства подобные контакты в указанный период в источниках не зафиксированы.

В середине 1920 гг. Патриаршая церковь в Тверской губернии оставалась господствующей религиозной организацией. По данным губернского административного отдела (ГАО)⁴³² к началу 1925 г. в регионе насчитывалось 938 «тихоновских» общин, в пользовании которых находилось 1034 «молитвенных зданий» (церквей и часовен). Обновленцы на тот момент контролировали один храм в г. Твери (кафедральный собор), 7 общин при 8 храмах были зарегистрированы в Тверском уезде и одна – в Кашинском (всего 9 общин при 10 храмах)⁴³³. Осенью 1925 г. по сведениям обновленческого Синода в руках тверских обновленцев осталось только 6 церквей⁴³⁴. По числу общин и храмов они значительно уступали не только «тихоновцам», но и старообрядцам. В Тверской губернии были учтены общины двух крупных старообрядческих деноминаций: 16 общин при 16 храмах относились к белокриницкой юрисдикции, возглавляемой старообрядческим архиепископом Мелетием (Картушиным), 23 старообрядческие беглопоповские общины при

⁴³⁰ ГАТО. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 123. Л. 144–144об., 148–149об., 162–163, 167–169, 174–175.

⁴³¹ Там же. Л. 170.

⁴³² Орган власти, координировавший работу милиции.

⁴³³ ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1074. Л. 31.

⁴³⁴ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. №7. С. 2.

25 храмах принадлежали к нарождающейся Русской древнеправославной церкви (РДЦ), возглавляемой архиепископом Николой (Поздневым). Кроме того, в ГАО были зарегистрированы 6 общин евангелистов, 4 синагоги, мечеть, костел и одна община адвентистов седьмого дня⁴³⁵. В сводную ведомость почему-то не попала информация о лютеранской кирхе, существовавшей в г. Твери до начала 1930 гг.⁴³⁶

В 6-м отделении СО ОГПУ Тверская епархия наряду с Новгородской, Ярославской и Гомельской считалась наиболее проблемной с точки зрения развития обновленчества. Согласно сведениям, поступившим в центральный аппарат ОГПУ, к началу 1925 г. в Тверской епархии насчитывалось 29 обновленческих общин⁴³⁷. Данная цифра, если она не является результатом технической ошибки, явно завышена и никак не соотносится с реальностью. Поскольку сведения о состоянии обновленчества на местах поступали в Информационный и Секретный отделы ОГПУ из территориальных подразделений, логично предположить, что ТО ОГПУ в своих информационных сводках приукрасил ситуацию, записав в обновленческий лагерь больше приходов, чем было на самом деле.

Несмотря на явное преобладание над обновленцами, положение канонического священноначалия в Тверской епархии зависело от политической конъюнктуры. В мае 1924 г. стало известно о том, что патриарх Тихон ведет переговоры с главой «Живой церкви» протоиереем Владимиром Красницким – одним из основных организаторов раскола. Патриарх согласился принять одиозного обновленческого лидера в каноническое общение и назначить его членом Высшего церковного управления при условии принесения им покаяния. Включение Красницкого в состав церковного руководства гражданская власть поставила в качестве неременного условия для легализации управленческих структур Патриаршей церкви (в этот период государство офици-

⁴³⁵ ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1074. Л. 31.

⁴³⁶ ГАО. Ф. Р-640. Оп. 6. Д. 107. Л. 19.

⁴³⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934). Т. 2. 1924 г. С. 413; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 446.

ально признавало в качестве высшей церковной власти только обновленческий Синод), однако «делка», которая, вероятнее всего, изначально задумывалась чекистами как провокация, была сорвана. Красницкий вскоре после достижения предварительных договоренностей фактически аннулировал акт покаяния, опубликовав ложную информацию о намерении патриарха реализовать предложенную «Живой Церковью» программу реформ⁴³⁸. Как следует из донесений Красницкого в ОГПУ, он пытался использовать сложившуюся ситуацию, чтобы любым путем вернуть утраченное влияние – либо стать резидентом советских органов государственной безопасности в руководстве Патриаршей церкви, либо нанести максимальный урон престижу патриарха и реанимировать организацию «Живая Церковь», однако ни один из этих проектов не был реализован⁴³⁹.

Переговоры патриарха с Красницким, о которых на места поступала неполная и неточная информация, были неоднозначно восприняты духовенством и верующими. В Твери против подобного политического маневра решительно выступил протоиерей Алексей Левковский. Он сформировал группу сторонников и попытался заручиться поддержкой сельского духовенства⁴⁴⁰. Лишь последовавший вскоре отказ патриарха от сотрудничества с Красницким не позволил Левковскому произвести раскол. По данным ТО ОГПУ летом 1924 г. в епархиальном центре из 47 священников 6 разделяли его позицию⁴⁴¹. Этот конфликт показал, что авторитет митрополита Серафима (Александрова)⁴⁴² подорван политической ангажированностью. Являясь одним из ближайших сотрудников патриарха Тихона, он участвовал в выработке линии поведения церковного руководства, и православное сообщество г. Твери возлагало на него часть ответственности за спорные решения⁴⁴³.

---

⁴³⁸ Лобанов В.В. Указ. соч. С. 168–173.

⁴³⁹ Следственное дело патриарха Тихона. С. 739, 753–754.

⁴⁴⁰ ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 269. Л. 39об.

⁴⁴¹ Там же. Д. 271. Л. 22об.

⁴⁴² Возведен в этот сан в 1924 г.

⁴⁴³ ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 629. Л. 113.

Характерно, что вскоре Левковский был привлечен ТО ОГПУ к уголовной ответственности по делу о присвоении имущества бывшего Христорождественского монастыря. В начале 1925 г. городские власти решили ликвидировать артель, состоявшую из монахинь и послушниц, проживавших на территории упраздненной обители. Протоиерей Левковский в это время служил в соборе Рождества Христова и занимал должность председателя церковного совета. При сверке имущества, переданного в пользование приходской общины и артели, обнаружилась недостача, ответственность за которую чекисты возложили на Левковского и одну из монахинь⁴⁴⁴. Результат дела в доступных для изучения источниках не отражен, но по косвенным данным, опубликованным в научной литературе, можно сделать вывод, что обвиняемые были приговорены к заключению; на службу в Христорождественский собор Левковский вернулся только в 1927 г.⁴⁴⁵

Прямых указаний на то, что уголовное преследование Левковского было связано с его активностью в качестве лидера консервативной части тверского духовенства, в источниках не содержится. Вместе с тем, примечательно, что в 1926 г. за аналогичное преступление, якобы совершенное еще во время кампании по изъятию церковных ценностей, к полутора годам тюремного заключения был приговорен епископ Гавриил (Аболымов), только что отбывший наказание по предыдущему уголовному делу⁴⁴⁶. Весьма вероятно, что чекисты целенаправленно «изымали» наиболее авторитетных священнослужителей, известных своей бескомпромиссной позицией.

В 1925 г. в связи с подготовкой очередного обновленческого Собора вновь оживляется деятельность ТЕУ: обновленческий архиепископ Игнатий (Жебровский) попытался привлечь на свою сторону сельское духовенство. Сильной стороной инициированной им агитационной кампании был тезис о том, что Синодальная церковь имеет такую же обрядность, как и Патриар-

---

⁴⁴⁴ ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 629. Л. 77об.

⁴⁴⁵ Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. С. 346.

⁴⁴⁶ Православная энциклопедия. Т. 10. С. 209.

шая, но в отличие от нее, официально признана государством. Обновленческий архиерей рассчитывал на успех, поскольку, по данным ТЕУ, идея воссоединения в рамках одной церковной организации пользовалась поддержкой среди рядового духовенства⁴⁴⁷. Противодействием обновленческой агитации митрополит Серафим (Александров) занялся лично и совершил несколько поездок по епархии⁴⁴⁸. Владыка находился в это время в Твери, поскольку после смерти патриарха Тихона местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр (Полянский) отстранил его от участия в управлении церковью, подозревая в тайных контактах с ОГПУ⁴⁴⁹.

Укреплению «тихоновской» епархиальной власти в это время способствовало возвращение из ссылки старых соратников владыки Серафима, осужденных в 1923 г. по делу о распространении воззвания «Возлюбленным о Господе верным чадам церкви Тверской». На епархиальном съезде в ноябре 1925 г. в состав епархиального совета были избраны от мирян – А.И. Соколов, от духовенства – протоиереи Василий Куприянов и Алексей Бенеманский⁴⁵⁰. Поскольку епархиальный совет не был зарегистрирован, он существовал в виде негласного консультативного органа при правящем епископе и не фигурировал в официальной переписке⁴⁵¹. Государство в этот период не позволяло Патриаршей церкви создать легальные органы церковной власти. В результате епархиальное руководство вынуждено было ограничить объем документов, поступавших на ее рассмотрение, в частности, с начала 1920 гг. не запрашивалась информация с мест о количестве крещений, венчаний, отпева-

⁴⁴⁷ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. №8–9 (3–4). С. 30.

⁴⁴⁸ Левитин-Краснов А., Шавров В. Указ. соч. С. 407.

⁴⁴⁹ В церковных кругах в 1920 – 1930 гг. циркулировали слухи о том, что владыка Серафим (Александров) является тайным агентом советских органов государственной безопасности. В настоящее время исследователям известен один документ, подтверждающий эти подозрения – информационная сводка 6-го отделения СО ГПУ от 13 марта 1922 г. См.: Архивы Кремля. Кн. 2. С. 56–58, 470.

⁴⁵⁰ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. №8–9 (3–4). С. 30.

⁴⁵¹ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25784-с. Т. 1. Л. 123–123об.

ний, бывших на исповеди и причастии, отпавших от веры и сектантов, хотя некоторые священники продолжали фиксировать эти сведения⁴⁵².

В середине 1920 гг. обновленчество в Тверской епархии преодолевает последствия поражения в борьбе за церковную власть и оформляется в виде небольшого сообщества приходов, признающих власть ТЕУ. С 1924 г. под контролем обновленцев находился кафедральный Спасо-Преображенский собор, но их подлинным центром в этот период стала скромная по размерам церковь Белая Троица в Затьмацкой части г. Твери. В крошечном доме для причта при этом храме проживали обновленческие епископы и размещалась канцелярия⁴⁵³. Кроме того, ТЕУ имело под своей юрисдикцией церкви в Тверском уезде, Торжке и Кашине, однако их состав и количество менялись с течением времени, иногда сокращаясь до критического уровня. Так, из числа приходов, признавших власть ТЕУ в 1922 г., к 1927 г. остался лишь приход с. Садыково Тверского уезда⁴⁵⁴.

В Тверской епархии в 1920 гг. были учреждены 3 обновленческих викариата. Два из них – Ржевский и Кашинский – существовали лишь на бумаге. Ржевским обновленческим архиереем короткое время в конце 1922 – начале 1923 гг. числился известный авантюрист и провокатор епископ Николай (Соловей)⁴⁵⁵. Более серьезный характер имел Осташковский викариат, где обновленческим епископам удавалось удерживаться в течение нескольких лет, хотя сформировать жизнеспособную общину и получить храм они так и не смогли.

6 июля 1927 г. тверские обновленцы единственный раз в своей истории провели епархиальный съезд, на который собралось 28 делегатов. Обновленческий Синод проявил внимание к «отсталой» епархии⁴⁵⁶ и прислал своего

⁴⁵² ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25389-с. Л. 31об. – 32.

⁴⁵³ ГАТО. Ф. Р-478. Оп. 1. Д. 187. Л. 91, 94; Приложение 2.

⁴⁵⁴ ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 16. Д. 143. Л. 91.

⁴⁵⁵ История иерархии Русской православной церкви. С. 407.

⁴⁵⁶ В документах обновленческого Синода Тверь действительно именовалась «отсталой» наряду с Пензой и Ярославлем. См.: Бюллетень Священного Синода Российской Православной Церкви. № 3. Апрель 1929. (Рукописная копия из домашнего архива И.В. Романовой).

представителя. Председательствовал на съезде митрополит Мелхиседек (Николаев). Обновленческое духовенство епархии присутствовало в полном составе – 1 священник и 3 протоиерея⁴⁵⁷. «Кадровый голод» объяснялся просто: в Тверской епархии обновленческим священнослужителям из-за нехватки прихожан трудно было обеспечить себе приемлемый уровень жизни, поэтому они редко задерживались здесь более чем на 2 года⁴⁵⁸. На этом съезде тверские обновленцы в первый и последний раз сформировали епархиальное управление демократическим путем. В его состав, помимо митрополита Мелхиседека, были избраны протоиереи Василий Огороков и Виктор Кавский и три мирянина из числа жителей г. Твери – один рабочий и двое служащих⁴⁵⁹.

Тем временем, в руководстве Патриаршей церкви произошли серьезные изменения. После смерти патриарха Тихона и ареста митрополита Петра (Полянского), которого патриарх назначил своим преемником, церковь возглавил митрополит Сергей (Страгородский). Хотя его полномочия не были безусловными – он являлся «всего лишь» заместителем пребывавшего в заключении патриаршего местоблюстителя, именно с ним государственная власть в лице ОГПУ повела сложные многоступенчатые переговоры о путях дальнейшего сосуществования церкви и «богоборческого режима»⁴⁶⁰. Их результатом стала легализация высшего органа церковного управления – временного Священного Синода в обмен на публикацию печально известной Декларации митрополита Сергея от 29 июля 1927 г., где он заявил о безоговорочной лояльности советской власти⁴⁶¹. Процесс выработки решения сопро-

⁴⁵⁷ ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 16. Д. 143. Л. 91.

⁴⁵⁸ Материальное положение обновленческого духовенства в Тверской епархии красноречиво охарактеризовал епископ Нил (Ушаков), управлявший осташковским викариатом в 1926 – 1927 гг.: «Ехал я в Тверь – продал одну из своих митр, ехал в Орел – продал мантию. См.: Шиленок Д., свящ. Указ. соч. С. 177.

⁴⁵⁹ ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 16. Д. 143. Л. 94.

⁴⁶⁰ Подробнее см.: Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. С. 115–118; Крапивин М.Ю., Далгатова А.Г., Макаров Ю.Н. Указ. соч. С. 169–180.

⁴⁶¹ Акты Святейшего Тихона. С. 509–513.

вождался серьезным давлением на церковное руководство по линии ОГПУ – в этот период свыше половины епископов Патриаршей церкви подвергались арестам, ссылкам и тюремному заключению. Владыка Серафим (Александров) также не избежал преследований, он был арестован в августе 1926 г. и до мая 1927 г. находился в ссылке, после освобождения из которой был включен митрополитом Сергием в состав Синода⁴⁶².

Государственная регистрация высшего органа власти Патриаршей церкви была подтверждена справкой Центрального административного управления НКВД от 20 мая 1927 г., выданной на имя «гражданина Старгородцева [так в тексте – И.Ц.] Ивана Николаевича» – митрополита Сергия (Страгородского)⁴⁶³. На основании этого документа церковное руководство сделало попытку запустить процесс легализации всего аппарата управления. Так, в октябре 1927 г. митрополит Серафим (Александров) обратился в Тверской губернский исполком с заявлением о регистрации временного епархиального совета в составе викарного новоторжского епископа Андрея (Комарова), протоиереев Василия Куприянова, Павла Невского, Василия Спасского, Дмитрия Петропавловского, Владимира Воронова и Авенира Полозова (последнего в качестве кандидата)⁴⁶⁴. Впрочем, остается неизвестным, удалось ли владыке Серафиму добиться желаемого результата. Как известно, против регистрации епархиальных управлений Патриаршей церкви решительно выступило руководство ОГПУ. В ноябре 1927 г. запрет был оформлен циркуляром НКВД РСФСР⁴⁶⁵. В связи с этим не удивительно, что сведения о работе временного епархиального совета не обнаружены.

Публикация Декларации митрополита Сергия вскрыла давно назревшие в Патриаршей церкви глубокие противоречия по вопросу об отношении

⁴⁶² Лобанов В.В. Указ. соч. С. 193; Серафим (Александров Дмитрий Александрович) // Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс]. – Дата обращения 28.03.2013 г.

⁴⁶³ ГАТО. Ф. Р-478. Оп. 1. Д. 187. Л. 410.

⁴⁶⁴ Там же. Л. 409.

⁴⁶⁵ Одинцов М.И. Декларация митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. и борьба вокруг нее. С. 125.

к советской власти. Церковное руководство, начиная с 1923 г., усиленно добивалось от государства официального признания, считая недопустимой и опасной ситуацию, при которой единственным легальным органом высшей церковной власти был обновленческий Синод. Патриарх Тихон и его преемники ради достижения стратегической цели были готовы в известных пределах идти на уступки (например, ввести в церковный обиход григорианский календарь) и неоднократно выступали с заявлениями о лояльности советской власти⁴⁶⁶. Эта деятельность вызывала недоверие наиболее консервативной части духовенства и верующих. ОГПУ было осведомлено о наличии в Патриаршей церкви «правого течения», участники которого критиковали церковное руководство за излишние, по их мнению, уступки гражданской власти. Как было показано выше, чекисты умело использовали сложившуюся ситуацию для дискредитации патриарха Тихона и выявления «наиболее правых, активных политически элементов церковной организации»⁴⁶⁷. В связи с этим представляется не случайным включение в текст Декларации ряда формулировок, которые были неприемлемы для представителей «правого течения», на что обратил внимание составитель (составители) «соловецкого ответа» на Декларацию, приписываемого группе архиереев, находившихся в заключении в Соловецких лагерях: «Послание Патриархии без всяких оговорок принимает официальную версию и всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и Государством возлагает на Церковь»⁴⁶⁸.

После рассылки Декларации по стране в ряде епархий (Ленинградской, Воронежской, Вятской, Вотской, Казанской) почти синхронно начался процесс выхода духовенства и верующих из канонического общения с митрополитом Сергием (Страгородцевым). Наибольшее значение для формирования нового раскола имело выступление главы Ленинградской епархии митрополита Иосифа (Петровых), который обвинил церковное руководство в том, что

⁴⁶⁶ Лобанов В.В. Указ. соч. С. 160–182.

⁴⁶⁷ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 424.

⁴⁶⁸ Цит по: Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. С. 151.

оно согласует кадровую политику с государством⁴⁶⁹. Позднее на допросе в ОГПУ владыка отмечал, что он не был непосредственным организатором «течения», получившего название по его имени: «Это течение совершенно несправедливо окрещено «иосифлянами», каковую несправедливость указывает и сам митроп. Сергей в переписке его с митрополитом Кириллом. Гораздо основательнее оно должно быть названо вообще «антисергианским»... Самое течение нашей группы возродилось на благоприятной почве злоупотреблений митрополита Сергея и независимо от каких бы то ни было личностей вызвало одновременно повсюду соответствующе сильную реакцию»⁴⁷⁰. Действительно, владыка Иосиф в конце 1920 гг. был лишен возможности проживать в Ленинграде, что существенно ограничивало его возможности. Тем не менее, как наиболее авторитетный архиерей из числа «отпавших», он был признан несколькими епископами в качестве «высшего духовного руководителя», что положило начало формированию новой церковной юрисдикции⁴⁷¹. Текущее управление приходами и епархиями, отделившимися от митрополита Сергея, в 1927 – 1929 гг. осуществлял викарий Ленинградской епархии владыка Димитрий (Любимов).

В связи с угрозой распространения иосифлянского раскола на Тверскую епархию в апреле 1928 г. митрополит Серафим (Александров) провел собрание «влиятельного духовенства» с участием протоиереев Василия Курьянова, Алексея Бенеманского и Василия Владимирского (благочинного г. Твери). Из числа мирян на собрании присутствовал только староста Вознесенского собора А.И. Соколов⁴⁷². Приглашение получил также главный виновник назревавшей смуты – настоятель Христорождественского собора протоиерей Алексей Левковский, который остро критиковал деятельность митрополита Сергея. Епархиальный владыка в своем выступлении разъяснил,

⁴⁶⁹ Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. С. 12–13.

⁴⁷⁰ Цит по: Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. С. 17–18.

⁴⁷¹ Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. С. 39.

⁴⁷² ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 20475-с. Л. 110, Д. 25784-с. Т. 2. Л. 126–127.

что Декларация от 29 июля 1927 г. является уступкой режиму, сделанной «для защиты церкви от репрессий», и не отражает в полной мере взгляды церковного руководства на проблему отношений с государством. Пытаясь убедить Левковского в необходимости подчиниться каноническому священноначалию, митрополит Серафим отметил, что он сам «сидел 101 день в тюрьме», и ряд присутствующих на собрании лиц были в ссылке за свои убеждения и также имеют основания для выражения недовольства, однако не идут на раскол, понимая важность сохранения единства церкви⁴⁷³. Эти доводы не остановили лидера тверских иосифлян, и весной 1928 г. под его влиянием два городских и один пригородный приход признали своим архипастырем епископа Димитрия (Любимова). Независимо от них в январе 1928 г. к расколу присоединился один приход в Вышнем Волочке⁴⁷⁴. В целом же благодаря позиции руководства Тверская епархия сохранила верность митрополиту Сергию.

Таким образом, несмотря на отдельные трудности, владыка Серафим (Александров) и его помощники в рассматриваемый период прочно удерживали в своих руках контроль над подавляющим большинством приходов епархии и эффективно противодействовали попыткам обновленцев привлечь новых сторонников. Некоторое напряжение в отношениях епархиальной власти с подчиненным духовенством и верующими периодически создавало руководство Патриаршей церкви, занятое поисками компромисса с государством. Официально заявленная позиция владыки Серафима в этот период неизменно совпадала с позицией высшей церковной власти, хотя прежде, во время проведения кампании по изъятию церковных ценностей, он позволял себе в порядке целесообразности игнорировать некоторые распоряжения патриарха Тихона. По-видимому, после возникновения обновленческого раскола владыка стал придавать особое значение соблюдению церковной дисциплины и следовал общему курсу даже в том случае, когда это могло нанести

---

⁴⁷³ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25784-с. Т. 2. Л. 92, 126–127.

⁴⁷⁴ Шкаровский М.В. Судьбы Иосифлянских пастырей. С. 576.

ущерб его интересам как главы епархии. Данное обстоятельство не мешало ему трезво оценивать действительное положение дел в государственно-церковных отношениях, однако создавало проблемы во взаимоотношениях с представителями «правого течения». Прочность позиций митрополита Серафима в качестве правящего архиерея в значительной степени обеспечивалась поддержкой «влиятельного духовенства» г. Твери, к мнению которого прислушивались остальные священнослужители и верующие.

Подводя итог сказанному во второй главе, следует отметить, что победа руководства Тверской епархии в борьбе с обновленчеством, а затем и иосифлянством, была обеспечена доверием верующих и духовенства. Владыка Серафим в полной мере понимал значение этого ресурса, равно как и то, что для устойчивости епархиальной власти ему необходимо было иметь помощников, деловые качества и репутация которых были известны православному сообществу епархии. Не случайно в ближайшем окружении правящего архиерея ведущую роль продолжали играть священнослужители, занимавшие ключевые посты в епархиальном управлении в 1918 – 1920 гг., когда епархиальная власть имела возможность работать открыто. Поскольку в 1920 гг. епархиальный совет существовал в качестве неофициального консультативного органа при епархиальном владыке, деятельность его членов была менее заметна, и в этот период выдвинулся только один новый лидер – мирянин А.И. Соколов.

После возникновения обновленческого раскола и «столкновения с государством» деятельность епархиальной власти становится более закрытой. С 1923 г. прекращается проведение общих собраний представителей приходов г. Твери. Вероятно, вместо них епархиальный владыка организовывал негласные совещания с небольшим количеством участников, однако достоверно известно лишь об одном подобном мероприятии – в апреле 1928 г. Фактически единственной фигурой в епархиальном руководстве, которая в этот период позволяла себе действовать открыто, был владыка Серафим, причем проявля-

лось это только в одной сфере – борьбе с обновленчеством. Видимо не случайно в прощальном послании по епархии в июне 1928 г. он писал: «Кары пастырей и пасомых я сам старался перенести на себя, не щадил в этом отношении себя лишь бы оберечь вверенное мне стадо от бед, скорбей, а епархию от развала и разрухи»⁴⁷⁵. В этой связи остается неясным вопрос о характере контактов владыки Серафима с советскими органами государственной безопасности. Сам он, разумеется, подобные факты отрицал и в качестве епархиального владыки был стойким и последовательным «тихоновцем».

В рассматриваемый период претензии обновленцев на церковную власть в Тверской епархии оказались несостоятельными. Пользуясь легальным статусом и имея возможность открыто проводить агитацию, они, тем не менее, смогли привлечь на свою сторону минимальное количество сторонников. С момента возникновения раскола в среде тверских обновленцев преобладали священники, прибывавшие на службу из других мест. Без притока кадров со стороны обновленцы рисковали утратить присутствие в Тверской епархии, однако подобный вариант развития событий был неприемлем ни для руководства Синодальной церкви, ни для гражданской власти, которая продолжала поддерживать обновленческий раскол как фактор, ослаблявший Патриаршую церковь и православие в целом.

---

⁴⁷⁵ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25701-с. Л. 78об; Приложение 4.

ГЛАВА III. ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И ЕЕ ПРОТИВНИКИ В КОНЦЕ 1920 – СЕРЕДИНЕ 1930 ГОДОВ

§1. Преемственность и новые принципы в организации работы епархиальной власти в конце 1920 – начале 1930 гг.

В июне 1928 г. митрополит Серафим (Александров), возглавлявший Тверскую епархию в течение 10 лет, был переведен на Саратовскую кафедру, ему на смену был назначен архиепископ Фаддей (Успенский)⁴⁷⁶. В научной и справочной литературе отсутствуют сведения о дате назначения владыки Фаддея на Тверскую кафедру. Игумен Дамаскин (Орловский) ошибочно считает, что оно состоялось в ноябре 1928 г.⁴⁷⁷, однако в прощальном послании митрополита Серафима по епархии, составленном в июне 1928 г., владыка Фаддей упоминается как «законный архипастырь и отныне глава церкви Тверской»⁴⁷⁸. Дата приезда нового владыки в епархию также не установлена, известно лишь, что это произошло не позднее конца октября – начала ноября 1928 г. – к этому времени относится первое известие о его пребывании в Твери⁴⁷⁹.

Сведения об административной деятельности архиепископа Фаддея на Тверской кафедре крайне скудны. Доступные для изучения источники позволяют составить лишь общее представление о принципах и стиле его работы на посту руководителя Тверской епархии в начальный период деятельности (преимущественно до 1932 г.).

Обращает на себя внимание, что архиепископ Фаддей в первые годы пребывания на Тверской кафедре при выработке управленческих решений практически не взаимодействовал с местным духовенством. Его ближайшим

⁴⁷⁶ История иерархии Русской православной церкви. С. 222.

⁴⁷⁷ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 3. С. 552.

⁴⁷⁸ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25701-с. Л. 78.

⁴⁷⁹ Там же. Д. 20475-с. Л. 111–112.

и фактически единственным помощником в конце 1920 – начале 1930 годов был бывший соловецкий заключенный Н.А. Давыдов, о личности и деятельности которого нет никаких достоверных сведений⁴⁸⁰. Тот факт, что владыка Фаддей приблизил к себе «чужака», вызывал в Твери плохо скрываемое недовольство⁴⁸¹. Второе важное отличие от предшественника заключалось в том, что новый архиерей практически постоянно находился в епархиальном центре и тем самым имел возможность непосредственно влиять на ход событий.

В период правления архиепископа Фаддея в Тверской епархии продолжает развиваться система викариатов. В качестве «наследства» от предшественника он получил Новоторжский, Осташковский и Бежецкий викариаты. Осташковский викариат был вскоре упразднен, вместо него в тех же границах был образован Ржевский викариат⁴⁸². Эта реформа была обусловлена административными преобразованиями, которые в этот период проводило советское правительство. В 1929 г. Тверская губерния была расформирована, на ее территории были образованы 4 округа, один из которых, Ржевский, вошел в состав Западной области (с центром в г. Смоленск), остальные, Тверской, Кимрский и Бежецкий, – в состав Московской области. Эта реформа вызвала замешательство среди духовенства, служившего на территории Ржевского округа. Поскольку для Русской православной церкви с XVIII в. было характерно совпадение границ регионов и епархий, некоторые священнослужители стали воспринимать в качестве правящего архиерея главу Смоленской епархии архиепископа Серафима (Остроумова)⁴⁸³. Назначение во Ржев архиерея, подчиненного архиепископу Фаддею, способствовало восстановлению канонического единства епархии. По тем же причинам в 1929 г. был создан Кимрский викариат. Таким образом, епархиальная власть приня-

---

⁴⁸⁰ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25784-с. Т. 2. Л. 52об.–53.

⁴⁸¹ Там же. Т. 2. Л. 61.

⁴⁸² Там же. Д. 25701-с. Т. 2. Л. 88–90; История иерархии Русской православной церкви. С. 358, 407.

⁴⁸³ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25701-с. Т. 2. Л. 177.

ла меры к тому, чтобы привести внутреннее устройство епархии в соответствие с существующим административно-территориальным делением. В августе 1930 г. округа были ликвидированы, и Кимрский викариат, оказавшийся, видимо, избыточным, вскоре был упразднен⁴⁸⁴.

Дальнейшее развитие системы викариатов было обусловлено увеличением территории епархии, которое произошло в 1935 г. в связи с созданием Калининской области (границы епархии были приведены в соответствие с границами региона). В это время был образован Великолукский викариат, фактический центр которого находился в г. Торопце, где проживал викарный епископ Иоанн (Троянский). Под его окормлением находились приходы, расположенные в Великолукском, Торопецком и других прилегающих районах⁴⁸⁵.

В результате этих преобразований была в целом восстановлена внутренняя структура Тверской епархии, сформировавшаяся в 1920 – 1922 гг., когда под непосредственным управлением викариев находилось около половины приходов. Развитие системы викариатов не только снимало с правящего архиерея часть административной нагрузки, но, что более важно, позволяло каноническому священноначалию лучше контролировать ситуацию в удаленных приходах. В условиях существования расколов Патриаршей церкви было необходимо иметь на местах епископов, способных донести до верующих позицию церковного руководства⁴⁸⁶. Доступные для изучения материалы свидетельствуют о том, что полномочия викариев на подведомственной территории были достаточно широки: они имели право без согласования с епархиальным архиереем выдавать антимины и определять клириков на службу⁴⁸⁷.

---

⁴⁸⁴ История иерархии Русской православной церкви. С. 222.

⁴⁸⁵ История иерархии Русской православной церкви. С. 358; ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 24198-с. Л. 4–5.

⁴⁸⁶ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 21265-с. Л. 8.

⁴⁸⁷ Там же. Д. 25389-с. Л. 21, 27, 30.

Основная часть расходов на содержание епископата Тверской (Калининской) епархии в конце 1920 – середине 1930 гг., как и прежде, покрывалась за счет регулярных сборов с приходов епархии, которые осуществлялись через аппарат благочинных. Поскольку принудительное взимание средств на содержание органов церковного управления было запрещено законодательно, деньги перечислялись по решению церковных советов под видом добровольных пожертвований⁴⁸⁸.

Назначение архиепископа Фаддея в Тверь совпало по времени с переходом государства к новому наступлению на церковь, которое по масштабам значительно превосходило предыдущие «столкновения». Исследователи отмечают, что уже «со второй половины 1927 г. происходит вначале едва заметная, а затем все более очевидная переориентация на всемерное ограничение деятельности религиозных организаций, вытеснение их на периферию общественной жизни, сведение их деятельности лишь до отправления культа в стенах молитвенных зданий»⁴⁸⁹. Эта политика получила законодательное оформление весной 1929 г. в связи с принятием постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях»⁴⁹⁰. Введение юридических ограничений сопровождалось кампанией по ликвидации монастырей, сохранившихся до этого времени под видом трудовых артелей и храмовых причтов⁴⁹¹.

На этом фоне становится заметным изменение характера взаимодействия церкви и советских властных структур. Если в 1917 – начале 1920 гг. инициатором деятельности по защите интересов церкви выступало высшее и епархиальное руководство, то в конце 1920 гг. данная функция переходит в руки православной общественности и отдельных приходов. Показательной в

⁴⁸⁸ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25389-с. Л. 22–22об., 28об.

⁴⁸⁹ Одинцов М.И. Декларация митрополита Сергия. С. 125.

⁴⁹⁰ Беглов А.Л. Указ. соч. С. 34.

⁴⁹¹ Шкаровский М.В. Русское монашество в советское время. С. 197–198. О ликвидации монастырей в Тверской епархии см.: Цыков И.В. Политика ВКП(б) в отношении православного монашества в конце 1920-х – начале 1930-х гг.; Он же. Закрытие Селижаровского Троицкого монастыря (1928 – 1930 гг.); Он же. Православное монашество в годы коллективизации.

этом отношении является история борьбы верующих г. Твери за сохранение Вознесенского собора в качестве действующего храма.

После передачи Спасо-Преображенского собора в руки обновленцев (1923 г.) и закрытия Владимирской церкви (1927 г.), Вознесенская церковь «на проспекте» осталась самым крупным «тихоновским» храмом в центральной части г. Твери. С 1927 г. его настоятелем являлся протоиерей Василий Куприянов, переведенный из закрытой Владимирской церкви⁴⁹². К 1928 г. Вознесенская церковь приобретает статус кафедрального собора, и архиепископ Фаддей избирает его для регулярных архиерейских богослужений⁴⁹³.

В конце 1928 г. местные власти принимают решение о закрытии собора и передачи помещения под столовую. В поддержку этого мероприятия, как утверждалось, было собрано около 3500 подписей рабочих города. В ответ церковные активисты г. Твери во главе с настоятелем Вознесенского собора Василием Куприяновым, председателем церковно-приходского совета А.И. Соколовым, благочинным г. Твери Василием Владимирскими и настоятелем Скорбященской церкви Алексеем Бенеманским решили организовать свою кампанию по сбору подписей среди верующих в защиту собора⁴⁹⁴. Инициаторы кампании предложили рассматривать собор как достояние всех верующих города, а не только одной приходской общины. К сбору подписей было решено привлечь приходских священников⁴⁹⁵. Используя этот ресурс, защитники собора в короткий срок собрали порядка 10000 «голосов» против закрытия и приобщили эти материалы к обращению во ВЦИК⁴⁹⁶. Несмотря на то, что некоторые приходские общины подавали коллективные заявления от лица своих членов без сбора подписей (при этом преувеличивая списочный

---

⁴⁹² ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25784-с. Т. 1. Л. 1–2.

⁴⁹³ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 3. С. 558–559; ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25784-с. Т. 1. Л. 122.

⁴⁹⁴ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25784-с. Т. 2. Л. 127–128.

⁴⁹⁵ Там же. Л. 128–129.

⁴⁹⁶ Там же. Л. 128.

состав общины)⁴⁹⁷, ВЦИК отменил решение о передаче здания собора под столовую.

Кампания против закрытия собора была организована группой лиц, однако ОГПУ на тот момент ограничилось репрессиями в отношении председателя церковно-приходского совета А.И. Соколова. Формально он был обвинен в «систематическом проведении антисоветской агитации с использованием религиозных предрассудков», наказуемом по ст. 58 п. 10 ч. 2 УК РСФСР, но основу обвинительного заключения составили сведения об активном и систематическом влиянии Соколова на местную церковную жизнь, обеспечившим ему прозвище «гражданского митрополита»⁴⁹⁸. Приговор по этому делу не известен, никаких сведений о его судьбе после 1929 г. обнаружить не удалось.

Продолжение этой истории последовало в январе 1932 г., когда в Калининский оперсектор ОГПУ⁴⁹⁹ поступили сведения о том, что священник Никандр Троицкий⁵⁰⁰, поставлявший в органы государственной безопасности ценные сведения о церковной жизни г. Калинина, находится на грани «расконспирации». Незадолго до этого его семья переехала на жительство в Ленинград, а он вынужден был остаться в Калининне, чтобы выполнять свои обязательства перед ОГПУ. Знакомые семьи заподозрили, что это произошло не случайно. Жена священника, которая знала о трудном положении мужа, не смогла развеять эти подозрения⁵⁰¹. Проваленный агент был немедленно допрошен об обстоятельствах произошедшей утечки информации, после чего его было решено использовать в качестве подставного свидетеля. Следовательно оформили в виде протокола допроса обвиняемого имевшуюся в их распо-

⁴⁹⁷ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25784-с. Т. 2. Л. 129.

⁴⁹⁸ Там же. Д. 20475-с. Л. 106.

⁴⁹⁹ Тверской (Калининский) оперативный сектор ОГПУ образован в 1930 г.

⁵⁰⁰ Клирик Псковской епархии. В 1924 г. был приговорен к 3 годам заключения и 5 годам поражения в правах по обвинению в шарлатанстве. По отбытии тюремного заключения выехал в Тверь, где у него проживали родственники. См.: Псковский синодик пострадавших за веру Христову в годину гонений священноцерковнослужителей, монашествующих и мирян Псковской епархии XX столетия. С. 387–395.

⁵⁰¹ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25784-с. Т. 2. Л. 186.

ряжении информацию о деятельности протоиереев Василия Куприянова, Алексея Бенеманского и Василия Владимирского, заложив тем самым основу для группового уголовного дела. Как следует из материалов уголовного дела, тверские чекисты с конца 1920 гг. пристально следили за Куприяновым, Владимирским и Бенеманским, подозревая, что они оказывают большое влияние на церковную жизнь епархиального центра. Примечательно, что в этих материалах не упоминается правящий архиерей. Это может объясняться только тем, что они не взаимодействовали с ним⁵⁰².

Параллельно с агентурным наблюдением за наиболее авторитетными в городе священниками в Калининском оперсекторе ОГПУ велась оперативная разработка в отношении верующих, связанных с митрополитом Серафимом (Александровым) и епископом Арсением (Смоленцем). Через переписку и личное общение во время приездов в Калинин (Тверь) митрополит Серафим и епископ Арсений в конце 1920 – начале 1930 гг. узнавали о событиях в церковной жизни города – закрытии храмов, арестах духовенства, повышении налогов⁵⁰³. В марте 1932 г. материалы оперативной разработки были объединены с уголовным делом в отношении неформальных лидеров православного сообщества г. Калинина в одно производство, в общей сложности к уголовной ответственности было привлечено 11 человек. В первую очередь Калининский оперсектор ОГПУ был заинтересован в изоляции протоиереев Василия Куприянова, Алексея Бенеманского и Василия Владимирского, причем Куприянов рассматривался следователями в качестве руководителя подпольной церковной организации⁵⁰⁴. 9 июля Тройка ПП ОГПУ Московской области приговорила 9 обвиняемых, включая Куприянова, Бенеманского и Владимирского, к 3 годам ссылки в Казахстан⁵⁰⁵. Священник-агент поплатился за свой провал 3 годами заключения в ИТЛ⁵⁰⁶. В отношении одной обвиня-

---

⁵⁰² ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25784-с. Т. 1. Л. 89–113а.

⁵⁰³ Там же. Т. 2. Л. 18.

⁵⁰⁴ Там же. Л. 11.

⁵⁰⁵ Там же. Л. 153–156, 158, 160.

⁵⁰⁶ Там же. Л. 157.

емой Тройка ограничилась трехлетним запретом на проживание в областных центрах и приграничных районах⁵⁰⁷.

От этого удара сплоченная группа священников, участвовавших в управлении епархией в течение полутора десятков лет, уже не смогла оправиться. Протоиерей Василий Владимирский в ссылке был обокраден и, оставшись без теплых вещей, простудился и умер⁵⁰⁸. Протоиерей Алексей Бенеманский после отбытия срока наказания вернулся в Калинин, но не смог получить от гражданских властей регистрацию в качестве священника и вынужден был выйти за штат⁵⁰⁹. Он поступил работать делопроизводителем в школу, а в 1937 г. был арестован и расстрелян⁵¹⁰. Протоиерей Василий Куприянов вернулся в Калинин в конце 1930 гг. и был назначен настоятелем церкви Неопалимая Купина – единственного на тот момент «тихоновского» храма города. В 1940 г. он был вновь арестован, но через несколько лет освобожден и вновь вернулся к приходской службе. В 1944 – 1950 гг., до своей смерти, протоиерей Василий Куприянов исполнял обязанности настоятеля Иоанно-Богословского храма с. Троица Удомельского района⁵¹¹.

В конце 1929 г. в Тверской епархии, как и повсеместно, разворачивается беспрецедентная по масштабам кампания по закрытию приходских храмов. Так, на территории Тверского округа (центральная часть епархии) с октября 1929 г. по апрель 1930 г. количество действующих церквей сократилось с 302 до 131⁵¹². Самой распространенной формой давления на приходскую общину было резкое повышение налогов или арест священника, при этом большинство храмов закрывалось без соблюдения законной процедуры. Соответствующие решения в большинстве случаев принимались районными

⁵⁰⁷ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25784-с. Т. 2. Л. 159.

⁵⁰⁸ Там же. Д. 4582-с. Л. 18.

⁵⁰⁹ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 3. С. 407–408.

⁵¹⁰ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 21756-с. Л. 3.

⁵¹¹ Куприянов Василий Петрович // Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс]. – Дата обращения 15.12.2011 г.

⁵¹² Подсчитано автором. См.: ГАТО. Ф. Р-1109. Оп. 2. Д. 110. Л. 3.

органами власти, сельскими советами и правлениями колхозов, что, видимо, и позволило провести столь масштабную акцию всего за полгода.

Кампания по закрытию приходских храмов в конце 1929 – начале 1930 гг. проводилась в рамках мероприятий по коллективизации сельского хозяйства. Весной 1930 г., реагируя на массовое недовольство, руководство страны вынуждено было пойти на тактическое отступление и временно отказаться от форсированного создания колхозов. В связи с этим давление на приходские общины также было ослаблено⁵¹³. Так, в Тверском округе в апреле 1930 г. верующим были возвращены церкви, закрытые по постановлениям районных исполкомов и сельсоветов. Таких храмов по неполным данным (без учета Новоторжского района) оказалось 49⁵¹⁴. Закрытие церквей вскоре возобновилось, но уже не в таких масштабах. Например, в Калининском районе к началу 1931 г. насчитывалось 43 православных храма, из них официально закрытых – 13. В 1931 г. были закрыты еще 2 церкви, в 1932 г. – ни одной⁵¹⁵. Приходским общинам Калининского района удалось также преодолеть «кадровый голод» и справиться с налоговым бременем (эти проблемы были взаимосвязаны, так как многие священники уходили со службы из-за непосильных налогов). К концу 1932 г. 28 действующих храмов обслуживали 32 «служителя культа», тогда как в апреле 1930 г. 20 церквей по району не функционировали из-за отсутствия духовенства или отказа общин выплачивать налоги⁵¹⁶.

Параллельно с мероприятиями по закрытию храмов значительная часть духовенства епархии была подвергнута уголовному и административному преследованию. Правовую базу для преследования большинства пострадавших священнослужителей составила ст. 61 УК РСФСР (отказ от исполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение), которая предусматривала наказание до

---

⁵¹³ Курляндский И.А. Указ. соч. С. 422–424.

⁵¹⁴ ГАТО. Ф. Р-1109. Оп. 2. Д. 110. Л. 1.

⁵¹⁵ Там же. Ф. Р-313. Оп. 5. Д. 3. Л. 215.

⁵¹⁶ Там же. Ф. Р-1109. Оп. 2. Д. 110. Л. 3.

двух лет лишения свободы с конфискацией имущества. Основная нагрузка в проведении репрессий легла на районные исполкомы, определявшие размер налогов и твердого задания, милицию и суды. Тверской (Калининский) окружной отдел ОГПУ сконцентрировал внимание на епархиальном центре.

Содержащаяся в уголовно-следственных делах ОГПУ начала 1930-х гг. и НКВД 1937 – 1938 гг. информация о судимости обвиняемых позволяет сделать вывод, что в конце 1920 – начале 1930 гг. за «экономические преступления» (неуплата налогов, невыполнение твердого задания) духовные лица обычно приговаривались к конфискации имущества и высылке на небольшой срок (до двух лет)⁵¹⁷. При этом отсутствие паспортного контроля позволяло высланным клирикам не покидать пределы епархии, устраиваясь на вакантные места в других благочиниях⁵¹⁸. Духовные лица, осужденные по линии ОГПУ за «сокрытие» серебряной монеты (обычно, собранной для уплаты налогов) или по «политической» ст. 58 п. 10 УК РСФСР (антисоветская агитация), как правило, приговаривались к трем годам ссылки или заключения в концлагерь⁵¹⁹.

Из-за недостатка данных масштабы преследования духовенства можно достаточно точно оценить только применительно к епархиальному центру. В Калининске на июнь 1932 г. насчитывалось 23 действующих православных храма, причем многие из них имели в штате 3-4 священно-церковнослужителя (1-2 священника, дьякон, псаломщик)⁵²⁰. Таким образом, в общей сложности в городских храмах тогда служили около 40 клириков, из них преследованию по линии ОГПУ были подвергнуты 8 человек, то есть, примерно 20%⁵²¹.

⁵¹⁷ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 4582-с. Л. 17–17об., Д. 3128-с. Л. 5, Д. 20389-с. Л. 3, Д. 20650-с. Т. 1. Л. 13–13об., 33–33об.; Леонтьева Т.Г. Попы, церковники и сектанты в «большевистской перестройке» в Калининской области 1937 – 1938 гг. С. 220.

⁵¹⁸ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 21058-с. Л. 4.

⁵¹⁹ Там же. Д. 5261-с. Л. 26, Д. 17290-с. Л. 30, Д. 21953-с. Л. 22, Д. 25784-с. Т.2. Л. 153–160.

⁵²⁰ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1463. Л. 166об.–171.

⁵²¹ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25784-с, 5261-с, 4582-с.

Примечательно, что антицерковные акции конца 1920 – начала 1930 гг. имели избирательный характер. В этот период ОГПУ ликвидировало все имевшиеся в епархии иосифлянские общины, несколько клириков, включая протоиерея Алексея Левковского, были расстреляны⁵²². Иосифляне подвергались более жестким мерам воздействия, чем остальные «церковники». Например, в сентябре 1930 г. настоятель иосифлянской Никольской, «что на Плацу», церкви г. Твери священник Георгий Гвоздев «за сокрытие серебра и дифтоваров [дефицитных товаров – И.Ц.]» был приговорен к расстрелу⁵²³, а «тихоновец» Илья Бенеманский за аналогичное «преступление» – к трем годам заключения в концлагере⁵²⁴. Тверских обновленцев репрессии конца 1920 – начала 1930 гг. обошли стороной. Таким образом, православному сообществу было продемонстрировано, что возможность легальной деятельности сохраняется только для общин Синодальной и Патриаршей церкви, руководство которых последовательно демонстрировало лояльность по отношению к советской власти.

Причины того, что епархиальное руководство не оказало никакого противодействия антицерковной кампании конца 1920 – начала 1930 гг., вероятнее всего, кроются в политической линии, которой придерживалось руководство Патриаршей церкви после публикации Декларации от 29 июля 1927 г. Митрополит Сергей продолжал демонстрировать лояльность режиму в самые тяжелые для жизни церкви годы, и владыка Фаддей, видимо, считал себя обязанным действовать в установленных рамках. Вместе с тем, следует отметить, что у церкви в принципе не было опыта противодействия мероприятиям такого масштаба, какой имели антицерковные акции конца 1920 – начала 1930 гг. В это время советское государство впервые поставило под удар не отдельные храмы, должностные лица или институты церкви, а всю совокуп-

⁵²² Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. С. 82–87.

⁵²³ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 20475-с. Л. 109–110. М.В. Шкаровский приводит другой вариант имени Гвоздева – Григорий (возможно монашеское имя) и другую формулировку обвинения – сокрытие церковных ценностей. См.: Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. С. 345.

⁵²⁴ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 5261-с. Л. 26.

ность приходов. Если в 1917 – начале 1920 гг. церкви удавалось добиться от государства уступок путем концентрации внимания и усилий верующих на одной проблеме, то в рассматриваемый период в одинаково сложной ситуации оказались все приходские общины, и каждой из них, в конечном итоге, приходилось решать свои проблемы самостоятельно.

§2. Роль калининских обновленцев в антицерковных мероприятиях гражданской власти.

Как отмечалось выше, особый интерес историков вызывает идейная составляющая обновленчества и отдельные узкие периоды и аспекты деятельности обновленческих организаций. Исследователи преимущественно занимаются проблемами генезиса обновленчества, реформаторскими проектами обновленцев, борьбой обновленческих лидеров и стоявшего за ними 6-го отделения Секретного отдела ГПУ за подчинение Русской православной церкви, уделяют внимание вопросу о ликвидации раскола. Лишь отдельные историки отмечают, что в 1930 г. между обновленцами и «тихоновцами» продолжалась напряженная борьба за влияние на верующих, а со стороны государственной власти сохранялся интерес к обновленцам как к противникам Патриаршей церкви⁵²⁵.

В Тверской епархии во второй половине 1920 г. обновленческие структуры существовали относительно стабильно, но из-за недостатка кадров и прочного положения «тихоновского» епархиального руководства не имели никаких возможностей для экспансии. Осенью 1931 г. обновленческий Синод наконец обратил внимание на положение дел в Калининне и прислал «ударную бригаду» молодых священников, выпускников обновленческой Московской Духовной академии, во главе с епископом Сергием (Андреевым). Путем агитации они в короткий срок смогли установить контроль над двумя соседними храмами в рабочих кварталах города – Иоанно-Предтеченским и Никольским в Красной слободе⁵²⁶. После многих лет прозябания этот успех был впечатляющим, но непрочным. Верующих привлекло религиозное рвение новых пастырей, которые не собирались задерживаться в Калининне надолго. Местные обновленцы, по видимому, считали, что

---

⁵²⁵ Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. С. 157–162; Хрусталев М.Ю. Указ. соч. С. 111–138; Леонтьева Т.Г. Попы, церковники и сектанты в «большевистской перестройке» в Калининской области 1937 – 1938 гг. С. 222.

⁵²⁶ ГАТО. Ф. Р-640. Оп. 6. Д. 107. Л. 6.

вновь приобретенные храмы после отъезда «ударников» удержать не удастся. Они не предприняли усилий к тому, чтобы принявшие обновленческое духовенство общины прошли процедуру перерегистрации, хотя ответственные работники городских органов власти были готовы поддержать подобное ходатайство⁵²⁷.

Временное увеличение числа обновленческих храмов позволило городским властям решить «давно назревший» вопрос о закрытии кафедрального Спасо-Преображенского собора. Ответственные работники Калининского горсовета по-прежнему считали, что присутствие обновленцев в городе необходимо сохранять, чтобы ослабить позиции «тихоновцев»⁵²⁸. Их единственный храм⁵²⁹ не мог быть закрыт без предоставления замены, но найти ее при условии непопулярности обновленчества среди верующих г. Калинина было непросто.

16 марта 1932 г. обновленческое Калининское епархиальное управление приняло решение об отказе от дальнейшего использования Спасо-Преображенского собора из-за отсутствия прихожан, «которые бы взяли на себя обязательство хранить государственное имущество, находящееся в вышеозначенном соборе, а также и уплатить задолженность Кафедр[ального] собора». Взамен обновленцы просили передать в пользование соборного причта другой храм, предпочтительно Белую Троицу⁵³⁰. Следует обратить внимание, что эта просьба шла вразрез с советским законодательством, поскольку по закону храм мог быть передан общине верующих, а не безработному причту. Обновленцы ожидали от властей дальнейшей поддержки, однако момент был выбран неправильно, так как с закрытием собора под контролем обновленцев оставалось еще 2 храма. 25 марта Калининский горсовет

---

⁵²⁷ ГАТО. Ф. Р-640. Оп. 6. Д. 107. Л. 6–6об.

⁵²⁸ Там же. Л. 6об.

⁵²⁹ Приход Белой Троицы к началу 1930 гг. вернулся в юрисдикцию Патриаршей церкви.

⁵³⁰ ГАТО. Ф. Р-640. Оп. 6. Д. 107. Л. 30об.

постановил принять от обновленцев церковное имущество и здание собора, но оставил без внимания ходатайство о передаче им Белой Троицы⁵³¹.

Обновленческое епархиальное управление в начале 1930 гг. состояло из председателя (правлящего епископа), заместителя председателя (священника), представителя мирян и секретаря. Осенью 1931 г. в связи с назначением нового правящего архиерея оно было фактически сформировано вновь, причем без проведения съезда или соблюдения каких-либо формальностей. Должность заместителя председателя получил протоиерей Вениамин Почепцов, служивший в Никольской церкви в Красной слободе, обязанности секретаря исполнял некий Д. Орловский, священствовавший в Спасо-Преображенском соборе. Они оба прибыли в Калинин в конце 1931 г. и не имели ни регистрации в качестве священнослужителей, ни прописки по месту жительства, чем злостно нарушали советское законодательство⁵³². От мирян в состав управления входила ничем не знаменитая М. Жукова. Эта группа лиц, никем не избранная и не уполномоченная, помогла властям решить формальности при закрытии кафедрального собора. Характерно, что в начале марта 1932 г. делопроизводитель Калининского горсовета Лебедева, занимавшаяся в тот период «церковными» вопросами, направила в милицию отношение с просьбой наложить административное взыскание на Орловского и Почепцова за отсутствие регистрации и прописки, а в конце марта эти же люди были сочтены правомочными решать судьбу собора⁵³³.

В соответствии с законодательством того времени, храм, при котором не было прихода, но был накоплен огромный долг по налогам, давно подлежал закрытию или передаче другой общине, однако власти следовали закону в той мере, в какой это было целесообразно для решения конкретных задач. Тверской (Калининский) горсовет отвечал за то, чтобы количество храмов в

---

⁵³¹ ГАТО. Ф. Р-640. Оп. 6. Д. 107. Л. 29.

⁵³² Там же. Л. 26.

⁵³³ Там же. Л. 27.

городе сокращалось, но обновленцы сохраняли свое присутствие, и это сыграло свою роль в судьбе Спасо-Преображенского собора.

Закрытие Спасо-Преображенского собора совпало по времени с новой волной преследований духовенства и мирян г. Калинина, в частности, с арестом протоиереев Василия Куприянова, Алексея Бенеманского и Василия Владимирского. По-видимому, их «изъятие» обезглавило православное сообщество епархиального центра, и закрытие кафедрального собора не вызвало в городе никакой заметной реакции. Вместе с тем, разгром прежней, сформировавшейся в период правления владыки Серафима (Александрова), «церковной элиты» не способствовал усилению обновленцев. Иоанно-Предтеченский и Никольский в Красной слободе храмы вскоре вернулись под юрисдикцию Патриаршей церкви, что поставило калининских обновленцев в очень тяжелое положение. Обновленческий епископ Сергей (Андреев) покинул Калинин в 1932 г. вместе со своими «ударниками», сменивший его епископ Сергей (Шубин) поселился в с. Садыково и стал настоятелем местного храма вместо умершего в начале 1933 г. протоиерея Виктора Кавского⁵³⁴.

Тот факт, что обновленцы своими силами смогли привлечь на свою сторону две приходские общины, показывает, что к началу 1930 гг. их прежние «проступки» (участие в преследовании «тихоновского» духовенства в 1922 – 1923 гг.) были в значительной степени забыты верующими. Однако развить успех обновленцам не удалось из-за отсутствия местных кадров, которые смогли бы перехватить инициативу.

Утрата обновленцами позиций в епархиальном центре фактически означала, что затянувшийся кризис тверской (калининской) обновленческой организации вступил в финальную стадию. При естественном ходе развития событий она уже не могла возродиться, если бы в происходящие в церкви процессы вновь не вмешалась гражданская власть. В 1935 г. была создана Калининская область, г. Калинин (бывшая Тверь) был возвращен статус

---

⁵³⁴ История иерархии Русской православной церкви. С. 196.

регионального центра, которого он был лишен в 1929 г. в связи с расформированием Тверской губернии. Новые границы региона охватывали существенно большие территории, чем прежде. Калининская область на западе граничила с Эстонией и Латвией, что увеличивало стратегическую значимость региона. В связи с повышением статуса города с 1935 г. начинается его широкомасштабная реконструкция, составной частью которой было расширение улиц и снос расположенных в центре города культовых зданий⁵³⁵. В 1935 – 1936 гг. в массовом порядке закрываются городские храмы, в том числе неправославных исповеданий – синагога, мечеть, лютеранская кирха⁵³⁶. Существуют указания на то, что обновленческое духовенство использовалось городскими властями, чтобы придать процессу закрытия православных церквей видимость законности. Так, Покровская церковь в 1935 г. была передана под юрисдикцию Калининского епархиального управления, после чего храм был незамедлительно закрыт⁵³⁷. По всей видимости, обновленцы подали в горсовет заявление об отказе от его использования, также как это было ранее проделано в отношении Спасо-Преображенского собора.

В этот период обновленчество в Калининской епархии переживает второе рождение. В марте 1935 г. калининский обновленческий митрополит Иоанн (Острогорский) получил под контроль церковь Белая Троица, которая стала для обновленцев кафедральным собором, и дом для причта, где поселился сам архиерей. Так была заложена основа для возобновления активной деятельности обновленцев в епархиальном центре. Настоятелем Белой Троицы стал священник Иван Ердакиев, должность второго священника получил Леонтий Багмет⁵³⁸.

В 1936 г. на смену митрополиту Иоанну (Острогорскому) был назначен митрополит Сергей (Киреев). В период его правления происходит стремительное возвышение священника Тимофея Колесникова, который вскоре стал

---

⁵³⁵ Памятники архитектуры Тверской области. Кн. 1: Тверь. С. 15.

⁵³⁶ ГАТО. Ф. Р-2043. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, Д. 4. Л. 1–3.

⁵³⁷ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 15787-с. Л. 38.

⁵³⁸ Там же. Д. 21347-с. Л. 13; Д. 5817-с. Л. 129, 132.

негласным лидером калининских обновленцев. В 1935 г. Колесников некоторое время был настоятелем Покровской церкви⁵³⁹, однако, как отмечалось выше, этот храм вскоре был закрыт. В 1936 г. митрополит Сергей поручил ему заниматься «продвижением» обновленчества по епархии. Исполняя поручение, Колесников совершил несколько поездок в крупные районные центры Калининской области⁵⁴⁰. При его участии обновленцы в 1936 г. смогли получить храм в г. Кашине. Служить туда отправился один из двух священников, потерявших работу в Торжке, где единственная обновленческая община благодаря усилиям местного «тихоновского» благочинного перешла под юрисдикцию Патриаршей церкви. Поскольку на приток новых кадров обновленцам рассчитывать не приходилось, происходило лишь перераспределение сил⁵⁴¹.

Биография Колесникова заслуживает особого рассмотрения. В 1905 – 1906 гг. он состоял в партии социалистов-революционеров, до 1917 г. работал в Ферганском областном управлении, затем в 1918 г. в возрасте 40 лет поступил на службу в Красную Армию на нестроевую должность (по снабжению частей, базировавшихся в Туркестане). Его переход в статус «служителя религиозного культа» произошел лишь в 1922 г., причем он с самого начала примкнул к обновленцам. Известно также, что Колесников неоднократно подвергался арестам, однако без серьезных последствий: в 1919 г. – как заложник (освобожден через 40 дней), в 1929 г. – по подозрению в антисоветской агитации при закрытии церкви в Фергане (освобожден через 14 дней), в 1932 г. – в Усть-Каменогорске по подозрению в антисоветской агитации (освобожден через 10 дней). К 1937 г. он был разведен, в Калининне проживал на съемной квартире рядом с домом причта Белой Троицы. В период «Большого террора» Колесников активно сотрудничал с органами НКВД в

---

⁵³⁹ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 20712-с. Л. 13, Д. 15787-с. Л. 38.

⁵⁴⁰ Там же. Д. 20712-с. Л. 13.

⁵⁴¹ Там же. Д. 24937-с. Т. 5. Л. 108–109, 148, 173–174, 201, Д. 20712-с. Л. 13.

качестве «штатного свидетеля» по уголовно-следственным делам в отношении представителей духовенства и дворян⁵⁴².

Про митрополита Сергия (Киреева), возглавлявшего Калининскую обновленческую епархию во второй половине 1930 гг., известно несколько меньше, чем про его деятельного подчиненного. Из анкетных данных владыки следует, что он родился в г. Старый Оскол Курской губернии в 1891 г. в семье рабочего-строителя, в 1914 г. окончил духовную семинарию в Ставрополе и стал «служителем религиозного культа», с августа 1918 по апрель 1919 гг. состоял полковым священником в армии генерала Деникина⁵⁴³. Время присоединения владыки Сергия к обновленчеству не установлено, но уже в 1925 г. он возглавил Новороссийскую обновленческую епархию⁵⁴⁴.

В результате целенаправленных действий гражданской власти к началу 1937 г. в Калининне была создана ситуация формального равенства сил обновленцев и «тихоновцев». В это время им принадлежало в городе по 2 церкви, хотя в 1932 г. у «тихоновцев» было 20 храмов против 2 у обновленцев⁵⁴⁵, а в 1933 – 1934 гг. обновленцы вообще не имели в Калининне церквей. Искусственно созданная нехватка храмов привела к тому, что, по свидетельству ряда верующих, православное население города стало посещать все имевшиеся церкви, оказывая предпочтение «белым» («тихоновским»)⁵⁴⁶.

В это время гражданская власть начинает оказывать серьезное давление на «тихоновское» епархиальное управление. В 1936 г. в результате ареста архиепископа Агапита (Борзаковского) был фактически ликвидирован очень важный для епархии Новоторжский викариат⁵⁴⁷. В начале 1937 г. та же участь постигла Бежецкий викариат: епископ Григорий (Козырев) по решению Калининского областного исполкома был лишен регистрации и вынуж-

⁵⁴² ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 21347-с. Л. 17–17об., Д. 24937-с. Т. 5. Л. 147–147об., Д. 20712-с. Л. 12–12об., Д. 5817-с. Л. 38–40, 44–46.

⁵⁴³ Там же. Д. 21347-с. Л. 24–24об., Д. 5817-с. Л. 35–35об.

⁵⁴⁴ Приложение 4 // Акты Святейшего Тихона. С. 991.

⁵⁴⁵ ГАТО. Ф. Р-640. Оп. 6. Д. 107. Л. 57.

⁵⁴⁶ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 15787-с. Л. 88, 89об.

⁵⁴⁷ История иерархии Русской православной церкви. С. 343.

жден был покинуть г. Бежецк, а его преемник епископ Аркадий (Остальский) не смог приступить к исполнению обязанностей⁵⁴⁸. Тогда же по неизвестным причинам прекратил существование Ржевский викариат⁵⁴⁹. Таким образом, к весне 1937 г. в Калининской епархии продолжал служить только один викарий – епископ Иоанн (Троянский), возглавлявший Великолукский викариат. Параллельно с этим по решению гражданской власти архиепископ Фаддей был снят с регистрации, и вынужден был уйти на покой⁵⁵⁰. Ему на смену митрополит Сергей (Страгородский) назначил архиепископа Никифора (Никольского). Владыка Никифор управлял Калининской епархией до конца 1937 г., но проживал в г. Кимры, где прежде, в 1931 – 1932 гг., был викарным архиереем⁵⁵¹.

В результате усилий гражданской власти система управления Калининской епархии была серьезно ослаблена. Кроме того, епархиальный центр потерял прежнее значение вследствие массового закрытия храмов и фактического переноса епископской кафедры в другой город. По-видимому, снятие архиереев с регистрации, закрытие церквей г. Калинина, обеспечение условий для возрождения обновленческой организации и другие мероприятия, направленные против Патриаршей церкви, были скоординированы, поскольку их проведение в сжатые сроки потребовало взаимодействия различных властных структур – городских советов, областного исполкома и Управления НКВД. Таким образом, активизация антицерковной деятельности гражданской власти в Калининской области фиксируется с середины 1930 гг.

Учитывая, что архиепископ Фаддей в конце 1920 – начале 1930 гг. проявлял себя в качестве «тихоновца», твердо стоящего на платформе лояльно-

⁵⁴⁸ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 3. С. 464; Гришаев В.Ф. Указ. соч. С. 27; Григорий (Козырев Сергей Алексеевич) // Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс]. – Дата обращения 02.04.2013 г.

⁵⁴⁹ История иерархии Русской православной церкви. С. 407.

⁵⁵⁰ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 20712-с. Л. 5, 6, 10; История иерархии Русской православной церкви. С. 489.

⁵⁵¹ ТЦДНИ. Ф.7849. Д. 25389-с. Л. 22–22об.

сти советской власти и невмешательства в ее политику, удаление его с Калининской кафедры по инициативе гражданской власти выглядит нелогичным. Однако следует обратить внимание на то, что к середине 1930 гг. владыка Фаддей стал для местного православного сообщества «своим». В это время он сближается с духовенством Успенской единоверческой церкви, причт и прихожане которой фактически взяли его на содержание после отставки с поста правящего архиерея⁵⁵². В круг его постоянного общения, помимо клириков городских церквей, входит несколько мирян, а также возвратившийся из ссылки протоиерей Алексей Бенеманский⁵⁵³, которого, по сведениям игумена Дамаскина (Орловского), владыка принял «с большой любовью»⁵⁵⁴. Таким образом, к середине 1930 гг. архиепископу Фаддею удалось преодолеть отчуждение, с которым встретило его местное духовенство. Укреплению авторитета владыки способствовала активная пастырская деятельность – он уделял большое внимание личному общению со священнослужителями и верующими⁵⁵⁵. По-видимому, наличие во главе епархии влиятельного и опытного архиерея гражданская власть воспринимала как помеху для реализации планов по выдавливанию церкви на периферию общественной жизни.

Находясь на покое, владыка Фаддей проживал в Калининне вплоть до ареста, последовавшего в конце 1937 г. В этот период он продолжал играть заметную роль в религиозной жизни города. Утверждение игумена Дамаскина (Орловского), составившего жизнеописание владыки по архивным материалам и рассказам знавших его людей, о том, что «духовенство епархии [в 1937 г. – И.Ц.] по-прежнему сносилось с ним [архиепископом Фаддеем –

⁵⁵² ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 20712-с. Л. 10об.–11.

⁵⁵³ Там же. Д. 21756-с. Л. 7, Д. 20712-с. Л. 10об., 14.

⁵⁵⁴ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 3. С. 407.

⁵⁵⁵ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 9280-с. Л. 9; Д. 20712-с. Л. 10об. Несколько сообщений верующих о встречах с владыкой Фаддеем опубликовал игумен Дамаскин (Орловский). См.: Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 3. С. 552–559.

И.Ц.] как со своим правящим архиереем»⁵⁵⁶, по-видимому, отчасти верно – применительно к г. Калинин. В декабре 1937 г. на допросе в Управлении НКВД по Калининской области архиепископ Фаддей показал, что причт Успенского единоверческого храма, который владыка регулярно посещал, неоднократно делал попытки передавать ему деньги, причитающиеся епархиальному архиерею. От этих сумм он отказывался, принимая только то, что верующие давали ему как частному лицу⁵⁵⁷.

К весне 1937 г. «тихоновскими» храмами в Калининне оставались Неопалимая Купина и Успенская единоверческая церковь, под контролем обновленцев находились Белая Троица и Благовещенская Волынская церковь. В Волынской церкви в середине 1930 гг. настоятелем был престарелый священник по фамилии Каминский⁵⁵⁸, после его смерти вакантную должность в начале 1937 г. занял Василий Сапрыкин, переехавший из г. Торжка по причине перехода местной обновленческой общины к «тихоновцам»⁵⁵⁹.

Ердакиев оставался настоятелем Белой Троицы до мая 1937 г., когда он был арестован по подозрению в проведении контрреволюционной агитации среди населения. «Доказательную базу» по делу составили показания нескольких обновленцев. В июле 1937 г. Ердакиеву было дополнительно предъявлено более обоснованное обвинение в спекуляции церковными свечами, и вскоре он был расстрелян по приговору Тройки Управления НКВД по Калининской области. Его жена, исполнявшая обязанности церковного старосты Белой Троицы и непосредственно занимавшаяся закупкой и продажей свечей, успела скрыться от ареста⁵⁶⁰. После ареста Ердакиева настоятелем Белой Троицы стал Колесников, а должность церковного старосты некоторое время исполняла обновленческая активистка Е.П. Лузгина.

⁵⁵⁶ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 3. С.559.

⁵⁵⁷ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 20712-с. Л. 11.

⁵⁵⁸ Там же. Д. 15787-с. Л. 90.

⁵⁵⁹ Там же. Д. 20712-с. Л. 37.

⁵⁶⁰ Там же. Д. 21347-с. Л. 17–32.

Подоплека конфликта внутри обновленческой организации, приведшая к гибели священника Ердакиева, кроется в борьбе за контроль над скудными ресурсами прихода Белой Троицы, из которых составлялся основной доход Калининской обновленческой кафедры. Ердакиев являлся ставленником митрополита Иоанна (Острогорского). Он не имел доверительных отношений ни с митрополитом Сергием (Киреевым), ни с амбициозным священником Колесниковым. Агентурные данные об «антисоветских настроениях» Ердакиева начали поступать в Управление НКВД по Калининской области в 1936 г. Учитывая характер информации, источником этих сведений могли быть только Колесников, митрополит Сергей и исполнявший при нем обязанности секретаря дьякон Белой Троицы⁵⁶¹. Таким образом, существуют прямые указания на то, что ключевые фигуры обновленческого епархиального управления с 1936 г. в своих интересах стали сотрудничать с органами государственной безопасности.

Специфические услуги калининских обновленцев были в полной мере востребованы в ноябре – декабре 1937 г. При их непосредственном участии сотрудниками Управления НКВД по Калининской области были сфабрикованы уголовные дела, закончившиеся расстрелом клириков Неопалимой Купины Ильи Бенеманского и Ильи Громогласова, заштатного протоиерея Алексея Бенеманского и находившегося на покое архиепископа Фаддея. Следственные действия по этим делам обычно ограничивались допросом одних и тех же «штатных свидетелей», которые давали стандартные показания об «антисоветской деятельности» духовенства Патриаршей церкви. Все вышеперечисленные священнослужители были обвинены в создании контрреволюционной организации, руководителем которой чекисты, разумеется, «назначили» архиепископа Фаддея⁵⁶². Небольшое отступление от шаблона позволил себе Колесников, который показал, что владыка Фаддей, находясь

---

⁵⁶¹ ТЦДНИ Ф. 7849. Д. 5817-с. Л. 128.

⁵⁶² Там же. Д. 15785-с. Л. 12–16об., Д. 21020-с. Л. 15–19, Д. 21756-с. Л. 12, 14об.–15, Д. 20712-с. Л. 12–13об., 37–43.

на посту епархиального архиерея, проводил «контрреволюционную деятельность под видом борьбы с обновленчеством», однако эта информация оказалась не востребовавшей⁵⁶³.

В тот же период органами НКВД были «изъяты» клирики Успенской единоверческой церкви. Священник Иван Морошкин и дьякон Александр Богданов были арестованы 22 декабря 1937 г. После первых допросов следственные действия возобновились лишь в двадцатых числах января 1938 г. и продолжались до начала марта. Для дачи показаний по данному делу были привлечены Сапрыкин, Колесников, Лузгина, сторож обновленческого Волынского храма и некая бывшая монахиня. При таком составе свидетелей обвиняемым заведомо не приходилось рассчитывать на объективное разбирательство их дела в суде. Из заявления супруги Морошкина от 10 января 1957 г. известно, что круг лиц, вызывавшихся для дачи показаний, был значительно шире⁵⁶⁴. Следователь включил в состав дела только «нужные» материалы. Против Морошкина были выдвинуты обвинения в поминовании заключенных советских тюрем, оказании материальной помощи архиепископу Фаддею и сборе подписей среди верующих за возвращение Волынского храма под юрисдикцию Патриаршей церкви; Богданов был обвинен только в сборе подписей, что, впрочем, не повлияло на приговор⁵⁶⁵.

Следует отметить, что обвинение фактически было построено на признаниях подсудимых⁵⁶⁶ и противоречиях в их показаниях⁵⁶⁷. Всем присутствовавшим на открытом судебном заседании было очевидно, что обвиняемые были либо незнакомы со свидетелями, либо встречались с ними сугубо в

---

⁵⁶³ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 20712-с. Л. 13–13об.

⁵⁶⁴ Там же. Д. 15787-с. Л. 73.

⁵⁶⁵ Там же. Л. 23, 35, 61об. Обвиняемые были приговорены к 10 годам ИТЛ. Морошкин умер в заключении, Богданов впоследствии служил священником в Иркутской епархии. См.: ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 15787-с. Л. 97.

⁵⁶⁶ Морошкин действительно собирал деньги для архиепископа Фаддея (Успенского). См.: ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 15787-с. Л. 14об.

⁵⁶⁷ Морошкин и Богданов разошлись в деталях при описании поминования заключенных советских тюрем в храме. См.: ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 15787-с. Л. 35.

рамках исполнения служебных обязанностей⁵⁶⁸. Обстоятельства проведения следствия и суда привели к тому, что роль обновленцев в уничтожении «тихоновского» духовенства епархиального центра стала известна всему православному населению города. Фактически на выходе из периода массовых репрессий чекисты рассекретили свою церковную агентуру, поскольку необходимость в ней миновала.

Вскоре после этого завершился распад Калининской обновленческой епархиальной организации. В январе 1940 г. митрополит Сергей (Киреев) был привлечен к судебной ответственности по делу о взыскании алиментов и в судебном заседании отрекся от веры и церкви, за что обновленческим священноначалием был лишен сана и пожизненно запрещен в священнослужении⁵⁶⁹. Жертвой обновленческого митрополита стала племянница священника Леонтия Багмета, который в судебном заседании дал против него показания. Вскоре сам Багмет был арестован органами НКВД по обвинению в антисоветской агитации и, хотя в его деле не содержатся показания обновленческого митрополита, он был убежден, что инициатором преследования выступил Киреев⁵⁷⁰. Так обновленческая организация потеряла единственного священника, не сотрудничавшего с НКВД. Затем трагедия разразилась в семье Сапрыкина – его жена покончила жизнь самоубийством, после чего он покинул город, а Волынская церковь, настоятелем которой он являлся, была закрыта⁵⁷¹. Колесников продолжал служить в Белой Троице до начала Великой Отечественной войны, затем также выехал, спасаясь от наступающей немецкой армии⁵⁷². Несколько лет спустя он сделал попытку вернуться в Калинин уже в качестве священника «тихоновской» ориентации, но был удален по

---

⁵⁶⁸ Например, Колесников и Морошкин в 1935 г. присутствовали при передаче Покровского храма обновленцам в качестве представителей от своих религиозных организаций. См.: ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 15787-с. Л. 38.

⁵⁶⁹ История иерархии Русской православной церкви. С. 196.

⁵⁷⁰ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 5817-с. Л. 132.

⁵⁷¹ Там же. Д. 15787-с. Л. 90об.

⁵⁷² Там же. Л. 100.

просьбе верующих, не желавших иметь в качестве пастыря «предателя, лже-свидетельствовавшего на суде»⁵⁷³.

Таким образом, период 1935 – 1937 гг. составляет особую эпоху в истории обновленчества в Калининской епархии. В это время происходит окончательная деградация обновленческих структур, выразившаяся в беспринципном сотрудничестве с властью и использовании государственного репрессивного аппарата в клановой борьбе и для сведения личных счетов. Несмотря на то, что обновленцы не подвергались целенаправленным репрессиям, к весне 1938 г. у них не оказалось ресурсов для экспансии. Кризисное состояние обновленческой организации было осложнено конфликтами среди духовенства, что и привело в 1940 г. к ее окончательной ликвидации.

В завершение третьей главы следует подчеркнуть, что Русская православная церковь подошла к рубежу 1920 – 1930 гг., ставшему переломным в жизни советского общества, без четких представлений о возможности и способах защиты от давления гражданской власти. Общая кризисная ситуация осложнялась наличием церковных расколов. Государство в этот период четко обозначило, что любое противодействие произволу власти будет жестоко караться. Вместе с тем, «послушной» Патриаршей церкви также не была гарантирована безопасность.

Основным достижением «тихоновского» епархиального руководства в конце 1920 – первой половине 1930 гг. было сохранение независимости от гражданской власти. По-видимому, именно это заставило руководство Калининской области в 1936 – начале 1937 гг. снять с регистрации правящего архиерея и разрушить систему викариатов. В рамках сложившейся к тому времени системы отношений государства и церкви епископ, лишенный регистрации, автоматически подлежал переводу в другую епархию или увольнению. Епархиальная власть была окончательно разгромлена в ходе массовых

---

⁵⁷³ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 15787-с. Л. 77.

репрессий 1937 – 1938 гг.⁵⁷⁴, однако, несмотря на это, в конечном итоге она одержала победу в долгом противостоянии с обновленчеством. Калининские обновленцы по причине внутренней слабости своей организации и очевидной для верующих политической ангажированности не смогли воспользоваться сложившейся ситуацией и занять место, освободившееся в результате разрушения структур Патриаршей церкви.

Распад обновленческой организации в конце 1930 – начале 1940 гг. был вполне закономерен, хотя при более осторожном поведении обновленческого духовенства он мог произойти несколько позднее. Период относительной самостоятельности местных обновленцев закончился в 1932 г., когда они, отказавшись от использования Спасо-Преображенского собора, не смогли закрепить за собой вновь приобретенных храмов, тем самым утратив позиции в епархиальном центре. Возрожденная в 1935 г. обновленческая организация находилась под полным контролем гражданской власти, которая рассматривала обновленцев как один из инструментов, причем далеко не самый важный, для ослабления Патриаршей церкви. В планы руководства Калининской области не входило и не могло входить создание в регионе сильной религиозной организации, поэтому, когда потребность в услугах обновленцев миновала, гражданская власть приняла меры к дискредитации своих временных союзников и позволила им мирно сойти с «исторической сцены».

---

⁵⁷⁴ После ареста владыки Никифора (Никольского) епархию возглавил владыка Палладий (Шерстенников), в 1938 г. он пытался наладить взаимодействие с уцелевшими приходами, однако вскоре также был арестован. См.: ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1401. Л. 29об.; ТЦД-НИ. Ф. 7849. Д. 2594-с. Л. 17–17об.; Палладий (Шерстенников Павел Александрович) // Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс]. – Дата обращения 02.04.2013 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что под воздействием революционных процессов в 1917 г. началась перестройка системы епархиального управления. Поместный Собор 1917 – 1918 гг., реагируя на запрос со стороны рядового духовенства и верующих, санкционировал расширение их влияния на церковное управление на всех уровнях, однако результаты этих реформ всецело зависели от способности православного сообщества к самоорганизации, а епископата – к сотрудничеству с паствой.

В процессе формирования и развития органов управления Тверской (Калининской) епархией в новых политических условиях выделяются две основные фазы: 1917 – 1920, 1921 – середина 1930 гг. В 1917 – 1920 гг. ключевым органом церковной власти в Тверской епархии был епархиальный совет, возглавляемый с 1918 г. правящим архиереем. В эти годы в Тверской епархии создается система викариатов. В 1921 – середине 1930 гг. епархиальный совет фактически не действовал, легальные структуры управления епархией в результате усилий государства были сведены к минимуму и состояли из правящего архиерея, епархиальной канцелярии и викарных епископов, при этом вся полнота власти и ответственности перешла в руки главы епархии.

В период правления владыки Серафима (Александрова) (1918 – 1928 гг.) важнейшими факторами, обеспечивавшими эффективную работу органов епархиальной власти, были вовлеченность церковной общественности в процессы выработки и реализации управленческих решений и способность руководства оперативно реагировать на кризисные ситуации и принимать на себя ответственность за возможные негативные последствия. Устойчивости епархиальной власти также способствовала удачная кадровая политика при назначении викарных епископов и наличие группы помощников правящего архиерея из числа священников и мирян, опиравшихся на духовенство и приходы епархиального центра. Прочные связи с верующими позволяли руко-

водству епархии обращаться к их поддержке для защиты интересов церкви во время обострения отношений с государством.

Коллегиальный орган церковной власти – епархиальный совет, сформированный из представителей церковной общественности путем выборов, легально существовал в Тверской епархии до осени 1920 г. Члены епархиального совета второго созыва (1918 – 1920), сотрудничая с правящим архиереем, смогли добиться восстановления церковной дисциплины и создали себе прочную репутацию среди духовенства и верующих. В последующие годы владыка Серафим (Александров) продолжал привлекать их, наряду с другими видными представителями церковной общественности, к участию в епархиальном управлении и предпринимал попытки по легализации епархиального совета. Наличие коллегиального органа церковной власти он воспринимал как фактор, обеспечивающий поддержание его собственного авторитета.

В конце 1920 гг. происходит изменение принципов работы епархиальной власти, которое совпало по времени с назначением архиепископа Фаддея (Успенского) на пост епархиального архиерея, но во многом было обусловлено системой государственно-церковных отношений, сложившихся после публикации Декларации митрополита Сергия (Страгородского) от 29 июля 1927 г. Новый владыка отстраняет от участия в епархиальных делах прежних помощников митрополита Серафима (Александрова), фактически ограничив круг доверенных лиц личным секретарем. В условиях очередного наступления государства на церковь в конце 1920 – начале 1930 гг. владыка Фаддей, действует в рамках политического курса, проводимого митрополитом Сергием.

Разница в подходе к осуществлению властных полномочий, которая обнаруживается при сравнении деятельности на Тверской кафедре митрополита Серафима (Александрова) и архиепископа Фаддея (Успенского), отчасти связана с их личными качествами и жизненным опытом. Владыка Серафим (Александров) во время служения на Тверской кафедре продемонстрировал

способность адекватно оценивать ресурсы епархиального руководства и потенциальные риски от принятия тех или иных решений, не случайно радикально настроенные священнослужители и верующие критиковали его за излишнюю, по их мнению, гибкость по отношению к гражданской власти. Владыка Фаддей (Успенский), напротив, насколько можно судить об особенностях его личности, был склонен принимать решения, исходя из внутренней убежденности. Следует учитывать, что митрополит Серафим (Александров) и архиепископ Фаддей (Успенский) руководили Тверской епархией в разные исторические периоды. В 1920 гг. эволюция епархиальных органов власти по пути, определенному решениями Поместного Собора 1917 – 1918 гг., была затруднена тем, что епархиальный совет не мог действовать открыто и на регулярной основе. За это время епархиальный съезд, избравший полномочный (с точки зрения церкви) епархиальный совет, был проведен лишь однажды, причем по инициативе правящего архиерея. Таким образом, группа сподвижников митрополита Серафима (Александрова), хотя и исполняла часть функций прежнего епархиального совета, уже не была полноценным представительным органом церковной власти. Напротив, правящий архиерей использовал уважаемых в епархии священников для упрочения своего положения. В этой связи не удивительно, что архиепископ Фаддей (Успенский) не считал себя обязанным согласовывать свои решения с окружением прежнего главы епархии. Деградация епархиального совета стала следствием давления со стороны государства.

Таким образом, начиная с 1920 гг. происходило снижение интенсивности взаимодействия православного сообщества и епархиальной власти. Интерес верующих к делам епархиального управления угас уже в период работы епархиального совета второго созыва, а условия, в которых существовала церковь, после 1919 г. не позволяли проводить регулярные выборы епархиальных должностных лиц, поэтому принцип выборности епархиальной власти вскоре практически исчезает, а коллегиальность сохраняется до 1928 г. лишь благодаря позиции владыки Серафима (Александрова). Несмотря на

повышение авторитарности епархиального управления, основные направления его работы не претерпели изменений. Неизменным приоритетом для епархиальной власти была забота о поддержании церковной дисциплины, причем своими успехами она не в последнюю очередь была обязана деятельностью викарных епископов, под оперативным управлением которых обычно находилось не менее половины территории епархии.

Крупнейшим достижением епархиального руководства в 1920 – 1930 гг. стало успешное противодействие распространению обновленческого раскола. К моменту его возникновения позиции епархиальной власти были очень прочны. Этому способствовали и результаты работы епархиального совета второго созыва, и деятельность викарных епископов, которые, за редким исключением, проявили себя как способные руководители и архипастыри. В этих условиях попытка самопровозглашенного обновленческого епархиального управления переподчинить себе епархию оказалась обречена на неудачу. Отдельные священники, примкнувшие к обновленчеству, как правило, увольнялись от приходской службы из-за отсутствия поддержки со стороны верующих, которые ориентировались на позицию епископата.

Тверская (Калининская) обновленческая организация, существовавшая с 1922 до начала 1940 гг., в основном состояла из священников и епископов, прибывавших из других епархий. Отсутствие стабильных приходских общин обновленческой ориентации и, как следствие, средств для содержания духовенства и епархиального управления, приводило к частой смене обновленческих священников и епископов. Подавляющее большинство тверского духовенства и верующих оказалось невосприимчиво к обновленческой пропаганде, и после 1925 г. она фактически была прекращена. Негласное «перемирие», установившееся между «тихоновцами» и обновленцами во второй половине 1920 гг., дважды нарушалось в 1930 гг. Первый раз, в конце 1931 – начале 1932 г., это произошло по инициативе обновленческого Синода в рамках агитационной поездки группы священников-«ударников», второй

раз, в 1935 – 1937 гг., – по воле гражданской власти, использовавшей обновленцев для ослабления позиций Патриаршей церкви.

Епархиальной власти удалось также купировать распространение иосифлянского раскола, к которому в 1928 – 1930 гг. присоединились несколько местных священников, проявлявших недовольство излишними, на их взгляд, уступками «богоборческому государству». Удержать епархию от раскола помогла консолидированная позиция духовенства г. Твери, поддержавшего позицию епархиального руководства, которое высказалось за необходимость сохранения единства церкви вопреки политическим разногласиям.

С 1922 г. церковная жизнь епархиального центра попадает под плотный контроль со стороны органов государственной безопасности, причем чекистам удается вербовать агентов как в среде обновленцев, так и в среде «тихоновцев», что позволяет им отслеживать процессы, происходящие в местном православном сообществе. Активное вмешательство органов государственной безопасности в жизнь церкви наблюдается в 1922 – 1923, 1930 – 1932, 1937 – 1938 гг., то есть, совпадает с периодами ужесточения государственной политики в отношении религиозных организаций.

Гражданская власть г. Твери и Тверской губернии в 1917 – 1928 гг. в целом была достаточно лояльна по отношению к церкви. В 1923 – 1927 гг. епархия не испытывала существенного давления с ее стороны. Аналогичная ситуация наблюдалась в 1933 – 1934 гг., когда основная часть территории епархии входила в состав Московской области. В период крупномасштабных «столкновений» государства и церкви в 1922 – 1923, 1929 – 1932 гг. деятельность региональных и местных органов советской власти соответствовала политической воле высшего руководства. Локальной особенностью церковной политики была кампания по закрытию храмов в г. Калинин в 1935 – 1936 гг., проводившаяся в рамках изменения облика города в связи с повышением его административного статуса. В этот период власти использовали обновленческую организацию в утилитарных целях, оказав ей поддержку для ослабления позиций Патриаршей церкви. В дальнейшем многие члены об-

новленческой организации Калининской епархии привлекались органами НКВД в качестве подставных («штатных») свидетелей для фабрикации дел в отношении «тихоновского» духовенства. Раскрытие этой информации весной 1938 г. ускорило кризис обновленческой организации, а в 1940 г. она окончательно распалась вследствие внутреннего конфликта.

Анализ деятельности органов управления Тверской епархией позволяет утверждать, что, несмотря на успешное преодоление ряда кризисных ситуаций, епархиальная власть не имела ресурсов для того, чтобы проявить себя в качестве активной стороны в диалоге с православным сообществом и гражданской властью. Важнейшие мероприятия епархиального руководства проводились в ответ на «вызовы времени» – давление со стороны приходского духовенства и верующих, государства, обновленческих структур – и имели целью минимизировать негативные последствия подобных столкновений. Представляется, что подобная ситуация характерна для всех епархий Русской православной церкви, хотя этот вопрос практически не затрагивался исследователями и требует дополнительного изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**ИСТОЧНИКИ****I. ОПУБЛИКОВАННЫЕ***Сборники документов и материалов*

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и Всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти: 1917 – 1943 / сост. М.Е. Губонин. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 1994. – 1063.
2. Архивы Кремля. В 2 кн. / подгот. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. – Новосибирск – М.: Сибирский хронограф; РОССПЭН, 1997 – 1998.
Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922 – 1925 гг. – 1997. – 600 с.
Кн. 2. Политбюро и церковь. 1922 – 1925 гг. – 1998. – 648 с.
3. Декреты Советской власти. В 2 т. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Институт истории Академии наук СССР. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 626 с.
4. Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России / сост. И.И. Осипова // Церковно-исторический вестник. – 1999. – № 2–3. – С. 4–198.
5. Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ / Православный Свято-Тихоновский Богословский институт; редкол.: прот. В. Воробьев (главн. ред.) [и др.]. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 1048 с.
6. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. – М.: Московская типография №2 РАН, 1994. – 188 с.

7. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934). В 8 т. / Институт российской истории РАН [и др.]. – М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2001 – 2008.

Т. 1. 1922 – 1923 г. Ч. 1. – М., 2001. – 491 с.

Т. 2. 1924 г. – М., 2001. – 512 с.

Периодическая печать

1. Бюллетень Священного Синода Российской Православной Церкви. – № 3. Апрель 1929. (Рукописная копия из личного архива И.В. Романовой, г. Тверь).
2. Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. – 1926. – №7, №8–9 (3–4).
3. Тверские епархиальные ведомости. – 1918. – №5–8.

Энциклопедии и справочные издания

1. Добровольский И. Тверской епархиальный статистический сборник / И. Добровольский. – Тверь: Типолитография Ф.С. Муравьева, 1901. – 708 с.
2. История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. / сост. М.Е. Губонин [и др.]; глав. ред. прот. В. Воробьев. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. – 926 с.
3. Памятники архитектуры Тверской области: каталог. В 5 кн. Кн. 1: Тверь / ред. А.Б. Стерлигов. – Тверь: ЗАО «Литера-М», 2000. – 260 с.
4. Православная энциклопедия / ред. патриарх Московский и всея Руси Алексий II. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2000 –
- Т. VI: Бондаренко – Варфоломей Эдесский. – 2003. – 752 с.
- Т. VIII: Вероучение – Владимиро-Волынская епархия. – 2004. – 752 с.
- Т. X: Второзаконие – Георгий. – 2005. – 752 с.
5. Справочная книга по Тверской епархии на 1915 год / Тверская духовная консистория. – Тверь: Типолитография М.В. Блинова, 1914. – 553 с.

6. Тверская область: энциклопедический справочник / Архивный отдел Администрации Тверской области; глав. ред. М.А. Ильин. – Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1994. – 328 с.

II. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ
Государственный архив Тверской области
(ГАТО)

Ф. 160. Тверская духовная консистория

Оп. 1. Д. 32385, 32408, 32416, 32432, 32496, 32519.

Ф. Р-283. Первитинский волостной исполком

Оп. 1. Д. 46.

Ф. Р-291. Исполнительный комитет Тверского губернского совета рабочих,
крестьянских и красноармейских депутатов

Оп. 1. Д. 57.

Оп. 3. Д. 233.

Оп. 5. Д. 335.

Оп. 13. Д. 160.

Оп. 16. Д. 143.

Ф. Р-313. Калининский районный исполком

Оп. 5. Д. 3.

Ф. Р-478. Административный отдел исполнительного комитета Тверского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Оп. 1. Д. 187.

Ф. Р-640. Исполнительный комитет Тверского городского совета
народных депутатов

Оп. 1. Д. 63, 144.

Оп. 6. Д. 107, 160.

Ф. Р-641. Тверской епархиальный совет

Оп. 1. Д. 790, 1401, 1455, 1456, 1457, 1459, 1461, 1462, 1463, 1492, 1497, 1590,
1591, 1593.

Ф. Р-1109. Тверской окружной исполком

Оп. 2. Д. 110.

Ф. Р-1318. Новоторжский уездный исполком.

Оп. 1. Д. 123.

Ф. Р-1998. Тверской губернский революционный трибунал

Оп. 1. Д. 493.

Ф. Р-2043. Исполнительный комитет Калининского областного совета
народных депутатов

Оп. 1. Д. 1, 4.

**Тверской центр документации новейшей истории
(ТЦДНИ)**

Ф. 1. Тверской губернский комитет ВКП(б)

Оп. 2. Д. 236, 733.

Оп. 3. Д. 269, 271, 629, 1074.

Ф. 7849. Управление КГБ по Калининской области

Без описи. Д. 3128-с, 4582-с, 5261-с, 5817-с, 6309-с, 7564-с, 7569-с, 9280-с, 9294-с, 9710-с, 15785-с, 15787-с, 17290-с, 20389-с, 20475-с, 20650-с, 20712-с, 21020-с, 21058-с, 21265-с, 21347-с, 21756-с, 21953-с, 24198-с, 24937-с, 25389-с, 25701-с, 25784-с.

Личный архив И.В. Романовой, г. Тверь

Тезисы для внебогослужебных бесед в день десятилетия Октябрьской революции. 1927 г. – Машинопись. (Приложение 2).

Кавский В., прот. Записки об отношении к обновленчеству. 1922 г. / прот. В. Кавский. – Рукопись. (Приложение 1).

III. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс] / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans. – Загл. с экрана. – Дата обращения 01.06.2013 г.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

1. Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР / А.Л. Беглов – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви «Арефа», 2008. – 352 с.
2. Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917 – 1927 гг. / О.Ю. Васильева // Вопросы истории. – 1993. – №8. – С. 40–54.
3. Введенский А.И. Революция и церковь / А.И. Введенский. – Пг.: Типография при Смольном, 1922. – 31 с.

4. Введенский А.И. Церковь и государство: очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918 – 1922 гг. / А.И. Введенский. – М.: Мосполиграф, 1923. – 252 с.
5. Воронцов Г.В. Отношение коммунистической партии и советского государства к религии и церкви / Г.В. Воронцов, Н.Ф. Макаров. – Л.: Общество «Знание», 1957. – 44 с.
6. Воронцова И.В. Русская религиозно-философская мысль в начале XX века / И.В. Воронцова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. – 424 с.
7. Гоглов А., свящ. Владимирское лихолетье. Православная церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты / А. Гоглов, свящ. – М.: Приход храма Святого Духа сошествия, 2008. – 432 с.
8. Головушкин Д.А. Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века / Д.А. Головушкин. – СПб.: Политехника-сервис, 2009. – 267 с.
9. Гордиенко Н.С. Православие в советском обществе. Основные этапы эволюции / Н.С. Гордиенко // Русское православие: вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – С. 616–690.
10. Гришаев В.Ф. Невинно убиенные: к истории сталинских репрессий православного духовенства на Алтае / В.Ф. Гришаев. – Барнаул: Барнаульская епархия, 2004. – 240 с.
11. Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 3 / игумен Дамаскин (Орловский). – 2-е изд. – Тверь: Булат, 2001. – 624 с.
12. Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2 / игумен Дамаскин (Орловский). – Тверь: Булат, 1996. – 628 с.
13. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь / сост. игумен Дамаскин (Орловский). – Тверь: Булат, 2005. – 560 с.

14. Зарин П. Политическая маскировка религиозных организаций / П. Зарин. – М.: ГАИЗ, 1934. – 107 с.
15. Иоанн (Снычев), митрополит. Стояние в вере: Очерки церковной смуты / митрополит Иоанн (Снычев). – СПб.: Царское дело, 1995. – 216 с.
16. Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20 – 30 годов XX столетия / митрополит Иоанн (Снычев). – Сортавала: Изд-во Сортавальской книжной типографии, 1993. – 272 с.
17. Каиль М.В. Антирелигиозная агитация и пропаганда 1920-х годов: провинциальная практика, формы, динамика (на примере Смоленской губернии) / М.В. Каиль // Известия Смоленского государственного университета. – 2010. – №1(9). – С. 205–217.
18. Каиль М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны: государственно-церковные отношения и внутриконфессиональные процессы / М.В. Каиль. – М.: Изд-во Ипполитова, 2010. – 372 с.
19. Кандидов Б. Церковь и шпионаж (О некоторых фактах контрреволюционной и шпионской деятельности религиозных организаций) / Б. Кандидов. – М.: Гос. антирелиг. изд-во, 1938. – 120 с.
20. Кашеваров А.Н. Православная российская церковь и советское государство (1917 – 1922) / А.Н. Кашеваров. – М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2005. – 440 с. – (Материалы по истории Церкви; кн. 35).
21. Короткая Н.Г. Обновлеческий раскол на Смоленщине в 20-е годы XX века / Н.Г. Короткая // Церковно-исторический вестник. – 2005–2006. – № 12–13. – С. 218–232.
22. Крапивин М.Ю. Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.) / М.Ю. Крапивин, А.Г. Далгатов, Ю.Н. Макаров. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. – 624 с.

23. Красиков П.А. На церковном фронте (1918 – 1923) / П.А. Красиков. – М.: Юрид. Изд-вл Наркомюста, 1923. – 311 с.
24. Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922 – 1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства / Н.А. Кривова. – М.: АИРО – XX, 1997. – 248 с.
25. Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви / А.И. Кузнецов // «Обновленческий» раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / сост. И.В. Соловьев. – М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2002. – С. 129–606. – (Материалы по истории Церкви; кн. 27).
26. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922 – 1953 гг.) / И.А. Курляндский. – М.: Кучково поле, 2011. – 720 с.
27. Куроедов В.А. Религия и церковь в советском государстве / В.А. Куроедов. – М.: Политиздат, 1981. – 256 с.
28. Лавринов В., прот. Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922 – 1945) / Прот. В. Лавринов. – М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2007. – 312 с. – (Материалы по истории Церкви; кн. 42).
29. Левитин-Краснов А. Очерки по истории русской церковной смуты /А. Левитин-Краснов, В. Шавров. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 672 с. – (Материалы по истории Церкви; кн. 9).
30. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. / Т.Г. Леонтьева. – М.: Новый хронограф, 2002. – 253 с. – (Российское общество. Современные исследования).
31. Леонтьева Т.Г. О «советском» периоде истории Русской православной церкви: версии постсоветской российской историографии / Т.Г. Леонтьева // The Soviet and Post-Soviet Review. – Vol. 30. – 2003. – №2. – С. 185–207.

32. Леонтьева Т.Г. Попы, церковники и сектанты в «большевистской перестройке» в Калининской области 1937–1938 гг. / Т.Г. Леонтьева // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447. – М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2009. – С. 216 – 243.
33. Леонтьева Т.Г. Тверская епархия в 1917 – 1918 гг.: испытание революцией / Т.Г. Леонтьева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2012. – Вып. 4. – С. 23–35.
34. Лобанов В.В. Патриарх Тихон и советская власть (1917 – 1925 гг.) / В.В. Лобанов. – М.: Русская панорама, 2008. – 352 с. – (Страницы российской истории).
35. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. – М.: Прогресс-Культура, 1994. – 416 с.
36. Михайлова Т.Г.⁵⁷⁵ К вопросу о природе и масштабах большевистских гонений против Русской Православной Церкви в годы Гражданской войны: историографические заметки / Т.Г. Михайлова // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. – М.: Раритет, 2002. – С. 480–495.
37. Одинцов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917 – 1938 гг.) / М.И. Одинцов. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
38. Одинцов М.И. Декларация митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. и борьба вокруг нее / М.И. Одинцов // Отечественная история. – 1992. – №6. – С. 123–139.
39. Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории русской церкви (1921 – 1925) / С. Г. Петров. – М.: РОССПЭН, 2004. – 408 с.
40. Плаксин Р.Ю. Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны / Р.Ю. Плаксин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Лениздат, 1987. – 208 с.

---

⁵⁷⁵ Псевдоним д.и.н. проф. Т.Г. Леонтьевой.

41. Покровский Н.Н. Предисловие / Н.Н. Покровский // Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922 – 1925 гг. – М. – Новосибирск: Сибирский хронограф; РОССПЭН, 1997. – С. 7–109.
42. Поляков А.Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 – середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии) / А.Г. Поляков. – Киров: МГИУ, фил. в г. Кирове, 2007. – 203 с.
43. Поспеловский Д.В. Размышления над книгой: [Рец. на:] Цыпин В., прот. История Русской Церкви 1917 – 1997. М., 1997 / Д.В. Поспеловский // Церковно-исторический вестник. – 2000. – № 6–7. – С. 231–237.
44. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
45. Псковский синодик пострадавших за веру Христову в годину гонений священноцерковнослужителей, монашествующих и мирян Псковской епархии XX столетия / ред. архимандрит Ермоген (Муртазов). – М. – Псков: Духовное преображение, 2005. – 744 с.
46. Регельсон Л.Л. Трагедия русской церкви (1917 – 1945) / Л.Л. Регельсон. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 630 с. – (Материалы по истории Церкви; кн. 15).
47. Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции) / П.Г. Рогозный. – СПб.: Лики России, 2008. – 224 с.
48. Рожницын П. Тихоновцы, обновленцы и контрреволюция / П. Рожницын. – М.–Л.: Госиздат, 1926. – 30 с.
49. Русак В. История Российской церкви. Со времени основания до наших дней. – США, 1993. – 580 с.
50. Савва (Тутунов), игумен. Епархиальные реформы / Игумен Савва (Тутунов). – М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2011. – 496 с. – (Церковные реформы).
51. Савельев С.Н. Бог и комиссары (к истории комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК ВКП(б) – антирелигиозной комиссии) /

- С.Н. Савельев // Религия и демократия: На пути к свободе совести. Вып. II. / сост. А.Р. Бессмертный, С.Б. Филатов. – М.: Прогресс – Культура, 1993. – С. 164–216.
52. Сипейкин А.В. Политика советской власти в отношении Русской православной церкви в 1917 – 1921 годах (на материалах Тверской губернии) / А.В. Сипейкин. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2007. – 180 с.
53. Смирнов В.А. Тверское ЧК – ОГПУ – меч и щит советской власти / В.А. Смирнов // От ЧК до ФСБ. 1918 – 1998: Сборник документов и материалов по истории органов государственной безопасности Тверского края / Управление ФСБ РФ по Тверской области; редкол.: Г.П. Цветков (отв. ред.) [и др.]. – Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1998. – С. 9–23.
54. Соловьев И.В. Краткая история т.н. «обновленческого раскола» в Православной Российской Церкви в свете новых опубликованных исторических документов // «Обновленческий» раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / сост. И.В. Соловьев. – М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2002. – С. 3–64. – (Материалы по истории Церкви; кн. 27).
55. Стратонов И.А. Русская церковная смута (1921 – 1931) // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. – С. 29–172. – (Материалы по истории Церкви; кн. 5).
56. Титлинов Б.В. Новая церковь / Б.В. Титлинов. – Пг. – М.: Тип. А.Я. Ганзбург, 1923. – 85 с.
57. Титлинов Б.В. Церковь во время революции // Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов / сост. Н.А. Кривошеева. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 296–388.
58. Троицкий С.В. Что такое «Живая церковь» // «Обновленческий» раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) /

сост. И.В. Соловьев. – М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2002. – С. 65–127. – (Материалы по истории Церкви; кн. 27).

59. Феодосий (Процюк), митрополит. Обособленческие движения в православной церкви на Украине (1917 – 1943) / Митрополит Феодосий (Процюк). – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004. – 635 с. – (Материалы по истории Церкви; кн. 36).

60. Фирсов С.Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) / С.Л. Фирсов. – М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2002. – 624 с. – (Церковные реформы).

61. Хрусталева М.Ю. Русская православная церковь в центре и на периферии в 1918 – 1930-х годах (на материалах Новгородской епархии) / М.Ю. Хрусталева. – Череповец: СПБИЭУ, фил. в г. Череповце, 2008. – 182 с.

62. Цыков И.В. Борьба с голодом весной 1922 года в отражении документов канцелярии Тверского архиепископа / И.В. Цыков // Современные проблемы изучения истории Церкви. Международная научная конференция: Тезисы докладов. Препринт. – М.: Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. – С. 264–268.

63. Цыков И.В. Влияние «Революционной смуты» на формирование новой системы церковной власти в 1917 – 1918 годах (По материалам Тверской епархии) / И.В. Цыков // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы X Междунар. науч. конф., Иваново, 16–17 февраля 2011 г.: в 2 ч. Ч. 1. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2010. – С. 392–398.

64. Цыков И.В. Закрытие Селижаровского Троицкого монастыря (1928 – 1930 гг.) / И.В. Цыков // Всероссийская студенческая историко-регионоведческая конференция, г. Санкт-Петербург, 6–7 апреля 2006 г.: Доклады и сообщения. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – С. 195–198.

65. Цыков И.В. Коллективное руководство епархией: тверской опыт, 1918 – 1932 годы / И.В. Цыков // Государство, общество, церковь в истории России

XX века: материалы XI Междунар. науч. конф., Иваново, 15–16 февраля 2012 г. В 2 ч. Ч. 1. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2012. – С. 322–329.

66. Цыков И.В. Обновленческая организация Тверской (Калининской) епархии в 1930-е годы / И.В. Цыков // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы XII Междунар. науч. конф., Иваново, 20 – 21 февраля 2013 г. В 2 ч. Ч. 1. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2013. – С. 324–330.

67. Цыков И.В. Политика ВКП(б) в отношении православного монашества в конце 1920-х – начале 1930-х гг. / И.В. Цыков // Тверской край – душа России: Материалы научной конференции, г. Тверь – г. Торжок, 23–24 декабря 2005 г. –Торжок: ВИЭМ, 2005. – С. 184–186.

68. Цыков И.В. Православное духовенство г. Калинина в период «Большого террора» (по материалам архивно-следственных дел НКВД) / И.В. Цыков // Церковь в истории и культуре России: сборник материалов Международной научной конференции. Киров (Вятка), 22–23 октября 2010 года. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. – С. 262–264.

69. Цыков И.В. Православное монашество в годы коллективизации / И.В. Цыков // Границы в пространстве прошлого: социальные, культурные, идейные аспекты: Сборник статей участников Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых исследователей, посвященной 35-летию Тверского государственного университета, г. Тверь, 23–26 апреля 2006 г.: В 3 т. Т. 2. – Тверь: Изд-во ТвГУ, 2007. – С. 178–281.

70. Цыков И.В. Православные монахи в репрессиях 1937 – 1938 гг. в Калининской области / И.В. Цыков // Сталинизм в советской провинции: 1937 – 1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 275–282.

71. Цыков И.В. Раннее обновленчество в Тверской епархии, 1922 – 1923 гг. / И.В. Цыков // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Ека-

теринбург, 18–20 апреля 2010 г. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН; Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. – С. 371–375.

72. Цыремпилова И.С. Обновленческий раскол в Иркутской епархии в 1920-е гг. / И.С. Цыремпилова // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы X междунар. науч. конф., Иваново, 16–17 февраля 2011 г.: в 2 ч. Ч. 1. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2011. – С. 398–405.

73. Цыпин В., прот. Русская Церковь (1917 – 1925) / прот. В. Цыпин. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1996. – 335 с.

74. Шиленок Д., свящ. Из истории православной церкви в Белоруссии (1922 – 1939) («Обновленческий» раскол в Белоруссии) / свящ. Д. Шиленок. – М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2006. – 218 с. – (Материалы по истории Церкви; кн. 38).

75. Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви / А.А. Шишкин. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1970. – 368 с.

76. Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви / М.В. Шкаровский. – СПб.: НИЦ «Мемориал», 1999. – 400 с.

77. Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века / М.В. Шкаровский // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. – Вып. 6. – М., 2000. – С. 5–51.

78. Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917 – 1945 / М.В. Шкаровский. – СПб.: Лики России, 1995. – 207 с.

79. Шкаровский М.В. Русское монашество в советское время / М.В. Шкаровский // Церковь и время. – 2002. – №1 (18). – С. 193–208.

80. Шкаровский М.В. Судьбы Иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. Архивные документы / М.В. Шкаровский. – СПб.: Сатисъ Держава, 2006. – 591 с.

Приложение 1.**Кавский В., прот.****Записки об отношении к обновленчеству. 1922 г.**

Черновая рукопись простым карандашом на 5 листах представляет собой 2 связанных по смыслу и близких по времени создания текста. Подлинник принадлежал священнику-обновленцу Виктору Андреевичу Кавскому (1870 – 1933), в настоящее время хранится у его внучки Ирины Вениаминовны Романовой, проживающей в г. Твери.

Текст 1.

Бывают минуты, когда все те принуждения, скрытые в сердце, истинные чувства просятся вылиться наружу лишь бы тому дадены были известный толчок.

Случайно попавшийся номер Центральных известий, где помещено обращение к верующим сынам православной церкви, тех истинных представителей духовенства, открыто выступивших с осуждением действий высших иерархов и их присных прислужников низшаго духовенства, затронули и мои годами скопленные и скрытые чувства недовольства.

Я, как сельский священник, с радостью присоединяюсь к мнению этих представителей духовенства, осмелившихся открыть занавесь закулисной жизни этих фарисеев двадцатого века. Им чужды все те новшества, произошедшие в управлении государственной жизни, им чужды и все бедствия постигшие дорогую родину, они остались теми, каким были раньше.

Возьмем для примера 1905-6 годы, годы попытки свержения монархии, и посмотрим что делало тогда духовенство.

Оно не пошло вместе с угнетенным народом, а объединилось около правительства, пользуясь от него разными подачками, за которые и продавали свою совесть. Под покровительством высших иерархов церкви, созда-

вались разные черносотенные союзы, как то Союз Русского Народа, пользующийся в то время особым покровительством монарха. Сюда входили разные графы и графини, которыя и истощали монаршія милости всемъ, числящимся в их союзе. Черносотенное духовенство, не стеснялось носить значекъ этого союза даже вместе съ возложенными на них крестами.

Но зато горе тому изъ духовенства, который осмелился пренебреч этим черносотеннымъ союзомъ, и пошелъ въ ряды угнетенного народа. Плоды такого поступка я испытал на себе, тутъ гонение и отъ гражданской власти, гонение и отъ духовной, а конец – или членъ союза русского народа или полное разорение.

Въ обвинение ставилось главное [–] неподчинение власти и приводилось апостольское изречение: «всяка душа властямъ предержащим да повируется...».

Теперь можно спросить самих тех правителей и учителей церкви: что же они забыли это изречение и сами встали въ ряды противящихся Народной Власти? Нетъ они не забыли, а Власть-то имъ не по шерсти, отъ ней подачки ожидать нельзя, да она имъ и не покровительствуют какъ раньше. Вотъ ясно и обнаружилась их фарисейская закваска.

Они забыли заветы и самого Христа, учение которого основано на любви къ ближнему и делах милосердия. Они сами преподают это учение, называя всех братьями о Христе, и в то же время голодному брату преподають камень вместо хлеба.

Это ясно обнаружилось въ настоящее время когда голодь ежедневно уносит тысячи жизней наших братьев. Советская Власть, изчерпав все средства для прокормления голодающих, решила использовать никому не нужныя церковныя ценности и изъять ихъ из церквей.

И снова мы видимъ, что в этом деле милосердия, наши отцы-церковныя правители и иже съ ними не пришли на помощь Рабоче-крестьянскому правительству а своими воззваниями подымали контр-революціонный духъ своих верующихъ, желая вызвать поворотъ в государственном строительстве.

Духовные правители, строго запрещающие духовенству принадлежность к какой либо партии, сами оказались членами какой-то (наверно монархистов) против-правительственной партии, нанося этим крайнюю обиду прогрессивному духовенству.

Вот новые фарисеи, облекшиеся в святительские одежды вместо фарисейской тоги, и позорящие собою церковь, сеяющие раздоръ, а проповедующие братскую любовь.

Слава Богу, что уже проснулось духовенство и начинает открыто выступать против таких правителей церкви которые сеют рознь среди народа и его Правительства, а истинные гады церкви пусть вспомнят предостережение самого Христа, который велел остерегаться и избегать закваски фарисейской.

Текст 2.

Волна революции 17 г. прокатилась по всей земле русской смывая на пути все отжившее наследие монархического строя. Достигнув временной преграды, она остановилась у предверия Временного Правительства. Но снова новый напорь[,] преграда рушится, и волна несется далее пока не встретила несокрушимой преграды и здесь остановилась образуя из себя существующее доселе Рабоче-крестьянское Правит[ельство]. Эта волна революции всколыхнула все сословия российского населения. Зашевелилось и сословие духовенства. Оно тоже не довольное старым искала нового порядка, нового управления и новой свободы. Решено было созвать всероссийский собор духовенства сь представителями отъ мирян и здесь выработать новья начала церковнаго управления. Начались выборы представителей собора, запуганное духовенство, боясь открыто высказывать свои мнения выбирало представителей из представленных ему кандидатов, которые отличались особою религиозностью или пользовались покровительством начальства. Вот из таких предста-

вителей, большинству коих были чужды всякия новые начинания в делах свободы, и составлен былъ Священный собор.

Начались заседания именуемые деяниями этого Собора.⁵⁷⁶ Во главе этих советов оставались прежние Епископы [одна строка утрачена] сторонники прежних духовных порядков.

На одном из таких деяний прежде всего были выработаны те мероприятия которыми карались все противящиеся церковной власти и потворствующие гражданскому начальству. Вот эти наказания:

1. Епископъ, противящейся высшей церковной власти – запрещается в служении съ преданием суду.
2. Священнослужители противящиеся своему Епископу или находящиеся в пререканиях с начальствующими лицами запрещаются в служении, предаются церковному суду и в случае не раскаяния в своих деяниях извергаются из сана.

Низшие категории виновные в этом преступлении, лишаются духовнаго звания. Миряне виновные в упомянутых преступлениях – подлежат отлучению от церкви (6/19 апреля 1918 г. см. Епархиальные ведомости № 13–18).

Таким образомъ съ самого начала своего существования Церковный Собор показал истинную свою подкладку своего назначения. Вместо долгожданной свободы духовенство получило новыя путы, связующие всех свободомыслящих. В своих деяниях предатели собора пошли ещё дальше. Вместо всяких ожидаемых новшеств в управлении церкви и духовенства они возвратились на 200 лет назадъ и на одном из своих деяний избрали князя церкви в лице Патриарха Тихона. Подъ мудрымъ управлением этого Святейшего Владыки церковь и духовенство находилось в течении четырех лет и дошло до настоящего позорного момента – гражданской войны церкви съ государством, а духовенству отведено место среди контр-революционеров Советской власт[и].

---

⁵⁷⁶ **Зачеркнуто:** *Выбирались разные советы (по примеру гражданской власти) Епархиальны[й] благочиннический и т.п.*

Но пусть знают, что не все духовенство на стороне патриарха Тихона и его присных устроителей противодействий Народной Власти. Это уже доказано. Прогрессивное духовенство сделало свое дело, оно заставило уйти съ поста этого Святейшаго патриарха, который оказался не на своем месте. Эта группа истинных служителей церкви, осмелившаяся изобличить неправду пусть будет тою путеводною звездою которая-бы привела къ новому управлению церковью на взаимных отношениях с Народною Властью.

Долг всех служителей церкви и всех истинно-верующих придти на помощь в новом строительстве управления церковью.

На новый **[одно слово неразборчиво]** Собор, который необходим в настоящее время должны быть посланы люди съ известною подготовкою нового строит[ельства,] а не люди стараго строя – противники всяких новшествъ, что-бы духовенство снова не оказалось у разбитаго корыта.

Пусть туда идут люди с открытою душою, а не волки въ овечьей шкуре. Тамъ не место тому духовенству, которое раньше стояло в рядах монархистов и только сбитыя и напуганныя волною революции вставшия в ряды народа.

Вспомните первые дни революции и убедитесь в моей правоте. Я самъ виделъ, какъ на площадях города, размахивая руками съ широкими рукавами, увешенные крестами выступали духовныя ораторы съ громовыми речами против царя и его правительства. На самомъ деле это члены Союза Русского Народа обманывали народъ и выдвигали себя в кандидаты въ разные комитеты временнаго управления. Они не стеснялись выдвигать себя представителями отъ духовенства, выбирали сами себя, безъ участия и желанія на то самого духовенства. Достигали своей цели[,] считались в народе передовыми людьми и пролезали всюду в число лицъ временнаго управления.

Вот таких лиц и нужно избегать⁵⁷⁷ при выборах в новый [**одно слово неразборчиво**] собор, что-бы все участники его были люди, соблюдающие интересы церкви и ея служителей, а не поработителями ихъ.

---

⁵⁷⁷ **Зачеркнуто:** бояться.

Приложение 2.**Тезисы для внебогослужебных бесед в день десятилетия
Октябрьской революции**

Рукопись синими чернилами, помещенная в конверт. Пометы, выделенные курсивом, выполнены другим почерком красными чернилами. Документ заверен печатью Тверского епархиального управления (обновленческого). Подлинник принадлежал священнику-обновленцу Виктору Андреевичу Кавскому, в настоящее время хранится у его внучки Ирины Вениаминовны Романовой, проживающей в г. Твери.

Конверт

Ст. Кулицкая Октябр[ь]с. ж. д.

Село Садыково

Протоиерею о. Виктору Кавскому

Т.Е.У.

630-1-2

Энгельса, 41

Рукопись

Тезисы для внебогослужебных бесед в день десятилетия
Октябрьской революции.

Копия

1.) Христос Спаситель принес на землю Царство Духа, как об этом читаем мы в беседе Его с самарянкой. Вечной жизнью дышат все страницы Евангелия, осуществить начала которой и призван человек, верующий во Христа.

2.) Это основное воззрение христианства и определяет всё отношение Церкви к обществу и государству. Когда Христа спросили: Царь ли он, Он ответил, что Царство Его не от мира сего. И в то же время отвечая искушавшим Его, Он потребовал от Своих последователей безусловного исполнения государственных повинностей. Таким образом, Господь установил принцип раздельности Церкви и Государства.

3.) История первохристианства блестяще доказывает, как верен этот принцип для правильного духовного развития членов Св. Церкви. Церковь не была соединена с государством и, не взирая даже на частое гонение со стороны правительства, явила всему миру бессмертные примеры героизма духа.

4.) Наоборот, время Византизма в Церкви, время тесного союза Церкви с государством, показывает нам упадок духовного развития Церкви. Постепенная бюрократизация иерархии, торжество буквы над духом, омирщение духовенства вместо подвигов и исповедничества, – все это характеризует положение так наз. господствующей Церкви.

5.) Русская Церковь дореволюционной эпохи являет нам ту же печальную картину. Ярко горят отдельные звездочки угодников Христовых, но темен, мрачен общий фон: казенное благополучие, усердие начальству, всюду монарх и его клеветы, всюду интересы государства преобладают над подлинными интересами Церкви.

6.) Это ненормальное положение Церкви ее лучшие сыны выявляли еще до революции (Соловьев, Достоевский, Хомяков, свящ. Петров, Митрополит Антоний). Но только революция, этот Суд Божий над человеческой неправдой раскрепостил Церковь. Молния народного негодования спалила двухглавого орла – самодержавие. Церковь стала свободна.

7.) В самом деле, Ленинский декрет об отделении Церкви от государства основным своим замыслом ставит Церковь в независимое от Государства положение. Церковь, в своей чисто-религиозной деятельности, должна быть свободна.

8.) К сожалению, часть Церкви, руководимая б.п. Тихоном, заняла остро-враждебное положение в отношении новой власти: это послужило исходным моментом к целому ряду серьезных ненормальностей во взаимоотношениях Церкви и Государства (Голод на Поволжье, деятельность эмигрантского духовенства и т.п.)

9.) Однако, здоровое ядро Православия, верное апостольским и святоотеческим традициям, не позволило увлечь себя на гибельный путь борьбы Церкви с государством, что характеризует общественную идеологию староцерковничества.

Обновленчество основывает свои отношения к советскому правительству на принципах декрета об отделении Церкви от Государства.

10.) Правильное понимание существа этих принципов, согласно которым Церковь, при лояльном отношении своих членов к государству, внутренне свободна, открывает верующим блестящие религиозные перспективы, дающие нам глубокую христианскую надежду, что, вопреки консервативному преклонению староцерковников пред буквой обряда и традиции, благодаря чему растет равнодушие к вере и усиливается сектантство, возможно подлинное обновление вечных начал христианства, духовную красоту которого и должна выявить обновляющаяся православная Церковь.

1927г. Сентября 27 дня

№4459.

С подлинным верно. Для исполнения. 1927г. 21-го Октября №551.[Архиепископ] Мель[хиседек]

Приложение 3.**Донесение епископа Старицкого Петра (Зверева) в Тверской епархиальный комитет по сбору пожертвований для оказания помощи пострадавшим от неурожая**

27/III (9/IV) 1922 г.

При личной встрече 22/III (4/IV) 1922 г. Серафим заявил:

«Уступая добровольно все то, что возможно, без чего можем обойтись в своем служении Богу, вы уступаете и даете Христу.

Призываю Божие благословение на всех тех, кто пойдет на встречу нуждам голодающих и мирным соглашением с представителями власти отдаст церковные ценности в лице умирающих от голода братьев – самому Христу».

ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 13. Д. 160. Л. 8–8об. Рукопись.

Приложение 4.

Прощальное послание митрополита Серафима (Александрова) пастырям и пасомым Тверской епархии

Божиею Милостию

Смиренный Митрополит Серафим

Пастырям и пасомым церкви Тверской.

Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и Патриаршим Священным Синодом мне указано служить в иной епархии, ином месте. Десять с лишком лет я управлял Тверской Церковью, охраняя ее от ересей и раскола и церковных смут. При всяких обстоятельствах церковной жизни вообще, в частности[,] при всяких обстоятельствах личной моей жизни, у меня была одна забота, одна цель: сохранить вверенную мне паству и церковь Тверскую, в истинной вере, преданности законной церковной иерархии, староцерковности на тех началах, кои не раз были указываемы почившим Святейшим Патриархом Тихоном. Сохраняя паству и пастырей от обновленчества, Борисо-Григорьевщины и нового раскола⁵⁷⁸, я старался всячески охранять пастырей и от внешних невзгод, не раз призывая всех их быть лойяльными в отношении Соввласти, отвращая всячески от лиц[,] желавших вовлечь духовенство в пассивное или активное противодействие Соввласти и современному государственному строю. Кары пастырей и пасомых я сам старался перенести на себя, не щадил в этом отношении себя[,] лишь бы сберечь вверенное мне стадо от бед, скорбей, а епархию от развала и разрухи. Временами мучительные часы, дни и недели я проводил в тоске от той лжи и клеветы, какие изливали на меня злонамеренно или в блаженном неведении враги и «друзья»... Все проходило, и только глубокий след отражался на моем здоровье. Не мне и не подчиненным судить о том, плохо или хорошо правил я Тверской церковью. Суд принадлежит истории, а паче всего Праведному

---

⁵⁷⁸ Иосифлянского.

Господу. Историю пишут люди, часто пристрастно; Господь же судит нелицеприятно. С дерзновением исповедаю перед Господом, что даже и в мыслях не изменял, ни вере, ни церкви Божией, ни родному православию... И мне не стыдно передать Тверскую епархию тому, кого Господь через Высшую Церковную Власть указывает быть моим заместителем. Передаю я благоустроенную староцерковную и верную заветам Святейшего Патриарха Тихона[,] Местоблюстителя Патриаршего престола и его законного Заместителя Митрополита Сергия, но все что доброго сделано, сделано не мной, не моими силами, а с помощью Божественной благодати, с помощью моих ближайших сотрудников и соратников, пастырей церкви Тверской... Сколько славных имен я мог бы здесь перечислить, сколько видных и крупных я указал бы о.о. благочинных, на которых я опирался, приводя в порядок церковную жизнь епархии и охраняя паству от хищных волков. Пастыри церкви Тверской стояли и в массе своей стоят на высоте[,] и я всегда гордился ими, указывал на них в своих докладах и почившему Святейшему Патриарху и Патриаршему Священному Синоду. Ныне, прощаясь, благодарю пастырей церкви Тверской за верность и преданн[ость мне,]⁵⁷⁹ за поддержку во всех моих начинаниях ко благу церкви Тверской, за редкостное своему архипастырю послушание. До гробовой доски буду вспоминать с благодарностью о них, благословляя их труд и жизнь... Об одном прошу: будьте стойки в вере, верны и преданны староцерковным началам, Патриаршему Местоблюстителю Митрополиту Петру и его законному Заместителю Митрополиту Сергию, как и Патриаршему Синоду и Преосвященному Епископу Фаддею, законному архипастырю и отныне главе церкви Тверской. Отвращаясь беззаконного и губительного обновленчества, В.Ц.С. «Григорьевщины[»] и нового, злейшего, чем обновленчество, раскола, берегите чистоту Церкви Тверской, держась крепко староцерковных заветов, уча паству доброй жизни по заветам Христа. Всех[,] кого чем-либо обидел и обошел, прошу простить меня, как и я всех прощаю, кто

---

⁵⁷⁹ Фрагмент утрачен, восстанавливается по смыслу.

волею или неволею причинял мне скорби. Благословляю всех[,] и пастырей и пасомых, прошу помянуть мое убожество в своих молитвах.

Место печати Митрополита Серафима

[...] ⁵⁸⁰ июня 1928 года. С подлинным верно благочинный прот. [подпись] ⁵⁸¹

ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25701-с. Л. 77–78об. Рукопись.

---

⁵⁸⁰ Дата утрачена.

⁵⁸¹ В подписи отчетливо читается *П. Звер*, далее неразборчиво.